

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА • Интеллигент

Этим изданием мы подводим итоги нашего медийного проекта «Интеллигент», которому всего около года. Он не связан с предыдущими проектами – ни с городом Костомукшей, ни с Карелией в целом. Зато везде он получил огромный интерес и высокую оценку. И это закономерно.

Давайте, вспомним, а с чего начинался медийный проект «Интеллигент»?

Сам проект медийной группы изданий не был случайным. К концу весны и началу лета 2011 года ситуация вокруг изданий «ПИ 1» (Провинциальный Интеллигент 1) и «Интеллигент. Спб» складывалась непростая. Было принято решение о развитии проекта, который бы потерял свою провинциальность, обретая при этом столичное лицо. Дальнейший проект должен был быть связан с тремя городами: Москва, Санкт-Петербург и Нью-Йорк. Мы должны были создать три самостоятельных международных издания, причем в одной стилистике и в одной группе публицистических литературных изданий, но которые друг от друга отличались бы материалами. Сделать это было еще сложнее из-за того, что проект покинули все соучредители, остался только один. В то время надо было думать только о простой форме выживания, сохранить хотя бы одну газету «ПИ 1». Надежды на то, что газете «ПИ 1» будет оказана помощь чиновниками из Карелии, не было. В это же время и внутри проекта началось брожение, поэтому срочно нужно было провести переговоры с новыми людьми, обновить редакторский и представительский состав. Нужно было аккумулировать немалые финансовые средства уже на медийную группу изданий. Редакторскому совету нужен был новый человек, с иной формой сознания, но все же придерживающийся наших основных моральных и классических принципов в словесном творчестве. Такого современного автора и филолога мы увидели в Наташе Крофтс из Австралии. Молодая, энергичная, с западным мышлением, но хранящая любовь к классическому русскому языку, Наташа не ангажирована политически, по культам верования, по национальным и прочим вопросам. Более того, ей самой наш уникальный проект был интересен и, даже имея огромную занятость по основной работе, только на энтузиазме она с удовольствием приняла в нем участие. Получилось так, что для нашего проекта Наташа Крофтс стала и «локомотивом», и первым человеком уже со своим кругом авторов и знаниями, которые она привнесла. Вскоре мы почувствовали, что наступает момент, когда нам все же надо показать нечто серьезное, особую избирательность уже без влияния наших представителей и совета редакторов. Хотя этот номер журнала «Интеллигент» частично заполнен нашими редакторскими и представительскими работами, в большей же степени первый номер журнала сформирован Наташей Крофтс. Мы надеемся, что он станет не только неким отправным моментом, но и эталоном для наших последующих журналов, которые мы планируем издавать два раза в год. Формировать журналы мы будем по очереди, поэтому, приняв эстафету, уже в следующем номере мы с Диной Лебедевой постараемся не уронить высокую планку, заданную Наташей Крофтс на первом этапе.

Не секрет, что СМИ – это архитектурный свет господствующего духа времени и власти. Однако наш проект – это исключение из этих правил. Именно это привлекает к нему

внимание авторов и лиц, готовых с нами сотрудничать. Издание журнала – это наше новое достижение, но главное – это те авторы, которые стали с нами сотрудничать в проекте медийной группы «Интеллигент». Сейчас мы можем назвать новый состав участников проекта медийной группы «Интеллигент», который уже сложился за небольшой период времени. Это учредители Сергей Пашков и Сергей Лебедев, главный редактор газеты «Интеллигент. Спб» Наташа Крофтс (Австралия), главный редактор газет «Интеллигент. Москва» и «Интеллигент. Нью-Йорк» Дина Лебедева (г. Петрозаводск), редактор материалов для детей Ольга Аксенова (Мытищи), заместитель главных редакторов Вячеслав Барыбов (г. Омск), художественный редактор Наталья Гордеева (США). Совет редакторов: Светлана Савицкая (Москва), Нина Большакова (США), Андрей Сунгуров (Петрозаводск). Наши представители: в России – Ольга Грушевская и Ян Кауфман, Елена Ерофеева-Литвинская, Наташа Лайдинен (Москва), Екатерина Асмус (Санкт-Петербург), Эльдар Ахадов, Ольга Чинякова (Красноярск), Андрей Насонов, Анна Мамаенко (Краснодар)... и так до Магадана, где нашим представителем является Сергей Малашко.

Наши представители есть и на Украине. Это Андрей Дюка (Кривой Рог), Светлана Тишкина (Луганск), Людмила Шарга (Одесса), Наташа Северная (Днепропетровск), Юрий Топунов (Херсон). Нашими представителями в США являются: Вера Зубарева и Зиновий Коровин, а в Израиле – Марк Луцкий и Ирина Явчуновская. Есть представители в странах БЕНИЛЮКС, это Майя Шварцман... и даже в Новой Зеландии у нас есть свой представитель – Ирина Кушнерова. Естественно, у каждого есть свой круг почитателей и соратников. Самое главное то, что все мы независимы друг от друга, но с удовольствием занимаемся в этом проекте сообща. Мы связаны тоненькой, но прочной цепочкой, можем помочь, если кто-то обращается за советом. Каждый представитель или участник проекта самостоятелен во многом, даже в том, как он делает презентацию, каких авторов или материалы он дает для публикации. И каждый, получая от проекта нечто нужное ему и его соратникам, продвигает и сам проект. Такие взаимоотношения, когда можно не заводить отношений с участниками проекта, но работать на общее дело, устраивает всех. Мы принимаем те правила, которые не касаются основных убеждений и прав какого-то иного лица; все участники проекта чувствуют свободу и равноправие. С введением в проект ИЗБРАННОСТИ, появились новые правила и новая планка, а это планка и для авторов. От лица всех участников проекта я благодарю Наташу Крофтс за то, что она запустила новое детище медийной группы изданий «Интеллигент».

И в заключение хочу еще раз напомнить о наших достижениях и победах. Менее чем за полгода существования проекта медийной группы «Интеллигент», в номинации «Коммуникации» мы получили три диплома «Золотое перо Руси»! А 2 апреля 2012 года двое членов проекта – это Вячеслав Барыбов и Сергей Пашков награждены орденами «Трудовая доблесть России», как участники творческой интеллигенции при становлении культуры в России на современном этапе общества.

Сергей ПАШКОВ

Содержание

Слово учредителя.....3

Австралия

Ирина Нисина.....3
Сергей Ерофеевский.....5
Татьяна Бонч-Осмоловская.....6
Игорь Гельбах.....7
Нора Крук.....10
Наталья Крофтс.....11

Белоруссия

Мария Малиновская.....13

Бельгия

Майя Шварцман.....15
Мельник Александр.....17

Великобритания

Антонина Калинина.....19

Германия

Михаил Юдовский.....21
Валерий Брайнин-Пассек.....24
Даниил Чкония.....25
Михазль Шерб.....28
Александр Ланин.....31
Виталий Шнайдер.....33

Израиль

Игорь Губерман.....34
Петр Межурицкий.....36
Михаил Сипер.....38
Марк Луцкий.....40

Кипр

Александра Шнеур.....42

Молдова

Виктория Чембарцева.....45

Украина

Александр Чернов.....47
Лидия Ивченко.....49
Юрий Топунов.....51

Россия

Ефим Бершин.....52
Игорь Царёв.....55
Владимир Севриновский.....56
Алексей Остудин.....59
Борис Вольфсон.....60
Виктория Ветрова.....62
Елена Ерофеева-Литвинская.....64
Маргарита Каганова.....66
Павел Ганжа.....69
Вадим Прохоров.....71
Дина Лебедева.....73
Сергей Суций.....75
Леонид Григорьян.....77
Александр Соболев.....79
Нина Огнева.....81
Анна Сироткина.....83
Наталья Лайдинен.....85
Вячеслав Омский.....87
Екатерина Асмус.....89

США

Вера Зубарева.....90
Михаил Этельзон.....92
Семён Каминский.....93
Андрей Грицман.....94

Франция

Ларисса Андерсен.....96

Финляндия

Елена Лапина-Балк.....97
Слово учредителя.....98

Ирина (Ляля) Нисина

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Педагогический институт. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинсленд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах и сборниках («Нива», «Новый журнал», «Стороны света», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

Рита и Борюсик

В каждой семье есть странные родственники: тети, дяди, двоюродные и троюродные сестры, братья, племянники. Они любят пропадать надолго, а потом напоминают о себе, внезапно появившись на пороге, прислав новогоднюю открытку, пригласив на свадьбу детей или внуков после пятилетнего молчания. В семье о них рассказывают множество историй, в которые поверить невозможно, но, зная их, невозможно и не поверить.

Такой странной «тетей» была Рита, дочка бабушкиного двоюродного брата. Настоящее имя ее было Ривекка (именно так было написано в ее паспорте!). Рита была единственной дочкой очень богатых родителей. Долгожданная и поздняя дочка ни в чем не знала отказа. Перед самой войной повезла Риту мама в Ленинград, хотела навестить сестру и показать девочке белые ночи. А через неделю началась война...

Семья сестры сумела эвакуироваться, а Риту, заболевшую корью, в вагон не пустили. Так остались они с мамой в большой пустой тетиной квартире переживая блокаду. Как жили они – рассказ отдельный. У них обеих выпали волосы. Рита потеряла все зубы, ногти слезли, а глаза почти перестали видеть. В самом конце блокады маму похоронили, и Рита осталась одна. Жить уже было полегче: через Ладогу время от времени прорывались машины с продуктами, открылись столовые, сначала для детей, а потом и для всех. Рита навсегда запомнила свой первый обед в столовой: суп с перловой крупой она ела, как до войны клубничное мороженое, облизывая каждую ложку.

Папа приехал за ней через неделю после снятия блокады. Он смотрел на Риту и не верил своим глазам. Отводил взгляд и вновь возвращался к ней, дочке, любимой, долгожданной, обещавшей вырасти настоящей красавицей. Папа плакал, а Рита думала, что он по маме так убивается. На следующий день они уехали домой, в Москву.

Волосы у Риты так и не выросли. А вот зубные протезы ей сделал самый лучший техник. Папа шепотом сказал ей, что он, будто бы, делал протезы самому Сталину. И очки ей подобрали в той самой

Кремлевской больнице. Первый парик привез Рите из Германии папин знакомый. Парик был белокурый, волосы длинные, закручены в локоны, как у Мэри Пикфорд. Рита смогла расстаться с косынками и впервые посмотрела на себя в зеркало с надеждой. В ту победную весну ей исполнилось шестнадцать лет. Она бегала с подружками смотреть салют и потихоньку присматривалась к молодым парням в военной форме. Парни тоже замечали ее: волосы золотые, зубки ровные, бровки тоненькие, как нарисованные... Рита пыталась догнать своих бывших одноклассников, но три года в школу она не ходила, а училась и до того не блестяще, так и не пошла она в школу. Папа записал ее в вечернюю, сказал мол, ходи-не ходи, а свидетельство за семь классов тебе выдадут.

Когда исполнилось восемнадцать, Рита подучилась немного и пошла работать в кассу поездов дальнего следования на Казанском вокзале. Не всё ли равно, где работать, мужа надо искать, вот что главное. Рита добросовестно искала себе мужа целых два года: ходила на все вечеринки, танцы, встречи и проводы. Она искала мужа в театрах, в ресторанах и в очереди к своему кассовому окошечку. Но муж не находился. Как еще выяснилось, детей у Риты быть не могло. Ну, кто же ее возьмет замуж с таким дефектом! И тогда за дело взялся Абрам, Ритин папа.

Рассуждал Абрам трезво: по любви Риту не возьмет никто – значит должен мужчина жениться по другой причине. Ребенка она родить не может – значит нужно искать мужа с таким же дефектом. Но чтобы был мужчина с головой! И чтобы...

Борис выписался из госпиталя уже демобилизованным. Стоял он на ступеньках главного здания и рассматривал бумажку с номером телефона, что на прощание дал ему главврач. «Позвони ему, – сказал главврач, – он тебе поможет на хорошую работу устроиться. Постарайся понять, в чем твой интерес. Сложится – не сложится, а работу такую ты сам не найдешь». Борис ехал на трамвае домой от Сокольников и все старался понять: зачем он кому-то нужен, да еще большему начальнику. Сам покалеченный, три раза раненный, последнее ранение в живот, все богатство – что на себе. Комната, правда, в бараке от родителей осталась. Отец на фронте погиб, мать умерла в сорок

Сергей Ерофеевский

Родился и вырос в Ростове-на-Дону. Окончил Машиностроительный институт. Работал на заводе, затем в газете. С 2000 года живёт в Австралии, в Сиднее. Работает в разных жанрах (стихи, рассказы, пьесы).

Весна — Осень

Весну сменила ты на осень,
И в марте листья опадают,
Как много зим никто не спросит,
Как мало лет никто не знает,
И сколько звёзд в небесной чаше
Мечты роняют в сновиденья,
Они с годами станут краше,
Но и короче, к сожаленью.

Ода дождю

1

Сегодня дождь, я не пойду на бал,
Тем более никто не приглашал,
И не было в округе нашей бала
Уже сто лет, в обед, и в ужин,
Один не шёл, другой не звал,
Но хлещет дождь, и мне никто не нужен.

2

Сегодня дождь, мне не в чем выйти в свет,
И незачем, размыты свет и тени,
Кидает в дрожь стихи и куст сирени,
Мой силуэт, в окне, сквозь рябь капли,
Смакует грусть под ливня трели.

3

Сегодня дождь, не время для утех,
Расстроены корриды, карнавалы,
Пьют горькую шуты и зазывалы,
Октавой ниже — колкий женский смех,
Сманённый похотью в сивушные подвалы,
А тех, кого здесь нет
Не рвут на части мокрых древ цимбалы
И не корёжит клавишный дуэт
Дырявых крыш и водяного шквала.

Лишь я не знал, что праздник отменён,
И, как болван, танцую под дождём.

4

Сегодня дождь, такие времена,
Улыбки спрятались под чёрными зонтами,
Не до цветов, малыш, идёт война,
Вода и ветер движутся фронтами.
На нас? Не думаю, мы за стеной,
На ту берёзу, взмокшую от страха,
На иву у реки идёт волной
Гроза, и синюю рубашу
Рвёт на груди...
Такие времена,
И я тебя слепил из винных капель,
Война, малыш, слёз горьких пелена,
А я люблюсь, как ни есть — предатель.

Неузнаваемо

Неузнаваемо переменился парк,
Где клён теряет листья-эполеты,
Под ним мы целовались невпопад,
Роняя воду с алого берета.

Неузнаваемо переменился день,
Что был вельможно-пасмурным когда-то,
Он ныне разделён на свет и тень,
Лиловый фон и жёлтые заплаты.

Неузнаваемо переменялась ты,
Семь лёгких ветров, шевеливших чёлку,
Ушли искать сожжённые мосты,
А мы остались, крутимся без толку

Ограда парка, красные цветы.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Родилась в Симферополе. Закончила МФТИ и французский университетский колледж. Кандидат филологических наук, автор учебного курса комбинаторной литературы (гуманитарный факультет МФТИ). Публиковала прозу, стихи, визуальную поэзию, статьи, переводы французской литературы. Организатор австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы» и основатель одноимённой ассоциации.

Мой брат

Мой самый большой друг – это мой брат. Вообще-то, у меня много братьев и сестёр, даже трудно сосчитать, потому что у моей бабушки была такая большая семья! Она рассказывает, что давным-давно, когда она была маленькой, у её родителей было восемь детей, четыре её брата и три сестры. У неё были длинные косы и огромные глаза, и она была самая красивая из девочек, а жили они в большом доме на берегу моря. Сейчас все выросли, разъехались по разным местам, стали бабушками и дедушками моих многочисленных братьев и сестёр, но хотя бы на несколько дней в году со своими детьми собираются вместе в том городе на берегу южного моря, откуда все родом. Мы играем и плаваем вместе. Там я и встречаюсь со своим братом, потому что на самом деле он мне троюродный брат и живет со своими родителями далеко-далеко, и остальное время я играю один. Я немного скучаю, и бабушка говорит, что из-за этого я такой фантазёр и выдумщик. И ещё она ворчит, что я вырасту и буду писать свои истории по-русски. Она, конечно, учит меня еврейскому, и когда собираются наши родные, они всегда поют ужасно красивые еврейские песни. Петь мне нравится, но сочинять по-еврейски не выходит. Я думаю по-русски, вот в чем дело. И по-русски говорю со своим любимым братом, когда мы встречаемся. Я столько историй сочиняю, пока сижу один, что даже успеваю забыть их. А он обижается и так просит вспомнить хоть что-нибудь, что я стараюсь и вспоминаю, и рассказываю ему про великого тритона, повелителя морей, который жил в чудесном дворце на дне морском, а по ночам выплывал на берег любоваться цветами, потому что на дне моря цветы не растут. Или про льва, который влюбился в солнце, потому что оно такое же рыжее, как и он сам, и полез на самую высокую гору в мире, чтобы поцеловать свою любовь. Но чем выше он лез, тем холоднее становилось кругом. А лев так мечтал поцеловать солнце, что всё полз и полз вверх по камням, а потом по снегу и льду. Была глубокая черная ночь, когда он, наконец, взобрался на самую высокую гору в мире. Его лапы были изранены об острые камни, нос отморожен холодным ветром, а глаза ослепли от снега. Лев поднял свою замерзшую голову вверх и стал ждать, когда встанет солнце. Потому что ночи обязательно придёт конец, и солнце встанет над миром и увидит рыжего, такого же рыжего, как и оно само, льва на вершине самой высокой горы в мире и поцелует его в замерзший почерневший нос. Так много историй, которые приходят ко мне, пока я один, жду, когда снова увижу своих братьев и сестер, и сочиняю, сочиняю. А бабушка говорит, что я самый большой выдумщик на свете, но это хорошо, что я так люблю моего брата и рассказываю ему свои сказки, потому что ему, наверно, плохо одному, без нас всех, ведь на самом деле все её братья погибли на войне, а её расстреляли вместе с родителями в том городе на берегу моря, когда она была совсем молодой, и не имела детей.

Игорь Гельбах

Родился в Самарканде в 1943 году, окончил физический факультет Тбилисского университета. Жил в Сухуми, Тбилиси, Риге, Москве, Ленинграде; с 1989 года живёт в городе Мельбурне (Австралия). Книги прозы Игоря Гельбаха изданы в Санкт-Петербурге, а также в Австралии, в переводе на английский. Автор вошёл в шорт-лист Премии Андрея Белого 2004 года.

В мастерской художника

«Сколько их было, этих мастерских, – пустых, огромных и маленьких, рядом с чердаками и подвалами, любопытством и страхом, светом и голодом, мясом и луком, женищинами, красками и пепельницами, а от всего остается то, что в углу, на холстах и картонах, и нельзя остановиться, надо делать еще, – живое, целое, как уходящий день и мир, – живое, как кровь, чтоб порезаться можно было...»

Ну и что же остается? Работы пером, графика, листы, где вереницы сплетенных тел, карлики, ключи и женичины; и живопись, – плотные, огромные, мастихином писанные словородки и будильники, атрибуты маленького, персонального ада; одинокие автопортреты, а потом вдруг кубы, окна, и в них летающие шары, птицы и женичины, – серые, розовые, голубые. И отдельно полуабстрактные работы, – конструкции, опоры и проемы, ускользящий остов бытия...»

Этот фрагмент из моей новеллы «Рыба на ужин» навеян посещениями мастерских замечательного русско-американского художника Леонида Ламма. Нас связывают долгие десятилетия дружбы. Персональная выставка проживающего в Нью-Йорке художника прошла в Петербурге в Русском музее, осенью 2009 г. и представила широкой публике панораму творчества создателя русского акционизма, характерного стремлением стереть грань между искусством и действительностью.

Нижеследующий текст был написан для книги «Леонид Ламм. От утопии к виртуальности» вышедшей в том же 2009 г.

1.

Впервые я увидел работы Леонида Ламма в его мастерской на Садово-Каретной, рядом с улицей, названной именем революционера-бомбометателя Ивана Каляева.

Два больших окна комнаты в квартире на втором этаже выходили на Садовое кольцо. С улицы доносился гул машин. Свет из окон падал на огромный рабочий стол с бумагой и карандашами, скальпелями и рейсфедерами в глиняной кружке. Тут же, на столе присутствовали кувшин с кистями, палитра и

тюбики с красками в желтой деревянной коробке.

Несколько в стороне стоял высокий, массивный желтоватый мольберт с неоконченной живописной работой.

У правой стены стояли полки с книгами и папками графических работ.

Слева от стола, на стене висело несколько работ, которые сразу же меня удивили и заинтриговали...

Было это в 1959 г., был я тогда совсем еще молодым человеком, и в мастерскую Ламма приехал сразу после того как побывал на Американской выставке в Сокольниках, где надолго задержался в той части зала, где экспонировалась американская живопись того времени.

У работ шло множество оживленных дискуссий.

Помню заявление одного из посетителей: «Мы с таким безобразием давно распрощались...», недоумение публики, самые разнообразные реплики посетителей и замечание одного из уставших гидов: «А почему же тогда ваше правительство не хочет продать нам все, что лежит в запасниках Третьковки и Русского музея?»

Теперь, оказавшись в мастерской Ламма, и увидев его работы, я был поражен...

Ясно было, что существовали какие-то общие корни и у того, что я видел в Сокольниках и у того, что увидел в мастерской на Садово-Каретной. Но странно и неожиданно было, что работы эти обретались на стене в мастерской московского художника...

Работы Ламма поразили меня своей дерзостью, завязался разговор и получилось так, что я проговорил с художником о его работах и обстоятельствах их появления до глубокой ночи.

Он был открыт, ироничен и добр и вовсе не пытался подчеркнуть разницу в возрасте, опыте и кругозоре. Я тогда заканчивал среднюю школу и был вдвое его моложе.

...В доме на Садово-Каретной Ламм жил с детства, и в детстве же по настоянию родителей учился игре на скрипке. Позднее учителем и наставником будущего художника стал Яков Чернихов, один из друзей его отца.

Произошло это во времена торжества «социалистиче-

ского реализма» в архитектуре, литературе, изобразительном искусстве и музыке. Конструктивизм и другие движения русского авангарда начала века изгнаны были из жизни, и в конце 40-х годов творения Чернихова, а он был еще и замечательным художником-графиком, жили только на бумаге...

В марте 1946 года, в день своего рождения, Ламм получил в подарок от Чернихова книгу с его графическими работами. Через пару дней Черников взял его с собой в дом на Масловке, где жило много художников. Пришли они и в мастерскую Владимира Татлина.

Автор контррельефов, проекта Башни Третьего Интернационала и «Летатлина» занимал комнату, где стоял огромный бильярдный стол, на котором он спал, работал, хранил свои пожитки и играл в бильярд.

В тот день Ламм стал свидетелем одной многочисленных дискуссий Чернихова с Татлиным о путях и судьбах конструктивизма...

Познакомил его Черников и с другим известным башнетворцем, – Константином Мельниковым.

Рассказывая об этих встречах, Ламм вспоминал, как поразило его кричащее несоответствие между градиозностью футуристических проектов и ущербностью существования их отодвинутых в сторону творцов...

Но уже в следующем, 1947 году Ламм был исключен из комсомола и вылетел с архитектурного отделения Строительного института, после того как органы госбезопасности арестовали его друзей, студентов мехмата МГУ, создавших подпольную организацию «Нищие сибариты».

«Сибариты» распространяли письма и листовки, в которых разоблачали карательный режим Сталина.

Ламму повезло, он избежал ареста, но возможность работы в архитектуре оказалась закрытой для него навсегда, и он, сконцентрировав волю и усилия, поступил учиться на художественно-графическое отделение Полиграфического института.

Оказалось, что работы из цикла «Исследование динамики пространства» сделаны были в Саратове, старом и пыльном купеческом городе на правом, холмистом берегу Волги, куда Ламм был направлен в 1954 году, после окончания Полиграфического института. Там он работал художником в областном книжном издательстве, где и познакомился с Борисом Миловидовым, другом Якова Чернихова по ВХУТЕМАСу.

Творчество Чернихова и судьба художника, умершего в забвении в 1951 г., были главными темами их бесед.

Увидел я и черно-белое фото того периода, запечатлевшее одетого в черное молодого художника, что тянет руку к груди беломраморной Венеры, на плечи которой накинута темная ткань. На переднем плане, – одна из пространственных композиций Ламма того периода, прикреплённая к небольшому мольберту.

Вдохновлены они были его архитектурными штудиями, но в отличие от творений его учителя, архитектора и визионера, одного из создателей русского конструктивизма Якова Чернихова, объекты Ламма парят в пространстве, скорее даже в небесах, лишённые какой-либо опоры, и порой представляются мне составленными из живых, разноразмерных элементов саратовских деревянных строений и заборов, плотов и мостков на реке...

В этих выполненных акварелью и маслом работах, присутствует яркий, потешный, театральный элемент, а само пространство есть нечто вторичное, вытекающее из динамики взаимодействия и связей элементов создаваемой художником конструкции, в то время как цветовые решения работ этой серии демонстрируют целый спектр ассоциируемых с пространством эмоций, от глухого раздражения дурной бесконечно-

стью заборов и амбаров, до упоения элегантной сценичностью оснащения парусников.

Читались они не только как пространственные строения, но и как высказывание, резкое и не вполне приличное о судьбах конструктивизма в России, ведь не зря же говорят в этой стране, что забор – это доски, прибитые к матерным словам.

Захватывало все – и присутствие сценического элемента в его работах, и драматическая трактовка пространства, и бесконечная ирония художника...

2.

Вернувшись в Москву Ламм продолжал заниматься книжной графикой как почти все остальные художники, составившие позднее цвет нового московского авангарда.

В годы, следовавшие 1959-му, я не раз встречал в мастерской у Ламма и его друзей – «сибаритов», вернувшихся в Москву из мест заключения после начала «оттепели». Все они излучали талант, так или иначе совмещенный с угловатыми, неуживчивыми характерами, приправленными той или иной долей шарма, эрудиции, блеска и всегда – одержимости. Ламм принадлежал к этой талантливой и дерзкой плеяде послевоенной московской молодежи.

При этом и художники, искусствоведы, скульпторы, поэты и математики, да и все другие люди той поры, появлявшиеся в мастерских, состояли в непростых отношениях, сочетавших элементы дружбы-товарищества-соперничества и постоянных дискуссий на самые различные темы, начиная с тем узкопрофессиональных и заканчивая вопросами весьма общего характера.

Но и находясь в «художественном подполье», художники были тем не менее включены в общий меняющийся культурный контекст в силу того, что участвовали в редакционно-издательской деятельности, готовя к выходу в свет новые книги...

Художники того времени и круга часто встречались в кафе «Артистическое». Ламм привел меня туда после того, как я сдал вступительные экзамены в Вуз с тем, чтобы отметить это событие.

Не оставляя Ламм и того, что следовало бы назвать «работой для себя».

При этом он всегда избегал каких-либо групп и, как мне казалось, всегда тяготел к полету «поверх барьеров». Мне представляется, что его стремление увидеть события и явления в широком, и даже онтологическом контексте было одной из тех движущих сил, что определили его развитие как художника...

Отношение это прослеживалось и в его заинтересованности весьма удаленной от обыденной жизни концепцией единого пространства-времени.

Однажды он подошел к книжному шкафу, содержавшему среди прочего и почитаемую им «Дхаммападу», и отыскал книгу Эйнштейна «Принцип относительности» 1924 г. издания с пожелтевшими от времени страницами. Затем он открыл ее и показал мне рисунки с часами, показывающими разное время в движущихся друг относительно друга системах координат.

– Эта книга сильно на меня повлияла, – сказал он.

Скорее всего, он имел ввиду отказ от концепции абсолютного пространства и единого для всего пространства времени. Его волновала идея летящих в пространстве часов, показывающих свое собственное время...

По-моему, то было выражение сильнейшего желания разорвать всякие оковы и узы и взлететь...

– Нет, ты только подумай о том, что это все означает, –

сказал он мне однажды, – ведь это освобождение... Так и искусство, оно должно вести к освобождению, а оттого должно включать в себя элемент провокации... Да и вообще-то, оно ведь и есть система провокаций.... Как те новые хромовые сапоги Хулио Хуренито, в которых тот направился на Моховую площадь с тем, чтобы его там зарезали, ибо после того, как герой Эренбурга посетил Москву, делать ему в жизни было больше нечего... И некого было провоцировать, ибо абсолютная провокация уже свершилась...

Но Москва тех времен, когда я приходил в мастерские Ламма, конечно же отличалась от Москвы эпохи Хулио Хуренито.

В те времена ослепительно лысый Хрущев, похожий на смутно ожидаемых в ту пору инопланетян, провозглашал приближение коммунизма.

Из Мавзолея был вынесен один из двух, содержавшихся в нем набальзамированных трупов, что должно было облегчить движение к светлому будущему. Так сбрасывают балласт с воздушного шара, теряющего подъемную силу.

– Ну-с, «шестикрылый серафим», что же ты там на выставке узрел? – спросил он, когда я пришел к нему после того, как побывал на Французской выставке все в тех же Сокольниках.

Он полагал, что «шестикрылый серафим» – образ абсолютно конструктивистский...

Тогда же я понял, что, несмотря на свою привычку иронизировать, он любит поэзию. В последующие годы он часто ставил меня в тупик неожиданными цитатами из классиков литературы, иногда он цитировал Рубенса и Делакруа. А книжку Матисса, утверждавшего, что искусство должно быть своего рода удобным креслом, предложил прочитать.

Работал он не спеша, тщательно и аккуратно, с достоинством и основательностью мастера. Он уважал и ценил своих учителей. Иногда он рассказывал мне о выставках, ему нравились работы Рокотова и Боровиковского, а однажды мы вместе направились в Третьяковку смотреть иконы.

Весной 1965 года, я пришел в мастерскую Ламма на Садово-Триумфальной. Располагалась мастерская в подвальном помещении, в тесном соседстве с моргом Института судебно-медицинской экспертизы, отчего и летом в мастерской не стоило открывать окон, запах формалина мгновенно заполнил бы мастерскую.

В мастерской я увидел «Шар», работу, в которой Ламму удалось преодолеть тиранию плоскости... на плоскости...

То был следующий шаг его работы по изучению динамики пространства.

Помню, как набросав на листе бумаги диаграммы, иллюстрировавшие этапы развития проблемы отображения пространства в живописи, Ламм рассказал мне, что работая над картиной, часто ощущал лежавший в кармане блузы тяжелый металлический шар...

Его ирония, критический анализ и чувство нестерпимой свободы полета объединились в этой строгой работе, напомнившей мне об иконе, я говорю о предельной силе, экономии и концентрации в передаче фундаментального утверждения...

Эта аскетичная и строгая работа поражает сочетанием свободы и непроницаемости... Летящие в двух, соединенных окном, пространствах тяжелые и непроницаемые шары, объединены ощущением парадоксальной связи тяжести и свободы...

Присущая Ламму тяга к метафоричности и метафизике помогла ему осмыслить пространство как стену, которую можно пробить, а вслед за этим присоединить к первому пространству второе, зеркально сопряженное первому ...

Я воспринял эту работу как «Валтасарову надпись», поя-

вившуюся на дотоле непреодолимой преграде плоскости или пространства....

Работа эта завораживает и навсегда остается в памяти зрителя.

Стремление вернуться и заново разгадать ее никогда не покидало меня, и однажды, много лет спустя, разглядывая репродукцию этой работы, я припомнил фигурировавший в рассказе Ламма стол, на котором спал, работал, хранил свои пожитки и играл в бильярд Татлин.

3.

С годами, однако, атмосфера в практическом театре социализма, построенного в отдельно взятой стране, менялась, и мастерские художников того круга, к которому принадлежал Ламм, располагавшиеся в подвалах и на чердаках, постепенно превращались в настоящее «подполье» или «андерграунд»

Между тем началась новая волна преследования диссидентов.

Иногда казалось, что время начинает медленно пятиться назад, и в конце лета 1967 года мастерской Ламма стала одна из центральных площадей города, в котором он жил. Мне довелось принять участие в этом предприятии...

На этот раз его мастерской стала площадь Маяковского, с возвышавшимся посреди людского торжища серым памятником поэту, который когда-то в футуристическом пылу предложил выкрасить Большой театр в красный цвет.

В ту ночь мы несколько раз выходили на площадь, но все сложилось лишь почти к утру, когда почти пустая площадь оказалась без освещения и мы устремились к глухому и темному ее центру...

Ламм нес в руке свой старый кожаный портфель. В нем были два больших стеклянных флакона с красной темперой, литолью.

Затем нам пришлось остановиться и обождать несколько мгновений, глаза должны были обжиться в темноте, а уж затем проложить первоначально мысленную траекторию последовавших один за другим бросков, вслед которым литой серый силуэт Маяковского дважды вздрогнул, вздохнул, и два гребня ослепляюще яростного звона и гула полетели над площадью, отражаясь от молчаливых ампирических фасадов, в проход под одним из которых мы нырнули, уходя от появления людей, и то тут, то там вспыхивавшего в окнах света...

Наутро, когда мы пришли на густо запруженную площадь, все еще летний, яркий свет обволакивал плотную, почти неподвижную толпу, и фокус площади теперь составляло кровавое, красное пятно на бронзовой груди, замершей в момент максимального расширения в недостижимой для пешехода небесной высоте, притягивая взгляды поверх суетившихся у памятника милиционеров и серых персонажей в штатском.

На краю одной из серебристых лестниц, тянувшихся к памятнику от двух красных пожарных машин, терялась на фоне серого подбрюшья монумента маленькая фигура пожарного, и на мгновение Маяковский с кровавым пятном на груди и серебристыми лестницами, тянувшимися к нему над толпой, напомнил мне конструктивистские композиции двадцатых годов, наведя затем на ощущение театра абсурда.

Люди в толпе, окружившей памятник, стояли молча или негромко переговаривались, возможно и не зная о дважды прозвучавшем ночном колокольном звоне, странная это была картина, чуть сюрреальная, – молчащая толпа, политая солнечным светом, серый монумент с красным, засохшим пятном на груди, серебристые лестницы, протянувшиеся к монументу с красных пожарных машин, и дергавшиеся внизу милицмейские фуражки, – водоворот молчания посреди требовательно шумящей Москвы...

Нора Крук

Поэт и переводчик. Родилась в 1920 году в Харбине, с 1942г. работала журналистом в Шанхае, и позже – в Гонконге. С 1976г. живёт в Австралии. Русские стихи печатались в журналах и в антологии «Русская поэзия Китая» (Москва, 2000). Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей (1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000).

* * *

В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.

* * *

Рождество... то... которое... Помнишь?
Нет.
Как же так ты не помнишь?
Всё это бред.
И пеоны? И томик стихов Тагора?
Опьянение полночного разговора?
Обещание запомнить и день и час...
А потом...
Ты не помнишь, как свет погас?

* * *

Белые, чистые хлопья на этой панели
В грязь превращаются. Белые, чистые — в грязь.
Город жестокий украсить они не посмели,
Он ненавидит всё чистое, не таясь.

Вот он — Шанхай. Над чудовищным месивом грязи
Льется из окон высоких прикрашенный свет,
Судьбы людские без смысла, без цели, без связи
Прячут от жизни нарядные тюль и жоржет.

Климат душевный тяжёл, ограниченны дали,
Страшно, что вакуум жизни уютен и чист.
Люди и сами смертельно уютными стали,
Тянет в болото безжалостный город-садист.

* * *

На дереве этом трезвом,
большом, узловатом, прочном,
Как сон, расцвели, как чудо
немыслимые цветы.
И стало дерево новым:
нетронутым и порочным
Раздвоенно-человечным
и снова юным, как ты.

* * *

Зеркала... мы писали о них с придыханьем,
Их таинственный мир был прекрасен и молод.
Все обиды лечились волшебным касаньем,
Врачевала улыбка наш тайный голод...

О предательстве зеркала всем известно:
— Кто блей и румяней? — И та, и эта...
Опасаясь, что мнение зеркал не лестно,
Не прошу у стеклянной судьи ответа.

Но порой... Проходя близ зеркал нескромных,
В голове подбирая стишок по слуху,
Я ловлю чей-то образ... Неужто маму?
Нет, не маму, а чуждую мне старуху.

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Автор двух поэтических сборников. Стихи, рассказы и переводы публиковались в русскоязычной периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Слово/Word», «Австралийская мозаика», в «Литературной газете» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе – «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветаевская осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира «Пушкин в Британии».

Авторский сайт: www.artkavun.kherson.ua/natasha_crofts.htm

* * *

*На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки
Ю. Левитанский «Эволюция»*

На развалинах Трои лежу
в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску. Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо. И только завывли собаки
да газетный листок
на просохшем ветру прошуршал.
Может – «Таймс», может – «Правда».
Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу. Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа.
А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый
однажды за нас подытожит,
всё запишет, поймёт – и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу. За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих –
тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают, и тех,
что возьмут на себя этот страшный,
чудовищный грех –
и пошлют умирать – нас. И вас...
Как курёнка – на вертел.

А пока я лежу... Только воют собаки и ветер.
И молюсь – я не знаю кому – о конце этих бредней.
Чтоб атака однажды, действительно,
стала последней.

Ностальгическое», или «О генах»

Знать – судьба. Не уйти.
Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо.
И беда понесётся вразнос.
Волокнут.
Кровь на белом снегу.
Крики ужаса.
Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!»

Видно, гены у нас –
от лихого, шального смутьяна.
Что-то тихо? Вставай!
Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал,
что у нас благодать, мол, нужна и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы,
нам бы крови да слёз!

И уютно живя
возле ласковых вод океана,
в жилах чую метель,
да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Раж. Топоры.
Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. –
Нам бы крови да слёз».

Над плёсом

Выйдешь на берег — неслышно, как тень, молчаливо.
Станешь молиться отчаянно, истово, вслух.
Снова кругом половодья — и снова разливы
Будут безбожно терзать беззащитный мой дух.

Двух не бывает смертей? — Всюду смерти и войны.
Глух — говорят — к вопиющему пастырь небес.
Бес — говорят — он попутает, будьте покойны!
...Берег. Рассвет. И над плёсом колыхнется лес...

Моя Одиссея

Рассеян по миру, по морю рассеян
мой путанный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплывём на Итаку —
на север, на запад, на юг?
Мой друг, нам с тобою не в новость — не так ли? —
за кругом наматывать круг

и загодя знать, что по волнам рассеян
наш жизненный путанный путь...
Слукавил поэт — и домой Одиссея
уже никогда не вернуть.

* * *

Таврии, земле Херсона и Херсонеса

Черноморские дали.
Дикий храп кобылиц.
Звон отточенной стали.
Кровь.
Я падаю ниц.
И на тунике белой —
тёмно-липкий узор.
Принимай моё тело,
Херсонесский простор.
Белокаменный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

Полонянок уведят
босиком по стерне
на чужбину, в неволю.
Крики.
Топот коней.
Уж и ноги ослабли,
не шагнуть мне, хоть вой.
Янычарские сабли —
над моей головой.
Я крещусь троекратно.
Добивай, изувер...
Я вернусь. Я обратно
обязательно вер...

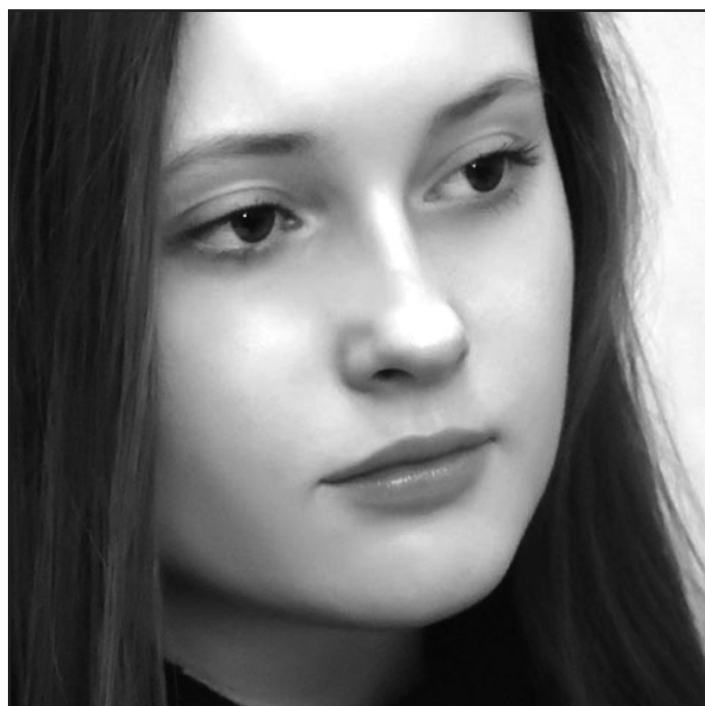
Вот и всё. Докурили.
Чай допили. Пора.
Расставания, мили...
Может, это — игра?
Полсудьбы — на перроне.
Путь веревочкой свит.
И — без всяких ироний:
«Приезжай». — «Доживи».
О измученный град мой,
смесь народов и вер,
я вернусь. Я обратно
обязательно в-е-р...

Осколки

Разбиваются — опять — на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает — на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли —
может, склею — зажимаю в кулак.
Но мечты уже — в дорожной пыли:
и не там я — и не с тем — и не так...

Только вишенкой на рваных краях —
на кусочках — тёмно-красным блестит
капля крови — от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

Мария Малиновская

Приз имени Риммы Казаковой «За лучшее стихотворение о любви»

Родилась в 1994 г. в Гомеле (Беларусь). Многократный лауреат различных литературных конкурсов. Автор книги поэзии «Луны Печали», а также многочисленных публикаций в периодике («Литературная газета», журналы «Нёман», «Новая Немига литературная», «День и ночь», «Дон», «Петербургские строфы» и др.).

Пророк

Ты всё прощаешь: болтовню,
Дурные шутки, письма к ней...
И тем сильнее себя виню,
И согрешаю тем сильнее.

И согрешаю — за спиной.
Ты знаешь, но не гонишь прочь:
Несёшь вину передо мной
Мою — чтоб чем-нибудь помочь.

И всё прощаешь... И корюсь
Тем истовей... Искать жену,
Молодчик, не ходи на Русь:
Найдёшь кручину да вину.

Ты знаешь, но не гонишь прочь.
Проси за нас, родной, проси
И Божьей милостью пророчь,
Огнепоклонник на Руси...

Моей собаке

С годами только непривычной
Твоё отсутствие, родная.
А здесь, на свете, как обычно.
Ну, что сказать о нём? Не знаю.

По-прежнему на свете бело.
От холода. И мало света.
Ночами душу рвёт из тела.
Беременна. За что всё это?

В твою бы шерсть, худую шёрстку,
Нечёсаную, точно слякоть,
Какую есть — не будет жёстко —
Уткнуть лицо и плакать, плакать...

По-прежнему друг друга мало.
Но воли Божьей не нарушу.
И как меня ты охраняла,
Храни входящего мне в душу.

Молюсь Молись за меня

Боже, к тебе прибегаю стремглав,
С горем земным через рай, напрямик,
С горем земным через край, хоть на миг
Этого юной душой пожелав...

Боже! За друга молюсь одного...
Нам остаются молитвы одни...
Хочешь, девчонку, меня изгони,
Только, молю, изгони из него!..

Праведный Боже, бездушный старик! —
Смотрит... и шлёт, огорчённый, назад...
С криком земным проношусь через ад —
В доме земном прекращается крик...

* * *

Я затея твоя во плоти.
Воплоти! А расплатимся оба!
Затаюсь у тебя на груди,
Проберу холоднее озноба.

Неизбывнее страха пройму
И обдам сладострастнее жара,
Оставаясь подвластна уму,
В чём, увы, и затея, и кара.

* * *

Страшно быть ребёнком, даже хуже,
Чем в тюрьме — оттуда хоть бегут.
Годы беспросветнее и туже
Самых тяжких, самых крепких пут.

Жутко быть ребёнком, просто дико,
Если бьётся женщина внутри...
Ты не хочешь, ты не слышишь крика —
Ну тогда хотя бы посмотри...

Посмотри, с какой бессильной силой
Рвётся из невыросшей груди!..
Ну прошу, прошу тебя, помилуй,
Страшно быть ребёнком, пощади...

Выпусти безумную, святую!
Что ж ты издеваешься над ней?
Страшно умолять вот так, впустую.
А ребёнком быть ещё страшней.

Почему, скажи мне, почему же
Ты не хочешь, хоть на пять минут?..
Страшно быть ребёнком, даже хуже,
Чем в тюрьме — оттуда хоть бегут.

* * *

Долгожданный, живой, посвящённый
В Небеса, в колокольные звоны...

Переписанный мной от руки —
До морщинок, до самой тоски...

До извечной тоски по пустому:
По тому, что прошло, — и по дому.

Мой скиталец, ребёнок седой
С непроглядной, с недетской бедой,

Занесённый неведомой силой
На предальний восток, на немилый...

Засыпаю. Хорошего дня.
Да хранит тебя Бог... для меня.

* * *

Я к Богу возношу звериный вой...
Глотаю землю и давлюсь травой,
Сосцы отяжелевшие сдираю
И так ползу к неведомому раю.

Я к Богу возношу звериный визг —
И дребезжит, и скачет лунный диск,
И сыплет небо мёртвым звездопадом...
И отползаю, тихо, гнусно, задом.

С землёй свиваюсь в бешеный клубок,
Хриплю, стенаю, но не слышит Бог.
Терплю очередную неудачу.
Беспомощная, скалюсь ввысь... и плачу.

* * *

Светает, ранится уже.
Опять бессонница.
Ты самый нежный — на душе.
Но кто дотронется?..

То сердце бьётся о тетрадь,
То вдруг апатия.
Я не хочу ТЕБЯ терять
В твоих объятиях.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984-м году. Из России уехала в 1990-м. Живу в волшебном городе Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

* * *

Молчание, — ты лучшие стихи
в часы, когда зрачкам не надо света,
чтобы видеть явь; раздутые мехи
горящих лёгких в поисках ответа

среди всемирной глухонемой,
царящей беспробудно, монолитно.
Молчаньем искажаются черты
любви, в её попытке первобытной

заговорить, когда идёт война
меж скорбью мировой и болью частной,
и тело застывает буквой на
бумажной простыне, глухой согласной

на всё. И остаётся на губах,
в их глиняные трещины зарыта,
невывысказанность слова, страсти прах,
мычание в потёмках алфавита.

* * *

Не всё ли нам равно, что покидать.
Все лестницы — лишь выходы из дома.
Попробуешь прийти сюда опять,
но ключ не подойдёт к замку дверному.

Забыв пароль, нет доступа в сезам,
в отечества и отчества руины.
Не всё равно ль, по волчьим ли глазам,
по звёздам ли, по песне лебединой

гадал авгур, незрячий звездочёт,
предсказывая эти перемены,
где зеркала расширенный зрачок
не видит больше красоты Елены.

Твои черты по мифам растеклись,
и не найти судьи для казни спора.
Душа сама себе спартанский лис,
и сердце зреет яблоком раздора.

Уйди прозрачным шагом, належке
из западни, на комнату похожей,
не вглядываясь, что там на крюке
колышется от сквозняка в прихожей,

оставь ключи, кровать не застилай,
пусть кран течёт и пыль летит к порогу...
Когда домой вернётся Менелай,
он всё поймёт и скажет:

слава Богу.

* * *

Дочке Саше

Играя, музыки живей
живёшь сама ты,
своей улыбки и бровей
неся ферматы,
телодвижений и шагов,
штрихов, акцентов,
соткавших праздничный покров
и свет концерта,
чьи звуки непревзойдены
от нот затакта
до тоники, без тишины
и без антракта.
Лучистой смесью озорства
и песнопенья
летишь дуэтом Рождества
и Воскресенья.
Литые клавиши ключиц,
и губ капризы,
и лиги длинные ресниц,
и слёз репризы,
твоих восторгов небосвод,
твои недуги
свиваются в водоворот
органной фуги.
Весь день ты искрой, тетивой,
скрипичной трелью,
а ночью — паузой живой,
и на постели
густые линии волос,
как струны арфы,
и я — у ног, как повелось,
неслышной Марфой.
Твой тихий сон поцеловав,
лелею эхо
твоих заоблачных октав,
дыханья, смеха.
А ты в мерцанье золотом
и молчаливом
лежишь мелодии ростком,
босым мотивом,
бумагой нотной, полной сплошь
живых помарок...
От жизни ты подарков ждешь,
сама — подарок.

* * *

Как в огонь мотылёк,
как под серп василёк,
как пушинка случайная — в тигель,
как больной на сквозняк,
как к обрыву бедняк
инстинктивно спешат на погибель —

я, дыша тяжело,
отвергая тепло,
кров, пожитки, покой, подлокотник,
всё бегу без конца,
словно зверь на ловца,
за тобою, — да ты не охотник.

* * *

Нагнись ко мне, и я тебе шепну
так тихо, что, должно быть, тишину
прекрасную, её молчанья лоно
не разорву, величья мига вниз
не уроню с его высот, нагнись
ко мне, я научу тебя наклону

и разговору долгому, без прав
и помощи словесности, обняв
соцветье рук твоих, локтей, коленей, —
преображённые, они не те
сейчас, что были днём, мы в темноте
прочтём немой словарь прикосновений

и наставлений нежности. Прильни
ко мне ещё тесней, как в оны дни,
и, стиснутое кубиками комнат,
пространство, прежде бывшее ручным,
раздвинется, рассеется, как дым,
и станет вездесуще и огромно,

и в нём мы затеряемся. Прижмись
ко мне, и мы с тобой украсим жизнь
своей любовью, горячо и просто,
и нашего дыхания полёт
огня частицу в небо вознесёт,
вращая и поддерживая космос.

* * *

Когда меня отчислят из живых,
списав из единиц в разряды шлаков,
я выпущу из рук погасший стих
и лестницей, которую Иаков
воображеньем сонным смастерил,
взойду в края, каких не видно снизу,
куда ведут ступени без перил
и не нужны ни пропуска, ни визы.

Я, запинаясь, поднимусь туда
по вертикали судового трапа,
не веря в окончательность суда, —
как каторжник, который по этапу
пускается, не веря ни клеиму
на лбу, ни в непреложность приговора,
в уме всё возгоняя сулему
реванша за изъятие из фавора.

Меня там встретит утомлённый клерк,
от должности малоподвижной тучный.
Гостеприимства тусклый фейерверк
изобразит, сипя одышкой, ключник,
казённый посоветует маршрут,
зевая на заезженных цитатах...
(Не мне чета уже бывали тут
в бытописателях и провожатых!)

Я уроню, замусорив пейзаж,
шепотки слов, обрывки эпитафий —
последней эмиграции багаж —
на белых облаков потёртый кафель
и, надпись «рай» увидев у ворот,
схвачусь за грудь, и ахну, и забуду
зажать ладонью бездыханный рот:
Не может быть. Я только что оттуда.

Александр Мельник

Родился в 1961 году в Молдавии. Окончил Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (по специальности «морская геодезия»). С 2000 года живёт в Бельгии. Доктор наук. Публиковался в поэтических сборниках и журналах Бельгии, Великобритании, Израиля, Латвии, России, США и Финляндии. Автор книги стихотворений «Лестница с неба» (2010 г.). Автор проекта и организатор Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (<http://www.emlira.ucoz.com/>).

* * *

На осени — жёлтый саван. Дым ладана над рекой.
Борей затянул гнусаво молитву за упокой.
Гусей чернокрылых стая сбивается в клин, а я
прилежно цыплят считаю на краешке бытия,
чтоб снова в глубоком трансе скукожиться до весны —
печальны мои балансы, резервы мои скудны.
Я плохо стерёг курятник, а то б дробовой заряд
давно получил стервятник, таскавший моих цыплят.
Посмотришь назад —

химеры, мегеры, любовный вздор,
и всё прожилось без меры, напрасно, наперекор,
назло, безрассудно, мимо, а впрочем, зачем тужить,
ведь та, что ещё любима, ещё позволяет жить.

* * *

Стареем, старина, и к перемене мест
охота к нам теперь приходит неохотно.
Привычный зуд в ногах прошёл бесповоротно,
как будто бог дорог на нас поставил крест.
Но коль не выдаст бог, когда свинья не съест,
я брошу свой закат и с восходящим солнцем
отправлюсь на восток к каким-нибудь японцам
отведать их сакэ на краешке земли.
Мне прошлое моё откроется вдали —
таёжные края и город у Байкала,
где жил я, не тужил, где из последних сил
прирученную Музу дома сторожил.
Горгона в доме том жила на дне бокала
со змеями на лбу, но от её оскала
я с Музой убежал за дымный горизонт.
Так молодой кайман бежит от анаконд,
не зная, что змея слабее крокодила.
Да было ль это всё? Увы, всё это было...

* * *

Громяхают плацкартные дроги
на ухабах железных дорог.
Две попутчицы, две недотроги
ищут в тёмном окне Таганрог.

Льются с неба закатные краски
на забытые Богом края.
Птицей-тройкой промчалась, как в сказке,
быстролётная юность моя.

С перестуком колёс не поспоришь...
Рдеет солнце за чёрным окном,
покрывая Азовское море
ослепительно-красным вином.

Чудо в Кане становится былью —
не забыл, не оставил нас Бог.
Мчится поезд над жёлтой ковылью
по ухабам железных дорог.

Трудный путь

Который год по прихоти судьбы
возводишь дом и бьёшься лбом о стену.
Торопит жизнь наращивать кубы,
пока ещё струится кровь по венам.

Ход колеса не повернуть назад,
лишь дни тусклее с каждым поворотом.
Соседний парк — мой Гефсиманский сад,
в котором я ропщу после работы.

О, Господи, к чему мне этот дом,
когда я скоро весь в Тебе пребуду?
Стал хитрецом, лукавцем и плутом
старинный друг по имени Иуда.

Я жил не так, как нужно было жить —
не столько строил, сколь учился строить,
и чем плотней сложились этажи,
тем было слаще мучиться хандрою.

Когда упадок духа бил под дых,
я не искал путей, ведущих к Замку,
подобно К. и тысячам других,
помешанных на том, как выйти в дамки.

Скорей пути вели в мой малый Рим.
По ним спускалось грозное начальство,
и, ошав от запертой двери,
на долгострой смотрело безучастно.

После приёмки кафкианский клан
инспекторов бранил меня не шибко,
найдя, что в мой архитектурный план
ген эгоизма заложил ошибку.

Нет, я не строил замок на песке,
но изначально подразумевалось,
что дом — лишь мой, и в этом пустяке
скрывался дьявол. Мне осталась малость —

впустить других в построенный раёк,
пускай не в рай, но всё-таки под крышу...
Я был так долго горд и одинок,
но ты, Господь, мой горький вздох услышал.

На ближнего смотреть не сверху вниз,
а снизу вверх — задача не простая.
Чтоб побороть животный эгоизм,
всего лишь нужно — выбиться из стаи.

Ход колеса назад не повернуть —
у каждого поэта свой Иуда.
Хвала Тебе, Господь, за трудный путь
к дворцу, который служит мне и людям.

* * *

Официант — что та же черепаха,
но ты, смеясь, лучишься теплотой.
Мой подбородок выскобленный пахнет
одеколоном — кёльнской водой.

Горсть золотых монет, подобно Зевсу,
бросает солнце прямо на собор
через прореху в облачной завесе.
Даная божеству даёт отпор,

с меня стирая брызги от фонтана.
Свиная рулька плавает в соку
на выносной веранде ресторана.
Платан немало на своём веку

наслушался волынок и свистулек,
и я молчу, доверив руль судьбе,
но чем быстрее исчезает рулька,
тем глубже омут, спрятанный в тебе.

Отель напротив чёрного собора
от натиска немного оробел —
мы пьём друг друга, чуть задёрнув штору,
под фугу Баха в сотню децибел.

Паук

Паучок то пикирует вниз, то взбегает наверх,
то снуёт челноком, чтобы не было видно прорех
в паутине, сплетаемой по наущению свыше.
Чем я лучше его? Инстинктивно дышу и грешу,
то курну анашу, то склонюсь к золотому грошу,
то приникну к попавшейся душке
в мансарде под крышей.

На прогнувшихся полках тяжёлые дремлют тома
виртуозов ума, доказавших, что тело — тюрьма
для залётной души, неспособной порвать паутину.
Бес, живущий во мне, каждый день,
каждый час, каждый миг
неразумное тело моё отвлекает от книг,
предлагая на пробу вторую его половину.

Как в песочных часах сквозь воронку струится песок,
как бежит по тугим проводам электрический ток,
как ручей низвергается к морю по узкой долине,
так и я пеленгую мгновенно источник тепла,
забывая про душу, лишь только бы душка дала,
и в горячую плоть направляю своё кундалини.

Царь природы по воле, по хитрости и по уму,
расставляю на самок силки, чтоб затем самому
трепыхаться в своих же недавно сплетённых тенётах,
и никак не пойму — почему я отбил от рук,
почему без души прозябаю давно, как паук,
заводясь от жужжащей красавицы с пол-оборота...

Великобритания

Антонина Калинина

Родилась в Москве, окончила классическое отделение МГУ, защитила диссертацию в Берлине. Сейчас живет в Оксфорде (Англия). Стихи и переводы публиковались в альманахе «Век перевода», «Альманахе Новой камеры хранения», в журналах «Иностранная литература» и «Крещатик». В 2011г. вышла книга Антонины «Бересклет» в поэтической серии «Русский Гулливер».

Монета

...Тебя окликали и дальше не шли.
Монета, сверкнувшая в тонкой пыли,
На счастье подобрана смуглой рукой
И брошена в сумрак реки городской

В надежде вернуться по зову её.
Но слышишь — другое зовёт бытиё,
Монета нашлась — поспеши же туда,
Где светел песок и прозрачна вода,

«Домой!» — окликают тебя голоса,
Закатная в воду уходит коса,
И вот ты стоишь над иною рекой
И держишь потерянный грош за щекой.

Ненависть

Им минуло совсем недавно двадцать,
Свет утренний квартиру заливает,
И радостно им взрослыми казаться.

Гармоника под окнами играет,
Перед террасой — склон, над склоном — небо,
И южною зимою всё сияет.

Навек запомни вкус святого хлеба,
И запах хвои в воздухе холодном,
И голос, певший о тенях Эреба,

Чтоб в будущем далеком и бесплодном
За ненавистью вдруг увидеть ясно,
Как ты любил, и пел, и был свободным.

* * *

И лето склоняется долу,
как ветви под тяжестью звезд,
И лунные пятна по полу
Скользят вдоль паркетных борозд.

О дом мой, как хулодны стены,
Когда же ты так обветшал?
На зеркале звезды вселенной
Нам август опять начертал.

А воздух — холодно-тверезый,
Слезящийся, гулкий, грибной,
И небо склонилось березой
Седеющей над головой.

Крит

Пусть будет слово — словно город бледный,
Окутанный прозрачною зарею.
Сейчас, сейчас я говорю с тобою —
Запомни этот город предрассветный.

И все изгибы переулков тёмных,
И темноту ещё закрытых окон,
И дерево, что там, в углу укроном,
Роняет липкой гусеницы кокон.

Остановись на этом перекрёстке —
Куда тебе теперь свернуть, не зная,
Туда ли, где уже со звуком хлётким
Из шланга мостовую поливают

Перед столами в пёстрых пятнах тени?
Туда ли, где торговцы выставляют
Из лавок пыльных — яркие сплетенья
Платков и шарфов, где коты шныряют,

Где солнце спозаранку полирует
Старинную и звонкую, как скалы
Над городом курортным, мостовую.
Мы не заметили, как солнце встало...

Присядь за стол — и вспомни, вдруг, неясно:
Тебе когда-то виделось все это,
Клонящееся к завершенью лето,
Веселый звук гортанных, громких гласных.

Последний праведник

Ангел смерти выходит из дома Лота,
Праведнику десницей закрыв глаза.
На заре проходят сквозь городские ворота;
Тишина; кузнечик стрекочет; близка гроза.

Высохла пальма; колодец пуст; отравлены брашна.
В городе весть разносится: умер Лот.
Последний праведник умер — и, значит, страшное
В Ниневии и в Содоме грядет.

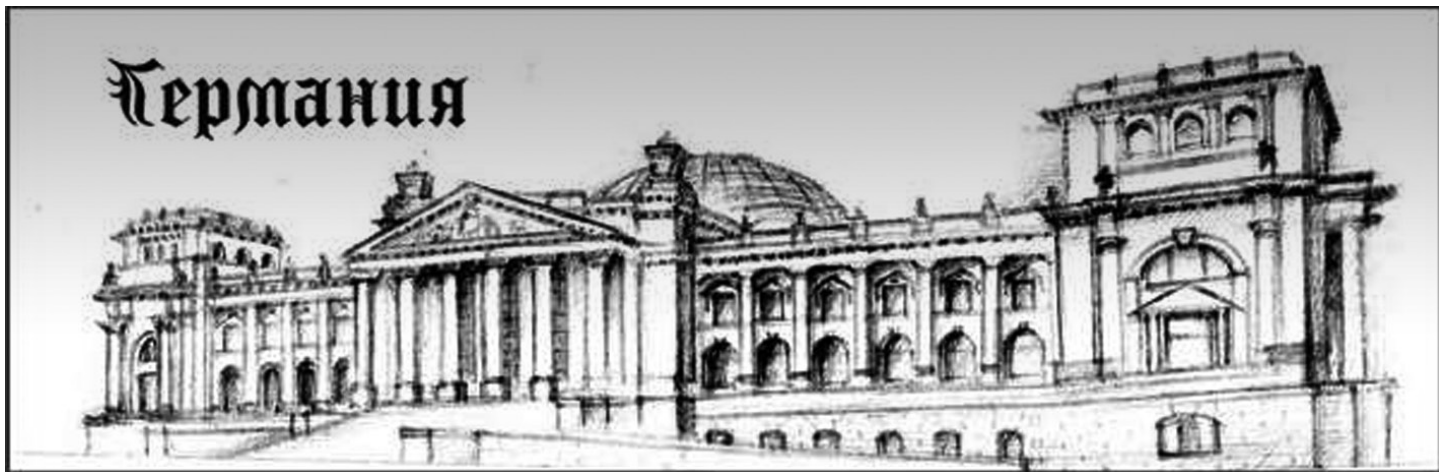
Счастье

Слышен шепчущий шум океана
Сквозь закрытые створки окна,
Но с волною душа неслиянна,
Поднимающей щебень со дна.

Вечность камня и неба ночного
Одинаково сердцу страшны —
Только в трепетной вечности слова
Мы прошедшее видеть вольны.

Что его очищающей властью
Освятилось, то сердцу родней —
Потому-то предчувствие счастья
Настоящего счастья сильней.

Германия

Михаил Юдовский

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. После школы учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года – свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе». В том же 1992 году переехал в Германию. Впрочем, остается гражданином Украины, где бывает очень часто. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Поэзию и прозу автора публиковали в Украине, России, Германии, Англии, Израиле и США. Участвовал в турнирах Пушкин в Британии (2009 – третья премия и приз зрительских симпатий; 2011 – приз зрительских симпатий), «Эмигрантская лира» (2009, Брюссель, приз зрительских симпатий, приз за Магию Слова) и «Активация слова» (2011, Киев, первая премия). Знакомство с творчеством Михаила Юдовского можно продолжить на сайте <http://michyud.livejournal.com/>

Тесей

Я сегодня без сил. Повяжи мне на голову бинт
Или просто сними эту тяжесть горчащего лавра.
Моё сердце, увы, превратилось в глухой лабиринт,
Где невидимо бродит зловещая тень минотавра.

Я всегда, сколько помню,
мечтал дотянуться до звёзд,
Чтоб однажды понять:
сколь ни бейся и как ни затействуи,
До героизма дорога не меньше, чем в тысячу вёрст.
Но не более шага ведёт от героизма к злодейству.

Достигая вершины, невольно рискуешь упасть,
Потянувшись рукою, забыв обо всем, к небосводу.

Я убил бы в себе эту дикую тёмную страсть.
Но боюсь, что с рычанием вырвется зверь на свободу.
Может, этого ждёт от меня безымянный народ,
Этот девственный лес,
научившийся чтить лесорубов?
Ибо царь не идёт на попятный, а только вперёд,
Проложив себе путь из рабов, славословов и трупов.

Что ж, не будем сомненьем рассудок насиловать зря.
Да разгладится лоб, да пребудут ладони шершавы,
Если искренне верит народ, что величье царя
Измеряется твёрдостью хватки на горле державы.

Город будто застыл. Над стрехами летит суховей.
Небосвод раскалён. Задыхается сердце от зноя.
Ариадна, прости. Я запутался в нити твоей.
Минотавр не убит. Он очнулся и сделался мною.

Полковник

В субботний вечер в маленьком кафе
На невысокой деревянной лавке
Полковник артиллерии в отставке
Глотал коньяк, в кармане галифе
Раскрыв украдкой тощий кошелёк
И мрачно пересчитывая деньги.
Он созерцал бетонные ступеньки,
Немытый пол и скучный потолок,
Испытывая приступы тоски,
Дробящие сознание, как свёрла.
Недорогой коньяк царапал горло
И стягивал удавкой виски.
Существование — повод для вражды.
По крайней мере, повод для запоя.
Наедине с фужером и с собою,
Он в прочих собеседниках нужды
Не чувствовал. Полковник, отчего
Ты сделался чужим и бесполезным,
И вещество объятием железным
Закупорило в панцырь существо?
Полковник, ты скучаешь по войне?
Вдали от смерти жизнь неполнокровна.
Деревья, превратившиеся в брёвна,
Становятся бессмысленны вдвойне.
Не поменять ли в сердце часовых?
Не время ли с собою объясниться?
Как долго наваждением будут сниться
Живые, хоронящие живых?
Полковник, ты тоскуешь по полям,
Где прорастают сквозь тела колосья
И раздаётся птиц многоголосье
С молитвой поминальной пополам?
Ты не вернулся ни с одной войны.
Пожертвовавший кровью вместе с потом,
Полковник, ты остался патриотом
Давно не существующей страны.
Не те места и времена не те,
И люди на бессмыслицу похожи.
Но если сердце пусто, отчего же
Такая тяжесть в этой пустоте?
По совести скажи: зачем в дыму
Сражений сохранил тебя Всевышний?
Не ты один на этом свете лишний —
Мы все на этом свете ни к чему.
Полковник, пей коньяк. Молчи. Скучай.
И спорь с самим собой, не зная твёрдо,
Что будет лучше — дать бармену в морду
Или оставить что-нибудь на чай.

* * *

А, впрочем, если я умру,
То в тихом месте, где над речкой
Кора берёзы поутру
Горит задумчивою свечкой,
В твоей невидимой руке
Священнодействуя и тая,
И повторяется в реке,
Как облака и птичья стая.
Вот так, наверное, душа
Взлетит с закрытыми глазами,
В прозрачном воздухе дрожа,
И повторится небесами.

* * *

Незримый друг, таинственный гребец,
Готовься оттолкнуться от причала.
Но, знаешь, раз у жизни есть конец,
То, стало быть, у смерти есть начало.

Нам вечной представляется река,
Чьи берега простёрлись низкоросло.
Но после разберёмся. А пока
Давай опустим в воду наши вёсла.

За нами не останутся следы,
Они умрут, но будет неразлучен
С зелёным песнопением воды
Железный скрип несмазанных уключин.

Мне этот путь, по-моему, знаком
Равно как лодки плавное движение.
Я, кажется, ночами здесь тайком
Вылавливал созвездий отраженья

И молча их держал в своей горсти,
И отпускал их в небо мотыльками.
И брал весло. И продолжал грести
Светящимися в сумраке руками.

Ты думаешь, что это было сном?
Но сны и явь почти неотличимы,
Покуда в измерении ином
Подыскиваем к вечности ключи мы.
Которое столетие гребя,
Мы движемся, задумчивы и кротки.
Люби меня. И полюби себя.
И отраженье нашей тихой лодки.

Послушай, как биение сердец
По-новой над рекою зазвучало.
А если и у смерти есть конец,
То, знаешь, это, видимо, начало.

Верблюды

Любезный друг! Живя обетованно
Вдали от всевозможных словоблудов,
Я снаряжаю в небо караваны
Великолепных жертвенных верблюдов.
Я вглядываюсь с нашей первой встречи
В их грустные задумчивые лица,
Прислушиваюсь к их негромкой речи
И, кажется, учусь у них молиться.
Когда они мохнатыми горбами
Колышут на ветру, как парусами,
Я чувствую, что мы росли рабами,
Порою забываясь небесами.
За крытыми столами и в постели
Усердствуя натужно и устало,
Мы, верно, слишком многого хотели,
Когда для счастья меньшего хватало.
Мы увлеклись бессмысленной погоней,
И наша суть настолько опустела,
Что сделалась причиной агоний,
Разрушивших до срока наше тело.
Мне хорошо. Безумье позабыто,
Безудержность ушла, исчезла спешка.
Я слушаю ночами, как копыта
Шуршат песками с ветром вперемешку.
Чернеет высь, луны сверкает блюдо,
Горят созвездья, словно крошки хлеба.
И по барханам движутся верблюды,
Хребтами спин покачивая небо.

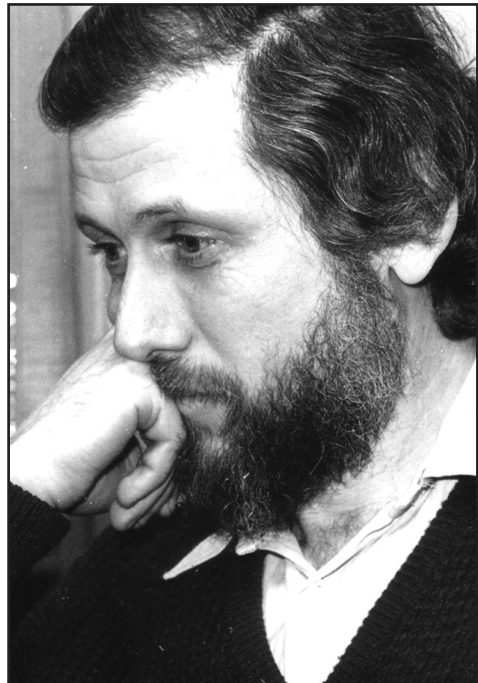
Жеребёнок

Пусть тебе привидится спросонок
Мимолетной встречей впереди,
Как осенний рыжий жеребёнок
Из твоих ладоней пьёт дожди,
Как от этих капель хорошея
И дыша светло и горячо,

Он кладёт задумчивую шею
На твое усталое плечо.
Повинуясь тихому приказу,
Ты готов, наверное, и сам,
Заблудиться в листьях, кареглазо
Подмигнув земле и небесам,
Сделаться наивней и надрывней,
И тогда, расплескивая тьму,
Эта осень иноходью ливней
Пробежит по сердцу твоему,
Наполняя музыкою звонко,
Словно бесконечные дожди,
Превратившись в сердце жеребёнка,
У тебя колотятся в груди.
Хочется поверить в их предвестье
И, рассыпав сумрак по углам,
Заглядеться в ясли, где созвездья
Плавают с листвою пополам.

Утиная песня

Ты видишь в повседневном неземное,
Из человека ангела творя.
Но у меня не крылья за спиной,
А ровно половина декабря.
Я выгляжу, наверное, нелепо.
Глотающий земную эту пыль,
Я мог бы полетать с тобой по небу,
Но только опираясь на костыль.
Поведай мне, как стать неуловимым
И, обретаясь рядышком с тобой,
Наведываться в гости к серафимам
И уходить в молитву, как в запой.
Прости, мой кругозор довольно узкий.
Мне скучно без чудачеств и затей.
И «Отче наш» читая без закуски,
Я вряд ли стану чуточку святее.
Я мог бы на тебя глядеть невинно,
Прекрасным белым лебедем паря
И отрастив вторую половину,
Как выше говорилось, декабря.
Олебежусь, что вряд ли. А теперь я,
Быть может, самый гадкий из утят.
Ты думаешь, что я теряю перья?
А это хлопья снежные летят.

Валерий (Вилли) Брайнин-Пассек

Родился в Нижнем Тагиле. Получил композиторское образование, писал вокальную, камерную и симфоническую музыку, музыку для театра. С 1990 года живёт на два дома — в Ганновере, где руководит музыкальной школой, и в Москве, где руководит лабораторией в Московском педагогическом государственном университете. В 2004 избран президентом Российской секции Международного общества музыкального образования при ЮНЕСКО. Член российских и западных научных обществ. Стихи публиковались в журналах и антологиях «Арион», «Новый мир», «Строфы века», «Строфы века-2», «Знамя», «Partisan Review» и многих других, переведены на английский и немецкий. В 2009 в издательстве «Алетейя» вышла книга избранного «К нежной варварской речи».

* * *

Особых иллюзий не было ни у кого,
но верить хотелось так вопреки уму,
что он сглатеил собственное божество,
своего истукана — и тупо кадил ему.

Он взял эту прелесть с собой на остров Крит,
где ночью в горах от фар сгущается мрак,
где чудиком пришлым был лабиринт открыт,
где Бык обошёл с Европой известно как.

И, наверное, оттого что всё так сошлось
в колыбели божков любвеобильных, с ней
не сумел он представить себя завтра врозь,
но поверил ещё отчаянней и нежней.

* * *

М. Безродному

По счастью, смолоду я многое запомнил,
я текстами и музыкой заполнил
подвалы памяти. Там всякое теперь —
и мусор, и сокровища, зато мне
спускаться удавалось в мир фантомный
и отпирать заржавленную дверь
в лихие дни. Отведать несвободы
мне довелось уже в щенячьи годы —
храпел пахан, повизгивал дебил,
а, может, не дебил. Стекланный холод
стоял над нарами. Я был чудесно молод
и всё, что помнил, про себя бубнил.

Мне говорил один тюремный гений:
«Чем меньше срок, тем больше впечатлений».
Мне кажется — я тыщу лет живу,
в мусоросборнике моём от «слёз и пени»
перехожу к «унынию и лени»,
цитирую, и с этим на плаву
пока ещё болтаюсь, как ни странно.
Я в юности читал Роменроллана:

М.

едва бредёшь, — там было, — но паришь,
когда тебя бетховенская тема
возносит над толпой, текущей страшно, немо,
а позади униженный Париж.

* * *

Вчерашний день — гниющее зерно.
В сырой суглинок брошено оно.
Колосьев тени выйдут на свободу,
когда потоп закончится на том,
что горлица маслиновым листом
нам возвестит приличную погоду.

Мы, озираясь, выползем из дыр.
Какой волнующий, безбрежный мир!
Какое солнце после ночи гнева!
Не тот хозяин, кто бросал зерно,
а тот, кому впоследствии дано
тьнь урожая запастись для сева.

Немые отражения скользят,
снуют до горизонта и назад,
как будто конькобежцы на картинке.
Вот мой товарищ, он остался жить,
чтоб над зерном упрямо ворожить,
как он умеет — значит, по старинке.

Готова к жатве юная земля,
бескрайни Елисейские поля,
невпроворот — имеющему силы.
С серпом в руке, с бессмысленным лицом
крадётся Эвридика за певцом,
и беспокойны отчие могилы.

Окно разбитое не выйдет в сад,
а сад загубленный совсем не для окна.
Такие нынче холода стоят,
что ночка-льдиночка насквозь видным-видна.
И видит кто-то на краю села,
лицо заплаканное обратив ко мне,
что рамы выломаны, что светла
пустая комната, как будто смерть во сне.

Даниил Чкония

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик – родился в 1946 году в Порт-Артуре, жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года – в Кёльне. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Автор восьми книг стихов, многочисленных книг переводов поэзии и прозы с грузинского. В последние годы активно печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир».

Грузинское стихотворенье

Яну Гольцману

По дорожке – пыльной, старой,
По тропинке – да не споро! –
Чок да чок – бычок Цикара,
Чок да чок – бычок Никора...

Путь неблизок, мир нетесен,
День не скуп на свет и краски –
От чуть-чуть печальных песен
До наивной грустной сказки.

И неспешные отары
Тянутся нешумно в горы,
Где остался след Цикары
И не стёрся след Никоры.

Потому что в этом мире
Друг – твердыня и основа,
К двум твоим – придут четыре
Добрых дела, добрых слова.

О добре ведутся споры,
И про зло талдычат свары...
Кто придёт на зов Никоры?
Кто услышит зов Цикары?

Ветка к ветке, камень к камню –
Свить гнездо, сложить дорогу...
Протянись твоя рука мне –
Сразу чувствую подмогу!

И по-русски: скоро-скоро!
По-грузински: чкара-чкара!
Чок да чок – бычок Никора...
Чок да чок – бычок Цикара...

* * *

Рановато для бабьего лета
В сентябре разыгралась жара.
Видно, песенка наша не спета,
Как нам это казалось вчера.

На рассвете туманно-бездонном
Спор нахальных ворон у окна.
Почему наша нежность бездомна?
И разлук не боится она.

Так скажи, что пора нам, пора нам
Разлететься за окоём...
Я удачи считаю по ранам,
По зазубринам в сердце моём.

Мотив Шагала

Любовники долго
врастают друг в друга.
И вдруг друг из друга
произрастают они.
Смотри, в очертаньях невидимых
синего круга
зелёным посыпаны эти лиловые дни.

Как туго изогнут стремительный лук
бирюзового луга!
Упруго любить. Нежно любить. Больно лю-
бить телом об тело,
когда тополияная вьюга
вьётся над городом-полем в сонливом хмелю.

Легко оторваться
от быта болтливой слободки —
истица-виновница,
истины блудная речь,
беги местечково-тоскливой
вседневной селедки!
Вседневной печалью —
со вздохом —
спеши пренебречь!

Заброшенный Витебск
вспорхнёт из-под синего плуга...
И вспыхнут птенцами,
синяя под небом, огни...
Любовники пламени
плавно растут друг из друга!
И нежно друг в друга
навсегда врастают они.

* * *

Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!
И что мне в твоём интересе —
Куда моё время летит!

Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.
Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелётные числа
И тают в осенней дали.
Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит — ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.
Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбя...
Послушай, найди себе мужа!
Пуškai он ревнует тебя!

* * *

Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И — взмахи крыл твоих легки.

Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: всё повторится.
Не повторится! Оглянись!

И — плавная — по повороту —
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полёту.
А сам остался на земле.

* * *

Гуляет море, тихое вчера,
И люди с постоянного двора
Опять глядят в пустую даль устало.
Таможня прячет ружья под навес,
Струя дождя — ветвям наперерез,
В харчевне карты разложил катала.

Поручиком уже никак не быть,
В штабс-капитанах тоже не ходить,
И не скупать для светских львиц подвески,
Поскольку ни имения в заклад,
Ни дяди честных правил, а закат
Не высветил контрабандистской фески.

Волне шипеть, шептать и рокотать,
Подкрадываясь к берегу, как тать
В ночи, и с ветром бестолково споря.
И стоя на турецком берегу,
Я столько напридумывать могу
Пока еще погуливает море.

Прошла эпоха. И была она
По-своему прекрасна и темна,
И нынче времена не так уж плохи.
Я не поручик и не капитан,
Стою себе, не весел и не пьян,
Свидетель подступающей эпохи.

Как многие, гляжу в пустую даль,
Гуляет море, ну и мне не жаль,
Кого катала нынче раскатает.
Стремительное время протечёт,
Сыграет с нами в нечет или чёт,
И также в этих сумерках растает.

* * *

Бедром циркачка обруч вертит,
Скажи ты, ловкая девица!
Хотите — верьте, нет — не верьте,
Что им никак не надивиться.

Они явились, аты-баты,
Расселись дружно и свободно,
Галдят голодные солдаты,
Их урезонивает взводный.

У них сегодня увольнение,
И политрук задумал дело:
Всем — в культпоход на представление,
И вот их дразнит бабье тело.

А вот наездница — то вскочит
На круп коня, а то соскочит...
Взвод жеребячится, гогочет
И дурью мается, и хочет.

Из Итальянской тетради

Елене

* * *

В рассветный час встаёт незримо
Тень Авентинского холма.
Нам не уснуть в объятьях Рима.
Химерами стоят дома.

Что было читано дотоле,
Прожгло веков потухших грань.
Теперь взойди на Капитолий,
Где кесарь простирает длань.

Здесь — голоса, здесь — топот, лица,
Там — кровь от цезаревых ран.
И с городом незримо длится
Твой исторический роман.

* * *

И распахни навстречу ворот —
Звезда вечерняя горит.
Ты видишь: Рим — открытый город,
Как Росселини говорит.

Ты слышишь это море звуков
И видишь марево огней,
Но всё-таки темно и глухо —
Звезда вечерняя над ней,

Над этой жизнью безмятежной,
Над полной тягот и забот,
Над волей твёрдой, песней нежной,
Над медленным теченьем вод.

Сиянием неутолимым,
Неугасимым навсегда,
Струи свой свет над вечным Римом,
Гори, вечерняя звезда!

Михаэль Шерб

Родился в Одессе, окончил ОГУ (теор. физика), затем в 1994-м переехал в Германию, окончил Дортмундский Технический университет (информатика). Работает программистом.

С тех пор, как ты уехала из Д...

*И если мне захочется любить,
придумаю тебя с ножом в арбузе...
Wasserman*

С тех пор, как ты уехала из Д.,
Из К., из П., и далее везде,
Вонзая шпаги молний в пузо моря,
Гроза прогрохотала на арбе,
Соорудив (Мираллес? Корбюзье?)
Прозрачный куб из ветра и историй.

А я пытаюсь встать из-за стола:
В единый ком слипаются слова,
И цепью, — за Мариною — Марина, —
Без паузы, без перерыва, длинно,
Медовая жевательная вязь,
Попса, джинса, пыльца аквамарины.

Навстречу плыл печальный карнавал.
Я кланялся, я руку подавал
Тореадорам в платье скоморохов.
Мой город выл, мой город падал ниц,
Сбегал к воде, цеплялся за карниз,
И рассыпался мраморным горохом.

Но за спиной дышал сосновый лес,
И камешек-янтарь, как леденец,
Лежал у ног, обсосанный волною,
И лопались цветные пузыри,
И тыкалось в ширинку изнутри
Упрямой, умной мордочкой коровьей
Желание — любовь на безлюбавьи.

Бывало, вспыхнет яблоня в дыму,
Или миндаль на родине, в Крыму
Вдруг расцветет, — неробко, негасимо,
И в воздухе дрожит, как Хиросима, —
Сверкать и спать, — в густую пелену...
Ну как тут не прочувствовать: в плену
Кровавой глины, пыльного кармина,

Танцует жизнь, бесцветная Кармен,
Иродиада, наволочка, чайка,
Отскочит взгляд, — бессмысленный
всезнайка,
Хохочущий над Деей Гуинплен, —
От полушарий матовых колен, —
И брызнет слез серебряная стайка.

И брызнет серебристая икра,
Условность, иерархия, игра, —
Скукожились до рамы, до оправы
Шагальего гостинного двора, —
Шагальего павлиньего пера, —
Дубового дупла Гранд-Опера,
Алхимии, целительства, отравы.

Танцуй, Кармен, на плоскости стола,
Пока тебя не вздернет каббала
Качаться на путях спиральных странствий,
На нитках неэвклидова пространства
Качайся, закусивши удила,
Замешивай невидимую глину,
Покуда ангел скальпелем крыла
Не рассечет тугую пуповину.

Танцуй, Кармен, пока не родила!

Лоза

Останемся — мы двое, и лоза,
Что медленно ползет к макушке дома,
И в хвое первобытная гроза,
Искрящая серебрянным озоном.

И снова будут в радужной пыли
Купаться воробьи твоих желаний,
И клёнов золотые корабли
Войдут армадой в гавань увяданья.

И, проскользнув по черенку листа,
Хрусталик капли вспыхнет каждой гранью.
О чем еще успеют прошептать
Тугие вспышки астр и герани?

Останемся мы двое. Нам во сне
Кино покажет тротуарный камень:
Как альбатросы чистых простыней
Взмывали над горящими дворами.

Нас, затонувших, двое — ты да я,
На мириады кораблей и лодок.
Уже не выжать жажды бытия
Из тубиков засохших наших глоток.

Вползает престарелая лоза
На стенку дома, — нас осталось двое
На чёрно-белом свете. И гроза
Искрит озоном в первобытной хвое.

О-зеро

Жужжит по сваям ветра жук.
Растянуты на тросах торсы,
Над пирсом — брызги, но сухи
Полоски-доски, тени — плоски.

Вода прогретая пресна,
Просторно — бликам, звукам — тесно.
И отражения блесна
Плывет средь мусора, древесна.

Зароешь ступни в жар песка, —
Чудесно!

Карабкайся, кораблик-вошь,
Хребтом отлогим горизонта, —
Пусть пробежит волненья дрожь
По плотной шкуре мастодонта.

И выплунет вода голыш
На склон покатый.
И ускользнет светило-мышь
В нору заката.

Железная дорога

На плечах и коленях весны —
Одеяла оливковых шествий.
У излучин скольжений немых —
Черных ласточек жалость и жесты.

Оседают искристая взвесь
На кометах покинутых станций,
Пышет жаром прогретая жесь,
Ароматные всхлипы акаций.

Прозвенит параллельная сталь,
На мгновение выскользнет жало,
И в лицо не узнаешь печаль,
Словно это начало.

Маленькие радости жизни

маленькие радости жизни покупать книги
покупать чай причудливые сорта
странные названия киба флип еарл грэй
девушки продают чай всегда милы
и вежливы с каждым
они любят кто любит чай разбирается в чае
столько коробочек аптека для здоровых
этот сорт дешевле этот для знатоков
в бордовых коробочках фруктовые
в темнозеленых черный чай аромат
понюхайте рихен зи мал ист вирклих
старая европа тень в полдень скукожилась
до размеров чайного магазинчика.
На английском фарфоре
переверните чина бон
легкая недорогая доступная роскошь.

То самое

И то, что несколько дней подряд он дарит цветку,
Словно облатку вкладывая

в распахнутый чашки зев, —

И то, к чему так вожделенно тянет

сквозь снег зимний куст

Отростки гибких оголённых пальцев — вверх.

И то, что после полудня мёдом течёт

По гладким стенам с каждой покатою крыши,

И то, о чем поёт неверие моё

в псалмах, взлетающих всё выше.

И то, что предстанет взгляду моему

В виде лестницы из бесконечного числа ступеней,

Когда, переступив через порог во тьму,

Падая ниц навсегда,

Я сперва упаду на колени.

И то, что чувствую в сжатом до судороги кулаке,

Хотя ничего нет и не было никогда

на раскрытой ладони,

И то, что написано на каждой притолоке

В каждом доме,

В котором живут...

Возрождение

И был платан, как Брунеллески,

И тополь был, как Санта-Кроче...

Цветком, стеклярусом, подвеской, —

Парил балкон, — перила прочно

Меня держали за запястья.

Ограды раззевали пасти.

Крепления из гладкой стали

Дворцы на привязях держали,

Но колокольни каланча

Сверяла время по часам

Древесным,

День толкая к ночи.

И тополь был, как Санта-Кроче.

И ангелы в клубки сползались,
и бесы собирались в стаи...

И перспектива в чем-то чёрном

Плескалась,

Словно в крепком чае.

Часы два раза били полночь.

Фонтаны на ночь выключали.

Крошился грифель на бумаге,

Была Вселенная белёса,

Почти касался пальца палец,

Крутились гладкие колёса,

И шестеренки изгибались, —

Из чрева девственного леса

Личинки техники рождались.

С балкона вверх взмывали бесы,

Расправив кожистые крылья.

Телами полнились кварталы.

Питались мраморною пылью

Колонн подгнившие кораллы.

Искрит идея об идею,

Коптящий факел зажигает,

А за столом первоапостол

Первоапостолу, осклабясь,

Ребром ладони метит в шею.

Но был платан, как Брунеллески...

Свивалось облако-папирус,

Картины окон тлели в рамках

(Не помогали занавески).

Флоренция держала в лапах

Лесной балкон, кленовый клирос, —

Он из ствола, — каррарский мрамор, —

Той ночью вырос.

Александр Ланин

Родился в Ленинграде, вырос в Санкт-Петербурге, живёт и работает в Германии во Франкфурте-на-Майне. По специальности – математик, ныне – банковский работник. Пишет стихи с середины 90-х годов. Лауреат конкурсов «Пушкин в Британии 2010», «Эмигрантская Лира 2010», «Ветер Странствий 2011». Публиковался в журнале *Terra Nova*, а также в различных сборниках, составленных по итогам международных поэтических конкурсов.

Данте

Спокойно и грустно, когда полпути за плечами –
Земного пути, потому что иных не бывает.
Друзья подстрелили зелёную птицу печали,
Но не потрошили и чучела не набивали.
И ты говоришь, что тебе перед нею неловко.
И машешь руками. Как крыльями, машешь руками.
Твоя Беатриче живёт в девяти остановках,
Которые ты до сих пор называешь кругами.

А птица глядит, не мигая, и взгляд её полон
Совсем не немного, а шумного злого укора.
Гитара на стенке – не самый изысканный повод
Напяливать новые рифмы на те же аккорды.
Так вера в себя почему-то похожа на ересь,
Волшебная флейта к губам перепуганно жмётся.
А к Моцарту в гости с бутылкой приходит Сальери,
И Моцарт нажрётся. И Моцарт, конечно, нажрётся.

Но что тебе гении, ты, ведь, и сам себе гений,
Хотя и не веришь себе ни на грош, ни на йоту.
Немного лысеешь, но это, наверное, гены.

А что до морщин, то они от питья и работы.
Друзья говорят, что бывает значительно хуже:
Дороги – не в Рим, а в иной итальянский топоним.
Твоя Беатриче давно завела себе мужа,
И ты её понял. И ты её, в общем-то, понял.

Ты смазал картину небрежным движением кисти,
И неба лазурь перекрасил в неистово алый.
Не то, чтобы ради каких-то загадочных истин,
А просто затем, что иначе она застывала.
Весомы слова и дела, а шаги невесомы.
Шагая по струнке, теряя без боли и гнева,
Ты в зеркале видишь себя с бородой и босого.
Но чуда не будет, и глупо закидывать невод.

Не явится рыбка – идея себя изжила ли,
А, может быть, просто никто ей за это не платит.
Однако в запасе осталось одно из желаний,
И этого хватит. Конечно же, этого хватит.
И, если твоя Беатриче однажды заплачет –
Случится беда, или просто тоска подкрадётся,
Ты к ней прилетишь, ты всё так же не можешь иначе.
И всё обойдётся. Ты знаешь, что всё обойдётся.

Осенняя автострада

Мир хорош, но бесцветен. И осень глядит в упор.
О растерзанном лете напомним лишь светофор.
Сквозь большие глаза его видно, что там внутри.
И до зеркала заднего вида сузился крик.

Мир хорош, но беззвучен. И осень тут ни при чём.
Неба ласковый кучер хлещет её бичом.
Греет душу запас, но нещадно тянет карман.
Нам ремень безопасности даст не сойти с ума.

Мир хорош, но безвкусен. И вряд ли тому виной
Улетевшие гуси и выпитое вино.
Регулярные сводки разводят сплошной поток.
А любви, словно водки, всегда на один глоток.

Мир хорош, но бестактен. У нас лишь пять козырей.
Амфибрахий и дактиль, анапест, ямб и хорей.
Осень бьётся туманом в расчищенный горизонт.
Послезавтра зима нас козырным побьёт тузом...

Десант

Мы просыпались вниз, как сидели, рядами.
Над истерзанным городом тучи рыдали.
Мы привыкли, что им разрешается плакать,
А не нам, отбивающим стопы о слякоть.

Мы привыкли к войне. И к побудке пинками.
И дремать, упираясь в лицо кулаками,
Нечувствительны к шуму, бесчувственны к боли,
Просыпаясь как раз за минуту до боя.

Темнота нас встречала залиvistым лаем.
Вот и всё. Мы уже ничего не скрываем.
Вот и первый свалился, убит или ранен.
Наплевать, мы сумеем дойти до окраин.

Языки на плечо, через ночь — недотрогу,
То петляя змеёй, то срезая дорогу,
Продираясь огнём в отсыревших поленьях,
До пожара в ладонях и дрожи в коленях.

Мы — не боги войны, а навозная жижа.
Наше дело простое — подохнуть, но выжить,

Потому что в конце этой каши кровавой
Никому не воздастся заслуженной славой.

Эта томная дрянь в одеянии тонком
Пробежится глазами по нам, по подонкам,
По безвестным рубакам и пьяным задирам,
А потом, как обычно, уйдёт с командиром.

Мы прорвались, одним волчьим нюхом ведомы.
В нас стреляли в упор и из каждого дома.
Вместо лёгкой добычи и жирной наживы,
Недожившие, радуйтесь, что не дожили...

И, сияя предчувствием скорой победы,
Нас вели за собой Одиссей с Диомедом.

Дама

(из цикла “Пять карт”)

Не бывает любви, недостойной чужого горя.
Так слезинка ребёнка снежинкой сгорает в боге.
Разбуди меня ночью — огнём, небесами, морем,
Нарисуй мои звёзды на белом своём пороге.
Если вечер поймёт, он сумеет уйти от плена,
Но скорбит петушок о беспутном своём Додоне.
Моя тень, словно гость, покидает чужие стены.
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Не бывает любви, недостойной чужого счастья.
Так неловкости ложь всё равно обернётся зверем.
Разбуди меня там, между первым и третьим
часом,
Разорви мою цепь за секунду до звона звеньев.
На весеннюю улицу выйдут, рыдая, пары,
Возлагая цветы к веслорукой своей мадонне.
Но пускай моя бухта искрится рядами палуб,
Моя линия жизни лежит на твоей ладони.

Не бывает любви. Никогда. Никакой. И точка.
И томление духа — всего лишь причуда тела.
Но — дурные вампиры — мы живы, и живы только
Отражаясь друг в друге и тем сохраняя тени.
Наша хлипкая нить — не замена привычным тросам,
Ведь она и горит, и в воде, понимаешь, тонет.
Просто всё это то, что случится не с нами. Просто
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Виталий Шнайдер

Родился в 1954 году в Одессе. В 1962 году переехал в Таллинн. Журналист. Работал в русскоязычных газетах Эстонии, а также репортёром на телевидении. В Германии (г. Ганновер) с июля 2001 года. В течение шести лет был главным редактором ежемесячного русско-немецкого журнала. Входит в Союз немецких журналистов и прессы (DPV e.V.). Выпустил три книги стихов: «Прерванный сон», «Знак совпадения», «Иные берега». Автор публикаций в периодике Эстонии, Германии, России, Украины, Бельгии, Великобритании. Поэт, публицист, переводчик с немецкого языка.

* * *

Я прожигаю время,
Лежу на диване — жгу,
В землю не сею семя,
С телеэкрана не лгу.

Тихий, домашний, кроткий,
Я кристаллически чист,
Как Смирновская водка,
Как неисписанный лист.

Люди строят дороги,
Любят, сжигают мосты,
Пьют, возводят остроги,
Бьются в сетях суеты...

Жизнь кипит за стеною
Тесной моей конуры,
Я ничего не строю —
Лежу и глаза закрыл.

* * *

Конец любви. Печальные предметы
Загромождают комнату, пылясь.
Дым сигаретный, медленно клубясь,
Неясные рисует силуэты.

За окнами деревья неодеты.
С асфальта убирает дворник грязь.
Неспешно облака плывут, стремясь
В тот край, где в небо смотрят минареты.

Один как перст, по комнате пустой
Он бродит, проклиная жребий свой,
Угрюмый одиночества заложник.

Табачный дым рисует силуэт
Той женщины, которой больше нет,
Как некий в Лету канувший художник.

* * *

Сидеть впотьмах, не зажигая света,
Смотреть в окно, потягивать вино.
Над скатом крыши мелкая монета, —
то лунный грош, разменянный давно.

Стук каблуков по улице негромок,
и эхо тонет в недрах мостовой.
И лунный лучик серебрится, ломок,
как этот мир, придуманный тобой.

* * *

«Мы крепко связаны разладом...»
Арсений Тарковский
И.З.

В твоей судьбе нет места для меня.
Любовь ушла, исчезла безвозвратно,
И бесполезно звать её обратно
Во тьме ночной или при свете дня.

Спасаясь от губящего огня,
Мы разошлись по жизни безоглядно.
Нас чернь с тобой судила беспощадно,
И мучила тебя твоя родня.

Все кончено, лишь пепел да руины,
И путь в кабак по улицам недлинный,
Где заливаю водкою я боль.

Мы были крепко связаны разладом.
Тебя мне видеть издали позволь,
Теперь мне, право, большего не надо.

Р.П.

Парковый этюд

Bad Nenndorf

Здесь почти Ван Гоговские поля, —

горизонт уходит куда-то
вверх,
растворяется там,
и миндаля

горьковатый запах,
и меры сверх
свежего воздуха,
коего гладь,
греясь на солнце,

даёт миражи;

но солнце заходит,
и вот опять
поля Ван Гога — они от бога, —
поля Ван Гога

из спелой ржи.

М. Я.

Игорь Губерман

Родился 7 июля 1936 года в Харькове. По образованию – инженер-электрик. Жил в Москве и в «местах, не столь отдалённых». В 1987 году эмигрировал из СССР, с 1988 года живёт в Иерусалиме. Автор известных поэтических миниатюр, получивших название «гарики» (Гарик – домашнее имя Игоря Мироновича).

* * *

Когда сидишь в собраниях шумных,
язык пылает и горит;
но люди делятся на умных
и тех, кто много говорит.

* * *

Нашей творческой мысли затеи
неразрывны с дыханьем расплаты;
сотворяют огонь – прометеи,
применяют огонь – геростраты.

* * *

Мудрость Бога учла заранее
пользу вечного единения:
где блаженствует змей познания,
там свирепствует червь сомнения.

* * *

В цветном разноголосом хороводе,
в мелькании различий и примет
есть люди, от которых свет исходит,
и люди, поглощающие свет.

* * *

Возглавляя партии и классы,
лидеры вовек не брали в толк,
что идея, брошенная в массы –
это девка, брошенная в полк.

* * *

На собственном горбу и на чужом
я вынырнул понятие простое:
бессмысленно идти на танк с ножом,
но если очень хочется, то стоит.

* * *

В кромешных ситуациях любых,
запутанных, тревожных и горячих,
спокойная уверенность слепых
кошмарнее растерянности зрячих.

* * *

Мне жаль небосвод этот синий,
жаль землю и жизни осколки;
мне страшно, что сытые свиньи,
страшней, чем голодные волки.

* * *

Когда-нибудь, впоследствии, потом,
но даже в буквари поместят строчку,
что сделанное скопом и гуртом
расхлебывает каждый в одиночку.

* * *

Никто из самых близких поневоле
в мои переживания не вхож,
храню свои душевные мозоли
от любящих участливых галош.

* * *

В сердцах кому-нибудь грубя,
ужасно вероятно
однажды выйти из себя
и не войти обратно.

* * *

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул
и вышел с омерзением.

* * *

Творец дал женскому лицу
способность перевоплотиться:
сперва мы вводим в дом овцу,
а после терпим от волчицы.

* * *

Лишь перед смертью человек
соображает кончив путь,
что слишком короток наш век,
чтобы спешить куда-нибудь.

* * *

С успехами наук несообразно,
а ноет — и попробуй заглуши —
моя неоперабельная язва
на дне несуществующей души.

* * *

Свои черты, штрихи и блики
в душе у каждого и всякого,
но непостижимо разнолики,
мы одиноки одинаково.

* * *

Куда по смерти душу примут,
я с Богом торга не веду;
в раю намного мягче климат,
но лучше общество в аду.

* * *

Звоните поздней ночью мне, друзья,
не бойтесь помешать и разбудить;
кошмарно близок час, когда нельзя
и некуда нам будет позвонить.

Петр Межурицкий

Родился в декабре 1953 года в городе Одессе (СССР, Украина), По образованию – филолог и педагог, окончил Одесский государственный университет и педагогические курсы государственно-религиозного института Тальпиот (Тель-Авив). С 1990 года живёт в Израиле. Стихи и проза публиковались в русскоязычных изданиях России, США, ЕС, Израиля, Украины.

Эпоха кабаре

Пусть свет, который сам пузырь,
Пускает пузыри –
Ночь хороша и вкось, и в ширь
До самой до зари.
И пусть, как шапки на ворах,
Горят огни реклам –
Ночь хороша и в пух, и в прах
По всем своим углам,
Где балом правит солнца тень
И зла не превозмочь –
Ночь хороша, и плох тот день,
Когда не в радость ночь.

Знай свое место

Роковая, как подножка,
Даже Богу не раба –
Ты всего лишь в доме кошка,
Что не больше, чем судьба.

Репутация

Ну, кто во вред своей карьере
возьмется исполнять Сальери,
который то ли впрямь с моста
столкнул Шопена ради злата,
то ли вообще распял Христа
под видом Понтия Пилата?

Сизиф

Дела просты:
Помою пол,
Полью цветы,
Сошью камзол,
От сатаны избавлю Русь
И обязательно женюсь.

Потом испачкается пол,
Вконец износится камзол,
Забрав цветы, уйдёт жена,
На Русь вернётся сатана,
И если я останусь цел,
То снова будет масса дел:
Помою пол, полью цветы –
Какие могут быть понты!

* * *

Что, сударыня пешка,
Ты как будто ослепла –
Протекают успешно
Трансформации пепла,
Образуются ниши,
Соблюдаются нормы,
А на уровне ниже –
Лишь конкретные формы,
Роковые огрехи,
Несваренье пропорций
И другие потехи
Ради наших эмоций.

Таинство

“... истина дороже”

Аристотель

Искусства, как всегда, в упадке,
Науки изначально лживы,
Зато при полной непонятке
И власти есть, и люди живы.

Вот и клянешься бороною
И обжигаешься на вынос,
И уживаешься с бедою,
Не слишком жалуясь, плюс—минус.

Как будто впрямь от чар контракта
Освобождаются посмертно
Душа нетленная абстрактно
И тело брненное конкретно.

Следя, как тает звезд укладка
На небесах, окстись и внемли
Своим глазам закрытым сладко,
Поскольку истины — дешевле.

Salve

По времени опять зима,
Которой нет еще в природе —
Тебе не приложить ума,
Куда твой ум тебя заводит,
Тебе, а стало быть, и мне,
А стало быть и всем попятный
Заказан путь, зато вполне
Качнется маятник обратно,
И всякая живая тварь
Осоловеет от наитий —
О, царь природы, Календарь,
Ты для кого теперь спаситель?
Внемлите, смертные: зима
На этот раз прошла не мимо —
За окнами, как есть, сама
Природа явлена без грима,
И с точки зрения небес
Я соучастник и свидетель
Того, как Древний Рим воскрес
И начинается с междометий.

Волшебство

Под кадриль или под фугу,
Вся обласкана судьбой,
Лошадь бежит по кругу,
Словно бы сама собой —
Так не хочется домой,
Говорю тебе, как другу,
В мир, где преданная плугу
Лошадь ходит по прямой.

Из цикла «Против всех»

Встает с колен Святая Русь,
А я снаружи.
В горах Швейцарии лечусь
И мне всё хуже.

Зато, бывает, в наш отель
Подобьем тени
Вильгельм зайдет, тот самый Телль,
Встать на колени.

Такой великий и простой —
Едва заметен —
Стоит он час, стоит другой,
Стоит и третий.

И пусть кривляется портье,
И в окнах тучи,
И постояльцы ещё те,
А мне все лучше.

Не знаю, кто пойдет с ножом
На Русь Святую,
Но побывай в краю чужом —
Рекомендую.

Гладиатор

Жизнь не игра, а Колизей —
умру, порадуя друзей!

Михаил Сипер

Родился в 1954г. на Урале, в городе Нижнем Тагиле. Окончил Уральский политехнический институт в Свердловске, работал технологом. Стихи пишет с 1975 года. Лауреат многих конкурсов авторской песни и поэзии. Песни на стихи М.Сипера публиковались в книгах «Наполним музыкой сердца», «Люди идут по свету», «Грушинский», «Смех сквозь струны» и др. С 1991 года Михаил Сипер живёт в Израиле.

Трубач

* * *

По городу идёт чужой трубач,
Чужую он мелодию выводит,
Как крысолов из старой сказки, бродит
Ночной глашатай новых неудач.

Мелодия пугающе странна,
В ней отзвук непонятного и злого,
Безжалостного медленного слова
И отсвет нескончаемого сна.

По городу идёт чужой трубач,
Закрыты ставни, притаились люди,
Мелодия плывет, и души крутит,
И разрывает души, как палач.

И кто-то не выдерживает тишь
И тихо подпевает, подпевает,
И хор растёт, мелодия крепчает,
Все разрастаясь над пустыней крыш.

Чужой трубач, кривляясь и кружа,
По улицам полуночным проходит,
И горожан на улицы выводит
Мелодия ночного миража.

А кто не смог мелодию напеть,
Кто не поддался общему порыву —
Он дома умирает молчаливо,
Безумию предпочитая смерть.

А хор идёт шеренгами колонн,
А хор идёт за трубачом, как крысы...
Из головы повыветрились мысли,
И лишь трубы там поселился стон.

По городу идёт чужой трубач,
По своему по городу, чужому...

Смотри, какая на дворе
Сегодня тихая погода —
О это время перехода
В безмерно жёлтом сентябре!

На смену прежним именам
Всплывают в памяти иные,
И, не почувствовав вины, я
Плыву по новым временам.

Я выбираю день любой
И погружаюсь без оглядки,
И, слава богу, всё в порядке...
Но что же делать мне с тобой,

С твоими «нет» и «почему»,
С твоей улыбкой полудетской
И с сентябрём, где все нерезко
И одиноко одному?

Ты будешь жить и не поймёшь,
Что время лечит и калечит,
Что вечно бьётся человечек
В другими созданную ложь.

Несутся дни и облака,
Сгорают помыслы благие.
И только лица дорогие
Нетленны будут на века.

Аптека, улица, фонарь —
Как всё в ночном тумане зыбко,
Но греет мир твоя улыбка,
И тут бессилён календарь.

* * *

Через речку, через поле, через лес,
Через прежний, отзвучавший интерес,
Через улицу со знаком «Подожди!»,
Через злые полосатые дожди,
Через старые забытые долги,
Через тихий слабый голос: «Помоги...»,
Через честные—пречестные слова
И тропинки, где уже растёт трава,
Через счастья обнажённые тела,
Через ту, что неожиданно ушла,
Через входы с нержавеющей замком,
Через двери с надзирающим глазком,
Через речи, где в конце аплодисмент,
Через вечность, заключённую в момент,
Через радость, утонувшую в слезах,
Через листья, закружившие в лесах,
Через руки, обнимавшие кольцом,
Через стёртое из памяти лицо,
Через встречу, и разлуку, и опять
Возрождённые возможности встречать,
Через пулю нетронутый висок,
Через выстроенный дюнами песок,
Через сердце, и печёнку, и мозги,
Через след на берегу твоей ноги,
Через в бога душу растакую мать,
Через счастье, что я не могу поймать,
Прелегает моей жизни колея
И уводит в непонятные края,
Где брожу по берегам своей реки,
Расшибаясь о дверные косяки.

Веронике

Тверская, она же Ямская,
Здесь в окна стучат снегопады,
Здесь ходит по кухне собака
И кружится блюдец в печи.
Хозяйка собаку ласкает,
А вечер затеплил лампы,
И хочется молвить, однако,
Прошу — посиди, помолчи.

Ты чаем от стужи согрейся.
Все это давно нам знакомо,
Когда бы сюда ни вернуться,
Ведь длится столетия подряд
Неспешное мудрое действо,
Спокойствие старого дома,
Хозяйка, молчание, блюдец,
Собака, окно, снегопад.

* * *

Утренняя погода
Голову мне печёт...
Мерзкое время года,
Мне окажи почёт!

Хватит меня кухарить,
Жечь, запекать, варить!
Трудно меня состарить,
Проще меня убить.

Проще болезни бремя
Мне возложить на грудь,
Тикало чтобы время,
Мой отмеряя путь.

Это намного легче,
Чем затыкать мне рот—
Через потоки Леты
Я зашагаю вброд,

Чтоб у того престола,
Где суждено служить,
Кто—то вздохнул устало:
«Жить бы ему да жить...»

Песенка на бегу

В белизне привычных буден, словно стон,
Разорвал, забаламутил тишину
Этот бешеный осенний марафон,
Поднимающий кружащую волну.

От любимой до любимой этот бег,
Все короче и всё чаще этот вдох.
Заблудился и бегу я целый век
Спрятан выход среди тысячи ходов.

Сколько снега, сколько ливней надо мной,
Как безумствует безудержный сезон!
Белый флаг над всей асфальтовой Землёй
Затянуло в тот осенний марафон.

В четырёх стенах уже не усидеть,
Всё сыграть надеюсь «новеньким» на кон,
Даже некогда душою поболеть —
Продолжается осенний марафон.

Марк Луцкий

Автор 28 книг. Работы Марка Луцкого были опубликованы в периодических изданиях 15 стран. Лауреат многочисленных литературных конкурсов, Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки.

Раздумье о вдохновении

*У вдохновенья есть своя отвага,
Своё бесстрашье, даже удалство...
С. Маршак "Последний сонет"*

«У вдохновенья есть своя отвага ...»
Но хватит ли отваги у меня?
Бурлит в крови взбесившаяся брага,
И в голове — сплошная колготня.

Там и отваги вдоволь наберётся,
Как во хмелю - её хоть отбавляй?
А вдохновенье — словно мышь скребётся,
Оно, увы, не брызжет через край.

Поэзия — капризнейшая дама,
Не угадать, каков сегодня путь.
Ну, не даётся мне она упрямо —
Бесстрашья — много, вдохновенья — чуть.

И всё летит куда-то кувырком —
Есть разница меж мной и Маршаком!

Размышление о наклонных башнях

В городе Невьянске, на Урале,
По дороге к Нижнему Тагилу,
Где домишки старые ветшали,
Башню я наклонную увидел.

Про неё в газетах пишут много,
К ней туристы движутся навалом,
Издавна протоптана дорога
К башне, наклонившейся устало.

— Вот она! Наклонная! Глядите!
Экскурсантам я ответил нервно:
— То ли был неграмотным строитель,
То ли место выбрано ущербно...

Но толпа смотрела упоенно,
И порою становилось страшно:
На прямые не глядим влюбленно —
Нам подай скосившиеся башни!

Теснота

Господи, народу-то, народу!
Господи, народу — просто страсть!
Как же делать на Земле погоду,
Коли негде яблоку упасть?

Краски и пигменты перетёрты,
Но художник медлит. Вот напасть!
Как писать живые натюрморты,
Коли негде яблоку упасть?

Инженер клянёт свою судьбину,
Ну, никак не удаётся снасть!
Как придумать новую машину,
Коли негде яблоку упасть?

Жизнь — всегда какое-то движенье,
Нет движенья — и пропала сласть.
Как поэт создаст стихотворенье,
Коли негде яблоку упасть?

И учёным — тоже неуютно,
Как же проявить науки власть?
Как закон откроет хитрый Ньютон,
Коли негде яблоку упасть?

Школьные воспоминания

В юности согласишься в это вряд ли:
— Жизнь жестокосердна и груба!
Чехов утверждал: «Всю жизнь по капле
Из себя выдавливал раба».

Что ж, писатель в этом деле — дока,
И ему внимал прилежно класс.
...А потом словесник на уроках
Чехова выдавливал из нас.

Великие евреи

Еврей великий Моисей,
Светла его дорога,
Считал и вразумлял людей,
Что всё идёт от Бога!

Еврей великий Соломон,
Царь, предводитель люда,
Указывал на Разум он,
Мол, всё идёт оттуда!

Еврей великий Иисус,
Гроза единоверцев,
Вещал, вводя людей в искуc,
Что всё идёт от Сердца!

Еврей великий Карл Маркс
Был враг всесилья духа.
Он наставлял усердно нас,
Что всё идёт от Брюха!

Еврей великий Зигмунд Фрейд,
Мудрец, король рефлекса,
Считал, что жизнь — подкорки бред,
Что всё идёт от Секса!

Еврей великий А. Эйнштейн
Заметил снисходительно:
Бог, Разум, Сердце, Брюхо, Секс —
Всё это Относительно!

Александра Шнеур

Родилась в России, жила в Эмиратах, теперь – на Кипре.

Тридцать Пять

*"...is Cyprus what remains
of lost Atlantis?"*

Сначала, но не заново. Итак —
Мне тридцать пять (перечитаем Данта,
Склонившись над тяжёлым фолиантом
И ужасаясь в избранных местах).

В начале было слово. Много слов.
Понятно же, что незачем так много,
Пока беспечно доверяешь Богу,
И беспечален звон колоколов

Над древнею игрушечной страной
(Солёный сыр, оливки, виноград...
Утерянный... и обретённый рай).

Что будет дальше с миром и со мной —
Отпустит ли проклятие тех лет,
(Во всех церквях молились о дожде)
Когда — пусть по чуть-чуть, но каждый день —
Я тоже умираю?

Смерти нет

Всё ближе неба выцветшего синь.
Земную жизнь пройдя — до половины,
Начать сначала, снова быть невинной...
Не дай мне Бог. Пожалуйста. Аминь.

Не ложися на краю...

Маетно телу, горячечно голове,
Слов не находишь — и тем тяжелей молчать.
Спи уже. Завтра проснёшься, а будет свет:
Бог зачастую щедр. По мелочам.

Будет июль, и изъеденный солью пирс,
Хитрые рыбы, тяжёлые корабли.
Будет... чего ж ты, бессовестная, не спишь —
Ни упокоить тебя, ни развеселить?

Спи, засыпай, утро вечера мудреней.
Сколько ещё уговаривать-утешать,
Нячиться как с дитём — до скончания дней?!
...глупая, неприкаянная душа.

Hasta Siempre

Ты ли — подруга, судьба его, Магдалина?
Запахи — пота и пороха, пляж пустынный —
Пёстрые юбки да звонкие каблук.
Нынче не время — кротости голубиной,
Выживи — дашь его имя смуглому сыну.
...сердце — гранат, расколотый на куски.

Твёрже алмаза, податливее, чем глина —
Горькое слово «до вечности» — вкус полынный,
Книжное «вместе — до гробовой доски».
Солнце — плетётся по небу бездомной псиной...
Пой ему, хорони его, Магдалина —
Вдовьи одежды да сбитые каблук.

На песню «Прощай, Че Гевара» в исполнении Н. Кардоне

«Сколь веревочке ни виться...» или «Те же грабли, вид сбоку»

Выход здесь — или налево по коридору,
Или, что вероятней, выхода нет.
Вот и стою, незадачливою Пандорой,
Всех виноватей, а вовсе не всех умней.

Знай я, что сердце умеет болеть так больно,
Разве бы я ввязалась в эту игру...
Боженька милый...
А может — с меня довольно?
Можно же — я тихонечко здесь помру?

О Зимних Пляжах. Пораженческое

Нефритовая стылая вода.
Изголодавшись, подкрадётся ближе —
И ждёт. Она умеет выжидать,
Умело притворяясь неподвижной;

Так хищник притворяется ручным,
Ничем не выдавая нетерпенья.
На самом дне нефритовой страны,
Среди останков кораблекрушений —

Покой, почти похоже на покой,
И точно так же голодно и тесно.
Она уйдёт, чтоб через день-другой
Вернуться на намоленное место;

Вода должна — вернуться за тобой,
Затем, что должно — заполнять пустоты.
...где по-щенячьи ластился прибой,
солёный и обманчиво-бесплотный...

Мезальянс

Привычно томлюсь от безделья, ворчу на жару,
На кошку, что бродит сомнамбулой всю неделю;
Дымок от курильниц — отпугивать мошкар —
Навязчиво сладкий, словно в турецком борделе.
Распутничать скучно, а всё остальное — лень;
Который день забываю подрезать розы...
Муж старше меня — на сто или двести лет,
И сам, похоже, не верит своим угрозам —
Оставить меня без гроша, сослать в монастырь.
Да может со мною — именно так и надо!
Наш дом с каждым годом ближе к краю пустыни,
Горячим мёртвым песком заносит ограду;
Нагретая за день, кажется липкой вода.

Все дочери Евы — одной — порочной — породы...
Мне — не было равных в печальном искусстве ждать.

А после — по новой искать себе несвободы.

Rien ne va plus. Набросок

— Mademoiselle, faites vos jeux... rien ne va plus*.
Сердце колотится где-то в горле, смять сигареты...
Здесь не бывает ни ночи, ни дня. Может, я сплю
И оттого не чувствую боли. Господи — где ты?

Вкрадчивый свет электричества — замкнутый круг.
Незачем жить. Зачем-то поправлю крупье — Madame.
...точно в немом чёрно-белом кино —

лейтмотивом — rouge*,

Ровные строчки субтитров: беда — беда... беда

*«Мадмуазель, делайте ставки ... Ставки сделаны» (фр., фэт
во жуаз... рьен не ва плю)*

«красный» (фр., руж)

Воля Твоя

Ветер доносит гарь с торфяных болот,
Ночь над скитами — заношенный вдовий плат.
«Хлеб разломила, а тот — пополам с золой.
Тошно мне, матушка, и на душе разлад.

Как ни считаю, выходит к зиме рожать,
Поздно теперь-то уж — горницу на засов...
Сушь, да о прошлой неделе лесной пожар,
А с той поры — ни видений, ни голосов.

Страшно — как будто таится кто за углом.
Душно, сердечко колотится — не унять...
Кто развязал мне на лестовке узелок?
Матушка...

что как оставил Господь меня?»

Причитание

...За ночь помертвевшие деревья.
Покаянней прежнего твержу:
Отпустил бы ты меня, царевич.
Ни за чем-то я не пригожусь.

Обморочно-свежий запах хвои —
То ли траур, то ли торжество.
Словно снятся — окрики конвоя,
Колокольный да кандальный звон.

За ночь опустевшее подворье...
С каждым днём, как сына увезли,
Горше и обыденнее горе.
Да ужели к Пасхе — отболит?

Письмо с Кипра

(первый вариант)

Благословенны соль, и горький мёд,
И гавани, и горные хребты.
Избавишься от страха немоты —
Не раньше, чем когда она придёт.

Ещё свободен, словно арестант
В бегах. Хотя — куда ты убежишь?
Закончатся стихи — начнётся жизнь:
Arthur Rimbaud. A Chypre. Poste restante.

«Артур Рембо. Кипр. До востребования» (фр.)

Банальное. И рифмы тоже

*Моему милому, который стихов не читает —
ни моих, никаких. И слава Богу*

Мой бедный. То ли Йорик, то ли — Брут.
Что я тебе? Зачем мне — это бремя
Вины, когда безжалостное время
Идёт войной, а пленных не берут?

Вокруг вода — солёная, как кровь.
Зачем мы ждём у моря непогоды,
Коль грош цена расхваленным свободам,
И крепче смерти — бедная любовь?

МОЛДОВА

Виктория Чембарцева

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила факультет маркетинга Экономической академии Молдовы и факультет психологии Института непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Член Союза писателей Москвы. Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинёв, 2010) и ряда публикаций в периодике и коллективных сборниках. Участница Форумов молодых писателей России (2009-2010). Победитель и лауреат многих международных литературных конкурсов.

В ночь на 18 июля

За ливнями испарина дорог.
Июльский календарь листает осень.
Сквозняк субботний кисею возносит
жеманниц занавесок-недотрог.

И медленно стекает молоко
за край стола на тёмный пол дощатый...
И тени звуков прорастают мятой,
безмолвием... И света волокно

луной дрожащей под торшер ложится.
Отяжелев, смежаются ресницы.
И ветер ночи выдохнет в окно

раскатом грома в лёгкой колеснице.
И обогретою в ладонях птицей
забьется сон, приснившийся давно...

Часы до темноты

На завтрак чай, ещё — вишнёвый дым,
раскрытое окно и запах снега.
Опавший лист рыжеет лисьим следом,
тумана кокон, да предзимья стынь.

А стрелы серых ангелов дождя —
как пальцев ледяных касанье — сердце
пронзят навывлет. Тихо скрипнет дверцей
ночной сквозняк, из дома уходя.

И холодом дохнёт. Из пустоты
заглянет в душу взглядом из-под взгляда
чужое одиночество, и адом
покажутся часы до темноты.

Как долька мандаринная — луна
под вечер. «Спишь?» — услышу ли, приснится.
На дне зрачка забьется светлой птицей
свобода, не обещанная нам.

25 июля. Санторини

Имена по крупницам склевали чайки,
мы не помним, как откликались прежде..

разливает лето — вскипевший чайник —
по щербатым чашкам июль небрежно.
остаётся семь — на неделе выпить,
да ломтём луны закусить, как дыней..

на холме наш дом был бы ближе к выси..
двадцать пятый день. июль. Санторини.

* * *

А. Чернову

Я видела в стеклянной тишине
усыпанную миртом терракоту,
и солнце в багровеющем вине
за горизонт стекало с позолоты,
как день старел, и морщилась земля
от засухи растрескавшейся кожей.
Я видела, как древо гложет тля —
подкорково, пожизненно, похоже
на всхлипы раскрываемых дверей,
где за порогом Бог, а может, дьявол,
и где стоишь растерянный, ничей,
не знающий, ни лево где, ни право,
и травы прорастают сквозь следы,
и обморочно пахнет земляникой,
и ночь, качая стебли лебеды,
в зрачки глядится звёздно, многолико.

Я видела... Я видела сквозь сон,
как в шепоте песка вершилось время
и слова опрокинутого звон
летел строкой в чернеющую темень...

Писатель

Туман белее снега с Арагаца,
и девственно чиста твоя страница —
беседа букв и болтовня глаголов
остались за порогом кабинета.

По улице плывёт большая рыба.
Молчит и тонет, вязнет в зимнем иле,
то вздрогнет чешуёй зонтов неровно
от городского шумного прибоя —

блуждает взгляд в окне... Остывший кофе,
раскрыта «Капля мёда» Туманяна,
срывают тишину секундной стрелкой
часы, и не написано ни строчки.

О, этот долгий сон, длиною в зиму,
когда тоска совсем невыносима,
и сумерки скользят по стенам комнат,
когда Её лица уже не вспомнить...

Тысяча двести восемьдесят часов до зимы

Бессонницей травы звенит река,
пока ещё сиреневые тени
в тепло песка врисовывает ленно
скупой закат. Всего лишь час, пока

в овраги парка спустится туман,
с берёзы лист слетит сусальным златом,
его нашьёт, как яркую заплату,
бездомный ветер на пустой карман.

Пока ещё лиловый горизонт
неспешно стянет над землёю небо
в распахнутый упруго звёздный зонт.
Многоголосье уличного бреда

начнёт стихать, дробясь на звонкий лёд
«До парка» дребезжащего трамвая,
на лай дворняги, что бредёт, хромая;
измучивший сознание полёт
зудящего над прудом комара.

Почти экватор осени... Пока
ещё не стынют лужи по утрам,
пока не серебрится по пескам

аллей холодный иней, и пока
заплаканная зимняя тоска
промедлила с истерикой. Пока...

Римское

Мне заблудиться в улицах твоих
не даст луна, следящая за Тибром.

Звонят к вечерне, и внезапно стих
в платанах ветер... Написать верлибром
о золотом свеченье фонарей,
о чайках, белых даже в саже ночи.
А может, в рифму стоит? — это, впрочем,
получится и проще и скорей.

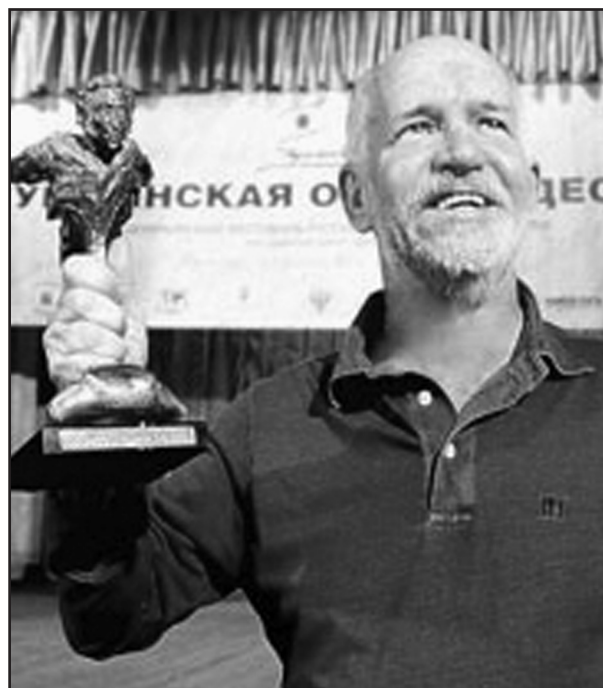
В кварталах гетто пахнет молоком,
и сырость Черепашьего фонтана
напомнит об Иосифе — о том,
что мимо шёл «не замочив кафтана*»...

Истерзана помарками строка,
да что строка — горит костёр бумажный!
И Бруно* тень проходит сквозь века
по Площади Цветов. И так ли важно,
что дела нет сегодня до меня
Эвтерпе, Эрато и Каллиопе?!

Ноябрь. Рим. Я на краю Европы,
и с Тиберина в колокол звонят.

**Строка из «Пьяцца Маттеи» И.Бродского*

**Джордано Бруно сожгли в Риме на Campo dei Fiori
(Площади Цветов)*

Александр Чернов

Родился в 1951 г. в Петропавловске-Камчатском. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в 1981 г. Автор пяти книжек поэзии: «Глазомер» (Москва), «Подробности», «Фуникулер», «Глазомир» и «Леденцовый период» (Киев). Печатался в многочисленных антологиях русской поэзии, альманахах и литературных журналах («Русская поэзия XX век», «Крым в русской поэзии», «Лёд и пламень», «Поклонимся великим тем годам...», «Радуга», «Аврора», «Вестник Европы», «Пушкинская осень в Одессе» и др.).

* * *

Словно в полуподвале меня поселили,
ниже уровня лужи.
До ближайшей земли мореходная миля.
Рыба ищет, где глубже.

Мне из этого мира не выйти сухому,
отдышаться на суше.
За спиной, как хомут, прогибается омут.
Рыба ищет, где глубже.

Мутноватым пятном стекленеет поверхность.
Звуки глуше и глуше.
Расплываются буквы присяги на верность:
Р Ы Б А ИЩ ЕТГДЕ ГЛ У БЖЕ.

Разбиваю стекло, как отравленный газом, —
свежий воздух снаружи!

Против ветра всегда продвигаются галсом.
Рыба ищет, где глубже.

Все равно вырываюсь и вылез по пояс,
втянут заживо тут же.
Даже птица и маятник ищут покоя.
Рыба ищет, где глубже.

Я хочу на чердак, под железную кровлю,
чай с лимоном на ужин.
Пусть потом барабанят дожди хладнокровно:
рыба, дескать, ищет, где глубже.

Пусть потом и душа, пережившая ересь,
станет чище и легче
в час, когда, по реке поднимаясь на нерест,
рыба ищет, где мельче.

«Галс» (от гол. *hals*): курс судна относительно ветра.

* * *

Как слушали столетия назад
кувшин, свечу, сверчка, часы с кукушкой,
как шум прибоя слушали в ракушках, —
я слушал снег, я слушал снегопад.
Я слушал снег — гуляние и крик
при массовом стечении народов,
листочками из толстых самолётов
рассыпанные рукописи книг.
Я слушал снег, который говорил
назойливыми белыми словами,
летающими в пространство куполами,
серебряными маршами перил.
Я слушал снег и домики на снос.
Я слушал птиц живых и замороженных.
Я слушал ветку железнодорожную
и старый маневровый паровоз.
Я слушал снег и Киевский вокзал,
где жизнь людей видна, как на ладони,
в обычном цвете, запахе, объёме.
Я слушал снег во все свои глаза.
Я слушал снег. Я слушал детский смех
и детский плач, и рёв больного зверя.
И мотылек стучал в стекло сквозь снег.
Я слушал и ушам своим не верил.
Танцующая бабочка в окне,
чьи коконы раскручивались в смерчи...

Я слушал снег в таком глубоком сне,
как до рожденья или после смерти.

Слепой дождь

Рыба зеркальная плещется в пойме,
серая мышь копошится в соломе,
птица лесная свистит над землёй.
Будто корабль в затуманенной бухте,
фосфоресцирует летняя кухня
глиной, известкой и тёплой золой.

Пахнет сухой и свежей рыбёшкой,
пылью, под каплями сбитой в лепёшки,
погребом, грядкой и шифером с крыш.
Вдруг безо всякой на это причины
разом сжимается небо в овчину,
цепко, как в полдень — летучая мышь.

Что за предчувствие реет над садом?
Капли спускаются мерным каскадом
прямо с веранды, листвы и ветвей —
то приглушённо, то резко и звонко,
то по стеклу или мокрой клеёнке,
то по раскрытой ладони моей.

Словно в руке не решётки монеток,
а узелочки от марионеток,
коими к памяти прикреплены
в дальних углах, на центральных базарах,
на всевозможных платформах, вокзалах
старцы, хромые, слепцы, горбуны...

Брызги почти затопили канавки,
линию жизни и след бородавки.
Но световодного воздуха шест,
обогащая округу озоном,
двинулся по хуторам под Херсоном,
напоминая прощания жест.

* * *

С утра вокзала здание
залипано дождём,
но в зале ожидания
состава мы не ждём.
Неистово целуемся,
лобзаемся взасос.
Какая же ты умница.
Какой же я барбос.
Какой восторг питательный
для вен и для аорт —
подогнанный, приталенный,
с иголки фокстрот.
Зажмуренными лицами
мы так друг к другу льнём,
что вздрагивает искрами
загубленный объём.
Но все скамейки заняты,
стоим в обнимку здесь
в лучах транзитной зависти,
хоть люстру перевесь.

* * *

Путь убивает идущего.
Времени вечно в обрез.
От показного до сущего
много случайных словес.

Может, всю жизнь из-за робости
и упований на срок
я упускаю подробности,
будто меж пальцев песок.

В память, где явь перекрещена
клейкими лентами снов,
смотрит растерянно женщина
красноречивее слов.

Так, отражая по-разному
улиц неоновый свет,
ищут собратьев по разуму
странники с дальних планет,

или, пугая свидетелей
цепкими иглами глаз,
ищут сироты родителей,
исподволь, в каждом из нас.

Взор поступательно движется
в тесном пространстве меж стен,
если потеря отыщется,
что предлагают взамен?..

Лидия Ивченко

Родилась в 1982 году, окончила Киевский университет по специальности «испанская филология», а позже – Харьковский университет радиотехники. Сейчас живёт в Киеве, работает техническим писателем.

Стихи публиковались в ряде периодических изданий, а в 2000-м году вышла книга стихов «Закатное окно».

* * *

Его еда подгорает – вся.
Его друзья уезжают – все.
И эти факты соотнеся,
ноябрь прибавив во всей красе –

в грязи взхлёб и в разводах луж, –
припомнив несколько крупных лаж,
он убеждается, что не дюж
тянуть сей гуж, несмотря на стаж.

Там дрянь за окном и ноябрьский сплин,
и выглядит дождь, как военный плен.
На юг улетел его женщин клин,
оставив тряпье и тоску взамен.

Хронос

Дохлый номер – сидеть, закаляя волю,
и буравить взглядом морские дали.
То ли ветер не тот, то ли месяц, то ли
год. Не ждали, что будет? И мы не ждали.

...

Вот возьмём копыта, что деток месят...
А ты думал, Улисс?.. Так легко быть папой?
Посмотри на жену, двадцать лет – не месяц.
Уже тянется старость костлявой лапой.

Трижды Трою проклясть – это нам не диво.
Только что теперь тем, кто лежит под Троей?

Яблок – много на свете, что есть красиво –
не мальчишке судить. И богинь – не трое,

и девиц, тем паче. Вот нитка, скажем...
Из таких наряды бывают алы,
смерть для братца и парус чернее сажу.
И цари просто так не сходят в скалы.

...

В подражании есть безусловный бонус.
Стих отглажен до нас, чем ровней, тем краше.
Под рукой размеренно дышит Хронос.
Или Кронос, тот ещё был папаша.

Ничего хорошего

Всё, что во мне замучено, мной утрачено, –
всё расцветает в тебе так легко, непрощено.
Мною изучено то, что для нас назначено,
и я могу сказать – ничего хорошего.

Всё, что плыло, пылало, лилось и плавилось,
станет трухой и пеплом, бессильным крошевом.
Ты позабудешь всё, что во мне так нравилось.
Впрочем, утешься. Там – ничего хорошего.

Пестуй же данное в дар, через край растущее.
Помни то, что разрушено и запорошено.
Нашим прошлым полакомится грядущее.
Обними меня и прощай.

И всего хорошего.

Верь своей боли...

*Верь своей боли...
У. Х. Оден*

Верь своей боли — боль не умеет лгать.
Верь своей боли — боль выбирает путь.
Она толкает вперёд, обращает вспять.
Она погружает в сон, не даёт уснуть.

Боль — это то, что тебе разрешает жить.
Боль — это то, что однажды тебя убьёт.
Боль тебя научила молчать и выть.
С ней ты зорче орла или слеп, как крот.

Бойся прервать эту связь, потерять контакт.
Боль — индикатор. Компас. Дорога. Дверь.
Боли едино чужды и стыд, и такт.
Значит, она не лжёт. Не умеет. Верь.

Ночь на Юконе

Небо умеет сворачиваться в овчинку.
Пьяный, тихонько сплю в тишине оврага.
Завтра отдам себя, словно часы, в починку.
Нынче на сердце кошки, и в бок — коряга.

Если бы только уметь — по чужим законам.
Жизнь эта, мать её так, нет бы, чтоб попроще.
Сзади потерянный рай, впереди Юконом
будущее раскинуло холода. Не ропщем.

Трудно роптать, когда пар изо рта кристаллом
падает в снег и навеки хоронит звуки.
И промывай сколько хочешь, копай устало —
золотом здесь не пахнет. Погреем руки —

не на делах нечистых, войне и смуте,
а на огне последнем, с последней спички.
Девочка, ты не бойся, в холодной жути
тоже свои снегири и свои синички.

Что ж, по чужим не вышло, свои напишем.
двигайся дальше, не бойся сбиваться с шага.
Мимо меня не пройди, заberi под крышу —
я тут замерзну вконец в тишине оврага.

* * *

Я сослан Тобой в глубину бесконечного лета,
В рассветы и тёплые руки,
и тщетность любых упований —
На дождь, на закат, на стихи, на щелчок пистолета.
Нелепо. Но даже разлуки мне
не дал печальной и ранней.

И лето утопит меня в переулках и зное,
Я так и останусь навечно в капкане незрячего ока,
Стоять, прикрываясь рукой, и шепча что-то злое
О нём, но оно — равнодушно
и вряд ли уж очень жестоко.

Сны об осени

Ворочаться молча, смотреть во сне,
кино про то, что не быть весне,
про то, что таких, как мы, дорогой,
не вынес никто другой.

Саперской лопаткой копать судьбу,
в который раз получать по лбу.
Набить бы лицо. Но не носит лица
То, Чему Нет Конца.

Зато умеет творить, дарить
за просто так золотую нить
осенних дней. И счастливых снов.
И жалких конечных слов.

Орфей и Эвридика

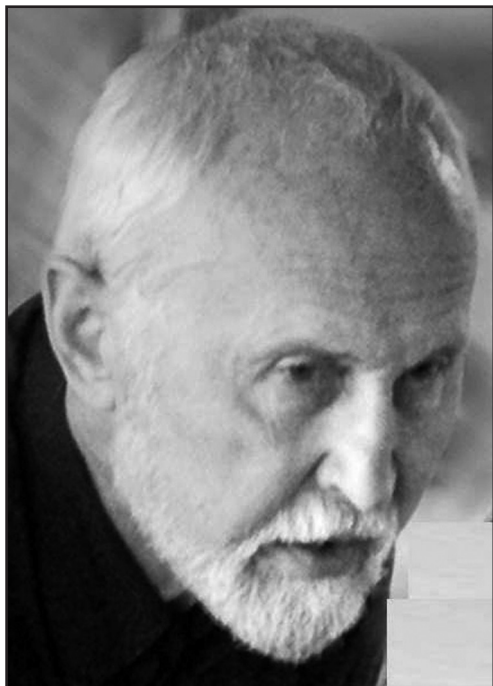
Её шаги до странного легки,
И ей совсем не нужен этот мир.
А он идёт, сжимая кулаки...
И треугольник неба — как сапфир.

Она уже отвыкла от него:
Идёт за ним — и в сторону глядит.
А он идёт, не видя ничего —
Лишь треугольник неба впереди.

Он жадно ловит каждый тихий звук,
Надеясь услышать дыханье, шаг.
Но нарушает тишину вокруг
Лишь кровь его, стучащая в ушах.

И ничего не слышит он. Пока,
Стараясь отражение найти,
Подходит он к реке (черна река!),
Она идёт немного позади.

Она идёт спокойно и легко
И смотрит в треугольное окно,
И знает, что идти недалеко —
Он обернётся скоро — всё равно...

Юрий Топунов

Родился в 1948г., живёт в Херсоне. Поэт, прозаик, бард, художник, один из основателей «ТОН Ключа» и его бессменный куратор. Режиссёр большинства постановок объединения, автор сборников прозы, поэзии, поэтических переводов с немецкого. Главный редактор книг, изданных «ТОН Ключом».

Белогвардеец

Его высокий лоб, тонкий нос с горбинкой, голубые глаза и светлые волнистые волосы, зачёсанные назад, невозможно было не заметить. А длинные тонкие пальцы, держащие на отлёте руки сигарету, выдавали музыканта, которым он, впрочем, так и не стал. Весь его облик говорил о породе. Впрочем, так оно и было на самом деле: внешность и стать он унаследовал от матери, происходившей из дворянского сословия и несшей на себе печать многовековой социально-генетической селекции. А вот всё остальное было передано ему по наследству отцом, крупным партийным бонзой областного масштаба, – высокомерие, склонность к алкоголю и пристрастие к женщинам легкого поведения, несмотря на то, что его внимание пыталось привлечь множество красивых девушек, порхавших вокруг, как мотыльки возле горячей лампы. Особенно он был красив, когда усаживался за рояль, стоящий в зале их большой квартиры, и тихим баритоном начинал петь белогвардейские романсы, которые знал в великом множестве, и мы, его друзья, с замиранием сердца, слушали эти необычайно проникновенные и, вместе с тем, очень по тому времени опасные песни. Никто даже не пытался подпевать, хотя многие слова мы знали наизусть: эти песни могли звучать только соло. А самого исполнителя мы за глаза называли Белогвардейцем.

Как-то вечером, после работы (а к тому времени мы все уже закончили учёбу и работали – кто инженером, кто архитектором, а кто учителем), сидели мы в тесной компании близких друзей, попивая вино, и слушали новый романс, который Белогвардеец недавно разучил и пел особенно проникновенно. Как поразительно звучали слова:

**Когда нам всем была тесна
Одна большая и любимая страна,
В лихие времена,
В тугие стремена
Бросала нас Гражданская война.**

**Наташа, Наташа –
тобой одной душа моя полна,
Белая акация, красная беда,
Об этом не забудешь никогда.**

Это было для нас нечто новое: как бы прорвавшиеся сквозь годы слова иной правды, иного взгляда на те события – отличные от вбиваемых в наши головы с детства. Вот замер

последний аккорд и в комнате повисла грустная тишина. Неожиданно Белогвардеец заговорил:

– Ну и денёк, однако, сегодня выдался... – он потёр ладонью высокий лоб. – Не знаю, сколько я ещё выдержу общение с этим контингентом...

Мы знали, что работает он учителем истории в одной из школ, расположенной на Военном – старом городском районе, где когда-то селились со своими семьями солдаты из крепостного гарнизона, уходящие в отставку. А в наше время там жили их потомки, народец бедовый, склонный к уголовщине. Ученики на вопрос, кем они будут после окончания школы, как правило, отвечали, что, прежде всего, сделают «ходку» в зону, а потом уже будут выбирать профессию, желательно, «хлебную». И было не удивительно: парня, не имевшего судимости, там ни в грош не ставили.

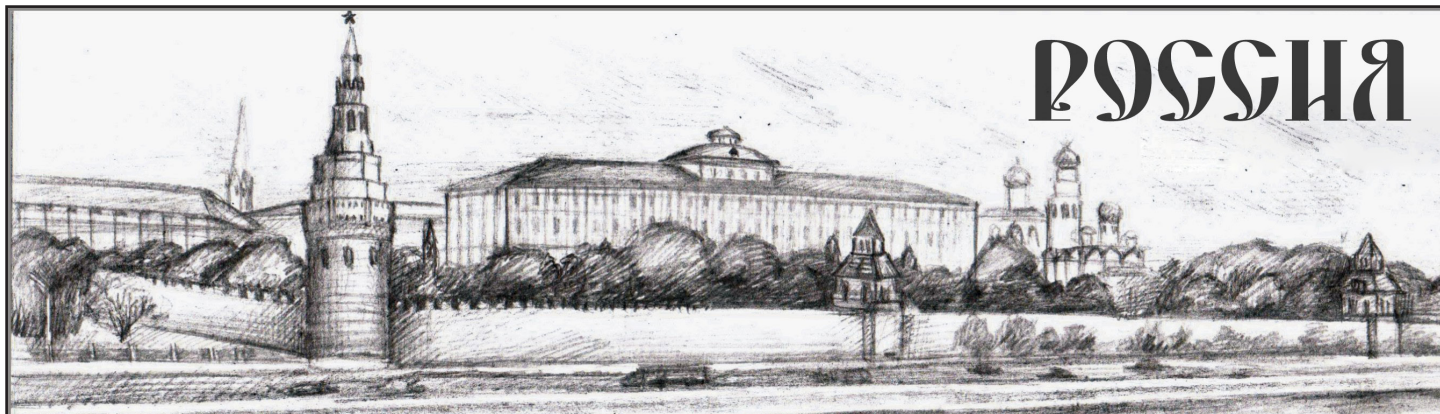
– И что же сегодня у вас там произошло? – мы уставились на него с интересом.

– Я уже и не знаю, плакать мне или смеяться, – Белогвардеец снова потёр лоб и начал рассказывать. – Урок проходил, как обычно, шумно и «весело» – кто-то кому-то что-то подложил на сиденье, за что тот съездил ему по роже, кто-то шумно приставал к девочкам и они похотливо взвизгивали, а на последней парте резались в «очки», по-моему, на деньги. Я же в этом бедламе пытался дать новый материал, а потом вызвал к доске не самого отъявленного босняка и предложил ему рассказать, как труд превратил обезьяну в человека. Ученик вышел к доске, почесал затылок, что, как всегда, вызвало в классе лёгкий смех, и начал что-то косноязычно мямлить. «Ну что ты тянешь кота за хвост, – говорю ему, – рассказывай своими словами!» Пацан обрадовано посмотрел на меня и спрашивает, так недоверчиво: «Можно своими словами?!» Я кивнул в ответ и он затараторил, как из пулемёта: «Значит так, хилает питекантроп по лесу. Навстречу ему зверюга бежит. Питекантроп по сторонам зырь-зырь, – видит: дубьё валяется. Он за дубьё хватит и зверюгу промеж глаз хлопобьёт! Зверюга с копыт! Вот так питекантроп стал человеком!» Самое интересное, что весь класс затих и внимательно слушал – это был с младенчества понятный им язык! Пришлось поставить «пять»

Наш утончённый друг покачал головой.

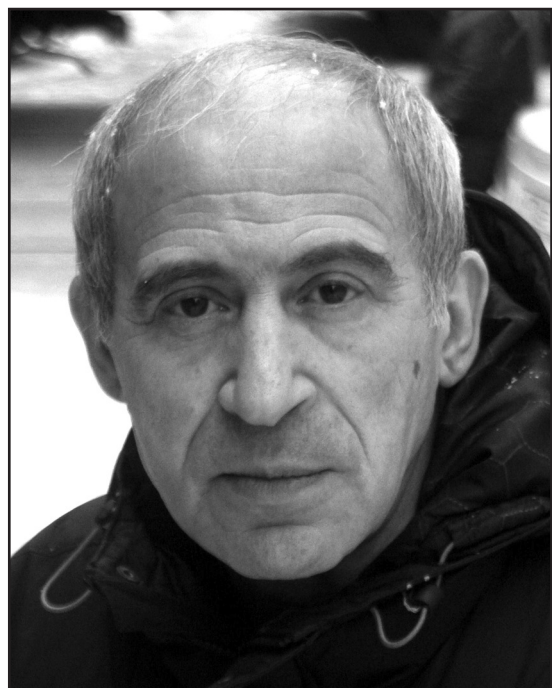
– Боже, Боже, не знаю, сколько я ещё выдержу...

Мы улыбались и сочувственно молчали. А что мы могли ему сказать?! Разве что: «Не гони мульку, всё будет путём!»

Ефим Бершин

Поэт, прозаик, публицист. Родился в Тирасполе в 1951 году. Живёт в Москве. Автор трёх книг стихов («Снег над Печорой», «Острова», «Осколок»), двух романов («Маски духа», «Ассистент клоуна») и документальной повести о войне в Приднестровье «Дикое поле». Произведения Бершина печатались в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Континент», «Стрелец», «Юность», антологии русской поэзии «Строфы века» и проч.; многие его стихи переведены на иностранные языки. Ефим Бершин работал в «Литературной газете», вёл поэтическую страницу в газете «Советский цирк», где впервые были опубликованы многие неофициальные поэты.

* * *

Мир уже не рифмуется. Бог
не рифмуется с небом бездонным.
Так в волнах заблудившийся бот
не рифмуется с портом и домом.

Над землей прокатившийся смерч
не рифмуется с солнцем весенним,
как сугробы — с каплейю,
как смерть
не рифмуется с воскресеньем.

Я уже не рифмуюсь с тобой,
как диван и вчерашние куклы.
Слышишь, вою фабричной трубой
из окна опостылевшей кухни?

Только бездна струится из дыр —
из дивана, из кресла, из пола.
Мир уже не рифмуется. Мир —
пустота опустевшего поля.

Я собою закрою дыру,
приликая к воскресному креслу.
И уже никогда не умру.
И уже никогда не воскресну.

* * *

Марине Кудимовой

Мы вышли за пределы языка,
дарованного ветру и морозу.
Что наша речь? — достоинство гудка,
несущего движенье паровозу.

Но снег идёт, не требуя резца,
не требуя ни слова, ни палитры.
И, как глаза с потухшего лица,
в своём спокойном, обнаженном ритме

слетают листья с выцветших берёз,
чуть шелестя на собственном наречье.
Ни Гете, ни Шагал, ни Берлиоз
не отразят обыкновенной встречи

листвы с землёй, предсмертный
поцелуй воды и снега,
ком в горящем горле,
и женщиной в задушенном углу
на грязный пол сползающее горе.

Не обозначить, не перевести
ни снега, ни дождя, ни листопада.
И путь судьбы в измученной горсти
не выписать, не высечь.
И не надо.

* * *

Виталию Дмитриеву

Внезапно разрывая тьму
прохожий освещает полночь.
“Бог в помощь”, — говорю ему.
Он откликается: “Бог в помощь”.

Пересекая грязный двор,
мы разбредаемся степенно
по городу,
где каждый — вор,
а нет — так станет непременно.

Где пьёт с дворнягами поэт,
где отрешенно каждый вечер,
войдя в квартиру, гасят свет,
а уходя — вздыхают свечи.

Где женщина меж двух витков
судьбы,
среди вселенской стужи,
на переломе двух веков
спокойно собирает ужин.

Бог в помощь, город у реки.
Бог в помощь, друг мой.
Жизнь прекрасна!
И я не протяну руки
тебе для помощи напрасной.

Ты знаешь, что не превозмочь
больную,
страшную свободу,
что Бог не в силах нам помочь —
мы сами помогаем Богу.

* * *

Это яблоко. Яблокопад.
Это якобы сумерки.
Якобы
это Ева идет через сад,
подбирая опавшие яблоки.

Это яблочный Спас. Это путь
тишины, выходящей из тени.
Контрабас,
контрабас,
контрапункт
приглушённого грехопадения.

Это вечера стёртый пятак
нагоняет ненужные страхи.
Это яблоки падают так,
будто головы падают с плахи.

И уже не дано надкусить
ни плода, ни случайной удачи.
Никого не дано искушать
в подмосковном Эдеме на даче.

И Господь меня не отлучит,
обрекая изгнанию и стуже,
не затем, что я праведно чист,
а затем, что я больше не нужен.

Я лежу, как пятно на холсте.
Я упал.
Я сегодня при деле.
Я прикован к своей наготе,
как любовник к постылой постели.

И небес дождевая вода
осторожно смывает усталость.
Подберите меня, господа, —
нас немного осталось.

* * *

Мне холодно в этом вертепе
среди недоверчивых лиц,
где женщины ваши и дети
с губами телят и ослиц

уже улыбаются жутко,
уже никого не спасут
и выведут без промежутка
на площадь, на чернь и на суд.

И медленно капая с ёлки
шары, словно с крыши — вода.
И звёзды — всего лишь осколки
большого вселенского льда.

И где-то, отбившись от стада,
замёрзли мои пастухи.
Тропой Гефсиманского сада,
слепой собиратель стихий,

бегу воскресенья и славы,
и небу, и людям чужой —
такой одинокий и слабый,
с такой непосильной душой.

* * *

Сомкнулась горловина века.
Застрял верблюд в ушке игольном.
Июль, как высохшая ветка,
шуршит в пространстве треугольном,

где тощий, словно биссектриса,
сбежавшая от геометрий,
прямой — от Глеба до Бориса
пересекаю поле смерти,

чтобы однажды на закате,
вдруг истончившись до пунктира,
скользнуть внезапно, как за катет,
за грань истерзанного мира,

где, распахнувши небо настезь,
ревёт безумная свобода,
и люди, словно от ненастья,
в церквях спасаются от Бога.

* * *

Инне

Россия.
Дождь.
Начало сентября.
Безденежье.
Москва несётся мимо.
На смерть уходят в небо тополя
горящим Храмом Иерусалима.

Пустыня.
Иудея.
Жжёт хамсин.
Пришествие мессии.
Смерть идеи.
Свержение мессии.
Стынет синь
российская
под небом Иудеи.

И — в ключья имена и времена.
Горят костры.
И брат идёт на брата.
Гуляет Иудейская война
по переулкам старого Арбата.

Рыдают окна в Гефсиманский сад.
Москва исходит нищими и псами.
И странники теснятся у оград,
взрезая мрак библейскими глазами.

От Боровицких до Шхемских ворот
все — от блудницы и до пилигрима —
взирают молча, как брусчатку рвёт
предсмертный хрип поверженного Рима,

как забулдыгу, вора и вруна,
уже почти лишённого рассудка,
сажает на кол странная страна,
а после воет, как дурная сука.

И забывает.
И теряет счёт
юродивым
успокоенья ради.
Так забывает,
как слезу со щек,
стирая,
забывают об утрате.

И я забуду
и московский смог,
и жаркие объятия хамсина.
Ни Родины, ни Храма — только Бог!
И женщина, рожающая сына.

И женщина,
как ангел во крови,
бредущая к презрению и плети
затем, чтоб ветхим рубищем любви
соединить дыхание столетий.

По русским,
по заблёванным снегам
иду один на Масличную гору.
О, Боже, как тепло моим ногам!
Как холодно расплавленному горлу!

Как дружно иудей и славянин,
погромщики, погрязшие в пороке,
властитель дум
и тот, кто был гоним,
и тот, кто сам готовится в пророки,

и праведник на медленном осле,
и стражник из садов архиерея
уже сошлись в едином ремесле,
готовя крест заблудшему еврею.

* * *

Памяти мамы

Собака лает.
Ветер носит.
Луна бежит на поводке.
Внезапно выпадает осень,
гадая ливнем по руке.

И клён, лишившийся убора,
метлой гоняет лунный челн.
И жизнь, калиткой без забора,
скрипит неведомо зачем.

А что нам надо было в мире?
Заполнить пустоту листа?
Я тоже в придорожном тире
когда-то мазал сто из ста.

И, слава Богу, — шиш в кармане,
вода в ладони да тоска
внезапная, как мысль о маме,
уснувшей посреди песка

в чужой измученной пустыне,
где царствует верблюжий зной,
и память о заблудшем сыне
едва влачится за страной,

где нет ни осени, ни снега,
ни ливня, чтоб ночами лил.
Одно расплавленное небо
лежит на выступях могил.

Две жизни в их пути недлинном
пытаюсь нанизать на нить.
Но это небо с этим ливнем
мне не дано соединить.

* * *

Песком пустыни давится хамсин.
Клубится небо, душное, как астма.
Приходит в город человеческий сын
ярмом любви, предтечей христианства.

Пока пространства выгоревший шёлк,
как поцелуй, несёт к нему Иуда,
толпа кричит: «Смотрите, кто пришёл!»
А надо бы — куда пришел? откуда?

зачем? Когда закат уже кровит,
когда вся суть идеи, суть исканий
в том, как в бездомных жриц его любви
летели человеческие камни.

Игорь Царёв

Родился на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Образование (высшее техническое) получил в городе Ленинграде. Несколько лет проработал на космос – инженером-конструктором в одном из московских «ящиков». Сменил профессию...

Сейчас – журналист, член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей РФ.

Дачное

Вот и Брыковы горы, и лета макушка,
И суббота идёт заведённым порядком:
В холодильнике «Орск» созревает чекушка,
Набирается солнца закуска по грядкам...
И цикады выводят своё пиццикато,
И погода – куда там в ином Намангане! –
И, бока подставляя под кетчуп заката,
Ароматом исходит шашлык на мангале...
Старый кот на плече, верный пёс у колена,
Я – беспечный герой золотой середины,
И смотрю свысока, как по краю вселенной
С одуванчиков ветер сдувает седины.

Снежное

Мы и ухари, мы и печальники,
Разнолики в гульбе и борьбе.
Как тряпичные куклы на чайнике,
Каждый – столоначальник себе.
Всякий раз по державной распутице
Выходя свою самость пасти,
Ждём, что ангелы всё-таки спустятся
От ненастных напастей спасти.

Ни фен-шуй, ни шаманские фенечки
Не защита от ночи лихой.
Осень лузгает души, как семечки,
И нахально сорит шелухой.
Обретаясь у края безбрежного,
Сам себе я успел надоесть:
Ты прости меня, Господи, грешного,
Если знаешь, вообще, что я есть!

Безответный вопрос закавыкою
Око выколет из темноты:
Если всякому Якову «выкаю»,
Почему со Всевышним «на ты»?
Сверху падают снега горошины,
Снисходительно быют по плечу,
И стою я во тьме огорошенный,
И фонариком в небо свечу.

Накануне

Июнь сегодня вверх тормашками
И по особому чудит:
То желтоглазыми ромашками
Под юбки девичьи глядит,
То ластится, как будто дразнится,
Щеки касается щекой...
Ему, зелёному, без разницы –
И день какой, и год какой.
Короткий дождь мешая с глиною,
Линует воздух голубой,
Гоняет пару журавлиную
Над восклицательной трубой
И пьёт из теплых луж, не брезгуя,
Закат на тысячу персон...
А в небе тени ходят резкие,
И рыжие дворняги брестские
Последний мирный видят сон.

Колыма

...И не птица, а любит парить по утрам,
Поддаваясь для вида крамольным ветрам,
С горьким именем, въевшимся крепче клейма,
Через годы и судьбы течёт Колыма.
И служивый хозяин тугих портупей,
И упрямый репей из Ногайских степей
Навсегда принимали её непокой,
Рассыпаясь по берегу костной мукой.
Но сегодня чужая беда ни при чём,
Я приехал сюда со своим палачом,
Ощутить неподъёмную тяжесть сумы
Под надёжным конвоем самой Колымы,
И вдохнуть леденящий колымский парок,
И по капле безумный её говорок
Принимать, как настойку на ста языках
Из последних молитв и проклятий зека...
В этом яростном космосе языковом
Страшно даже подумать: «А я за кого?»
Можно только смотреть, как течёт Колыма
И, трезвея, сходить вместе с нею с ума.

Владимир Севриновский

Родился в Москве в 1975г. Кандидат экономических наук, финансист и путешественник, посетивший около 60 стран. Соавтор романа «Отсчёт пошёл», автор рассказов и научных статей. Перевёл на русский язык документальный роман Дж. Кракауэра «Навстречу дикой природе», а также стихи ряда англоязычных поэтов.

Белый рыцарь

Белый рыцарь – инвестор, который делает предложение о поглощении компании, уже являющейся объектом попытки несогласованного поглощения. Банковский энциклопедический словарь

Профессор разгладил окладистую седую бороду и взмошел на кафедру. Уже много лет он не листал перед занятием конспекты – феноменальная память давно создала ему репутацию всеведущего и всезнающего преподавателя. Он любил выступать перед студентами, его глаз радовали их стройные ряды, напоминающие клавиши органа, на котором опытный музыкант может сыграть любую мелодию – от собачьего вальса до величественной фуги Баха.

– Итак, сегодня у нас заключительная лекция по финансовой истории. Хотя это и факультативная тема, занятия вы посещали хорошо. И это радует, ведь именно финансовая история сделала наш мир таким, каков он есть. Впрочем, это вам наверняка говорят преподаватели всех наук, без исключения.

По залу пронесся легкий смехок.

– Теперь вы знаете немало, и мы можем перейти к самой интересной и захватывающей теме этого семестра.

На словах «интересной и захватывающей» двое студентов зевнули. Профессор сделал эффектную паузу и спросил:

– Что такое индульгенция?

В зале послышались приглушенный стук и шелест – боязливые студенты лихорадочно листали учебники, а с задних рядов до передних, как морской прибой, прокатился шепот, наперебой повторяющий имя любимой ученицы профессора.

– Нет, Приму я спрашивать не буду, – решительно ответил он к великому разочарованию девушки, старательно тянувшей вверх руку на первом ряду. – И Третий пока подождет, у него уже достаточно оценок за устные выступления. А спрошу-ка я... (снова эффектная пауза) Септима.

– Ну вот, опять я, – уныло пробурчал Септим, неуклюже поднимаясь. Он старательно почесал в затылке, словно рассчитывая втереть в свою голову хоть немного знаний, и пробубнил:

– Индульгенция – это... это... такой особый документ.

Профессор ласково кивнул. Септим сверлил взглядом невидимую точку над окном и, казалось, по капле выцеживал оттуда слова:

– На нем присутствуют цена первоначальной покупки, печать – к примеру, римско-католической церкви, дата выдачи и, наверное, срок действия.

– Неплохо, – приветливо кивнул профессор. – Ты абсолютно верно перечислил несколько атрибутов индульгенции:

номинал, организацию-эмитента и так далее. Но ими обладает множество иных ценных бумаг. В чем же ее уникальность?

Увы, студент продолжал молчать, пристыженно шмыгая носом.

– Что ж, Септим, садись! – смилостивился профессор. – Будем надеяться, к экзамену ты подготовишься лучше. Прима, не могла бы ты дополнить ответ своего товарища?

По аудитории пронесся облегченный вздох. Мгновенно, словно чертик из коробки, вскочила щуплая девушка с острым носиком. Даже не успев выпрямиться, она бойко затараторила:

– Индульгенцией называли документ о полном или частичном прощении грехов, выдаваемый церковью заинтересованным лицам. Широкое распространение они получили с 12 века и приносили существенный доход вплоть до Реформации, положившей конец первому этапу развития индульгенций, иначе именуемому средневековым или дованбурмановским.

– Спасибо, Прима, садись, – профессор добродушно усмехнулся в бороду.

– Да, на прошлых лекциях мы подробно разобрали торговлю индульгенциями в средневековой Европе, попутно обсудив причины ее преждевременного краха: низкую организованность рынка и монополизм. Только через многие сотни лет человечество созрело для второй попытки. Вопреки расхожему мнению, раздача индульгенций не прерывалась никогда. Менялись лишь ее масштабы. К концу XX века они выпускались ограниченным тиражом под надзором самого папы. Однако затем, в условиях нехватки средств и растущей конкуренции со стороны иных конфессий, римско-католическая церковь расширила продажу индульгенций, что повлекло незначительное, но стабильное понижение цены, постепенно делавшее их более доступными. Именно к этому времени относится событие, с которого ведет отсчет новой истории индульгенций большинство современных ученых. Однажды некий Джордж ван Бурман, известный биржевой воротила, обратился к личному врачу с жалобой на сонливость и легкое расстройство потенции. Приговор медицины был суров и неотвратим: рак в неоперабельной стадии. Джордж, еще недавно чувствовавший себя хозяином жизни, заметался в растерянности. Он проводил часы голышом у зеркала, тщательно разглядывая место, где гнездилась злобешая болезнь. Потом ударился в безудержный загул. Но женщины и вина не радовали отчаявшегося бизнесмена. Сумасшедшие кутежи сменялись припадками не менее безумной религиозности, которой испугались бы даже его набожные предки-католики. Во время одного из таких приступов он съездил в Рим и купил самую дорогую ватиканскую индульгенцию.

По иронии судьбы, уже на следующий день ван Бурман позвонил доктор. Он долго извинялся за ошибочный диагноз и, в конце концов, объяснил, что принял за раковую опухоль отпечаток на снимке, оставшийся от забежавшего в аппарат таракана. К счастью, ошибка своевременно открылась, уборщик рентгеновского кабинета уволен, а таракан скрылся в неизвестном направлении. Растерянный ван Бурман остался со свежкупленным свитком, который мог ему понадобиться лишь через несколько десятков лет. Любкой другой на его месте, несомненно, забросил бы злосчастную бумажку на чердак и жил припеваючи, но недаром хватки Джорджа боялись многие акулы Уолл-стрита. Не такой он был человек, чтобы его деньги лежали мертвым грузом, совершенно не принося прибыли. Проанализировав график изменения цены индульгенций за последние годы, ван Бурман понял, что дело это достаточно убыточное, и если он сейчас продаст свою индульгенцию, а затем, когда придет срок, купит ее снова, то сможет сэкономить до тридцати процентов. Джордж тут же кинулся к телефону и вызвал Ватикан. Услышав требование выкупить обратно только что проданную индульгенцию, поднявший трубку прелат сперва изумился, а затем пришел в ярость, едва ли подобающую его смиренному сану. Тщетно ван Бурман апеллировал к его христианскому милосердию и к закону о защите прав потребителя. Церковник был непреклонен. Сгоряча Джордж чуть было не побежал к своему адвокату, но тут в его голову пришла идея получше...

Первое в мире выставление индульгенции на открытые торги произвело сенсацию. Стоит ли говорить, что ван Бурман выручил за нее даже больше, чем заплатил! Его успех открыл глаза и другим финансистам, справедливо углядевшим высокую перспективность торговли индульгенциями. Поначалу церковь пыталась воспрепятствовать прогрессу, но вскоре оценила его радужные перспективы. Рядом с собором святого Петра был возведен знаменитый Ватиканский депозитарий, в полностью автоматизированных хранилищах которого покоились десятки тысяч индульгенций. Конечно, при создании системы не обошлось без сбоев — вспомним хотя бы знаменитый скандал с протестом инвесторов против выпуска индульгенций с номерами, содержащими три шестерки. Но в целом все прошло достаточно гладко, и торговля неуклонно набирала обороты, на радость благочестивым прихожанам и заботливым епископам, спешно осваивающим новую сферу богоугодной деятельности. Время от времени в атеистической прессе раздувались скандалы о якобы произошедшей монополизации рынка, но дальнейшие события показали беспочвенность этих обвинений: вскоре на торгах появились ценные бумаги прочих христианских церквей, а немного позже в борьбу вступили представители иудаизма и ислама. Желавшие сменить вероисповедание могли просто обменять индульгенцию одного вида на другой по текущему курсу. Разнообразие индульгенций значительно оживило рынок, чему не могли помешать ни финансовые пирамиды, ни аферы мелких сект и лжепророков, которые регулярно приводили к разорению многих неопытных инвесторов после того, как даже самые ярые фанатики убеждались в поддельности очередного кандидата в мессии. Не менее печальная участь постигла ценные бумаги отдельных стран Африки и Азии, чьи эмитенты так долго добивались своей исключительной богоизбранности, что их индульгенции оказались совершенно неконвертируемыми.

Сбылась вековая мечта социологов и религиозных деятелей. Теперь для того, чтобы узнать все тенденции в извечной борьбе мировых религий за души прихожан, было достаточно бросить взгляд на экран Reuters Metaphysics. Малейшая ересь, мельчайший дипломатический промах церковного деятеля моментально отражались изменениями графиков, вызывавшими слезы одних и радостные крики других наблюдателей. Вспомним хотя бы знаменитую историю про затянувшуюся беседу папы римского с молодой монашкой и ее последующее интервью журналу "Плейбой".

Это было воистину блаженное время. Индульгенции прочно захватили внимание инвесторов всего мира. Даже в мировые кризисы спрос на них только возрастал. Все церкви мира, в которых существовало понятие рая, процветали. Особенно радовались американские баптисты. Уже никто не мог без смеха вспомнить ту давнюю пору, когда большинство

американцев знало Новый Завет только по комиксам и дайджестам толщиной с палец ребенка, а о Ветхом Завете и слыхом не слыхивало. Теперь, когда даже домохозяйки в свободное от мыльных опер время играли на рынке индульгенций, любой выпускник колледжа мог свободно цитировать "Исповедь" блаженного Августина на языке оригинала, при этом неплохо разбираясь в сурах Корана и толкованиях Талмуда. Даже в те хасских пивнушках не прекращались яростные диспуты о перспективах развития той или иной религии в ближайшую пару месяцев. Эта мания захватила буквально все общество, не исключая и литераторов. Один за другим появлялись бизнес-романы из жизни священников и бесчисленные апокрифы.

Профессор перевел дух и оглядел аудиторию. Студенты молчали, сосредоточенно уткнувшись в конспекты. "Одно из двух: или они старательно ловят каждое слово, или уже заснули", — подумал он. Профессор преподавал далеко не первый год и прекрасно знал, что хорошо натренированный студент может делать вид, что пишет конспект, и даже кивать в подходящих местах, не просыпаясь и видя сладкие сны. В любом случае, разумней всего было продолжать в том же темпе — и спящих не разбудишь, и конспектирующих не собьешь.

— Именно к этой поре наивысшего подъема рынка индульгенций относится начало головокружительной карьеры Корнелия Брука.

Студенты встрепенулись — имя явно знали.

— Корнелий Брук родился в начале двадцатого века в семье обеспеченных буржуа и получил стандартное для этого класса образование: Гарвардская школа бизнеса и Астрологический факультет Сорбонны. Еще студентом Брук сформулировал свой основной принцип: "Миллиарды людей регулярно тратятся на милостыню и церковные пожертвования, чтобы попасть в царствие небесное. Разница между этими платежами и единовременным крупным взносом для покупки индульгенции не больше, чем между приобретением автомобиля в кредит или за наличные". Это высказывание, несомненно, несет на себе отпечаток детских впечатлений Брука, чей отец каждый месяц методично жертвовал церкви ровно два с половиной процента своего дохода, причем в случае особых деловых успехов священники могли рассчитывать на бонусные полпроцента.

Не успев получить диплом, Брук учредил акционерное общество "Благодать" — первый в мире пенсионный фонд, обеспечивавший клиентам не только пособие по старости, но и гарантированное место в раю. "Мы будем заботиться о вас вечно!" — гордо гласил его рекламный лозунг. Оригинальность идеи в сочетании с неукротимой энергией Корнелия, показавшего себя выдающимся дипломатом и гениальным биржевым игроком, привели к тому, что тридцатипятилетний Брук оказался во главе огромной финансовой империи, охватившей своим влиянием почти весь земной шар.

Однако третий, заключительный этап развития торговли индульгенциями протекал вовсе не так гладко, как предполагало большинство специалистов. Волна энтузиазма схлынула, и оказалось, что далеко не все используют индульгенции для богоугодных целей. Многие биржевики зачастую играли на понижении курса индульгенций, осуществляя их продажу без покрытия. Очевидно, что если приобретение индульгенции гарантировало место в раю, подобная продажа, напротив, по всем христианским канонам означала предание души дьяволу. Учитывая частое падение курсов индульгенций, медвежья игра была весьма выгодной, а потому количество сатанистов неуклонно росло. Постепенно были сформированы целые корпорации, служители которых поклонялись Сатане в образе медведя (стоит ли говорить, что быка — символа игры на повышение — они отождествляли с папскими буллами!). Сатанисты подрывали устойчивость рынка индульгенций, угрожая вызвать мировой кризис немыслимых масштабов. Это весьма обеспокоило быков и прежде всего, разумеется, Корнелия Брука, для которого стабильность была залогом процветания его империи пенсионных фондов. Брук, ставший к тому времени одним из самых богатых людей на Земле, хладнокровно выжидал, готовя силы для решающей схватки.

Атака объединенных сил медведей-сатанистов началась в промозглый августовский день, когда небо над Северной Америкой было затянуто черными тучами. Казалось, сама природа готовилась к чему-то ужасному. Сипло завывал ветер, и жест-

кие, как веревки, струи дождя содрогались от уробного роко-то грома. Должно быть, на всей Земле не осталось ни одного барометра, стрелка которого не клонилась бы упорно в сторону бури. Реки вздувались и выходили из берегов. В пустынях самумы расшвыривали караваны бедуинов, как горстки песчинок. Люди запирались в домах и прятали головы под подушки, чтобы не видеть вспышки молний, похожие на тянущиеся с небес на землю костлявые руки скелетов. Именно в этот день индекс Dow Jones Religious Average, пару раз неуверенно дрогнув, начал неуклонно падать вниз.

Более месяца длилась упорная борьба. Невиданный кризис охватил всю религиозную индустрию. Большинство церквей, переживших десятилетие фантастического процветания, вынуждены были увольнять сотрудников, так что города наводнили толпы безработных священнослужителей. Людьюми овладело отчаяние, поговаривали о грядущем конце света. На сотрясаемую кризисом планету то и дело обрушивались жуткие стихийные бедствия. Многие полагали, что кошунственные действия сатанинских биржевиков нарушили хрупкое равновесие добра и зла, и Князь Тьмы теперь может взять реванш у Бога. При этом жажда легкой наживы способствовала стремительному росту числа adeptов Люцифера.

Казалось, всякая надежда потеряна, но Корнелий Брук и его союзники продолжали борьбу, заручившись безоговорочной поддержкой большинства церквей мира. И, наконец, свершилось чудо: последним мощным выбросом на рынок остатка своих капиталов Бруку удалось осуществить блестящую комбинацию, вошедшую во все современные учебники биржевого дела, и переломить тенденцию. Фондовые индексы резко пошли вверх, разоряя приспешников зла и сказочно обогащая Корнелия, который стал обладателем невиданного доселе портфеля индულгенций. Но в миг желанной и столь трудно доставшейся победы судьба приготовила ему последний сюрприз: череда катаклизмов последнего месяца внезапно завершилась ужасным землетрясением. Небоскреб, в котором располагалась штаб-квартира корпорации “Благодать”, рухнул как подрубленное дерево, погребя под своими обломками великого Корнелия Брука и множество его лучших сотрудников.

Профессор вытер платком вспотевший лоб. В аудитории царил мертвая тишина. Даже неповоротливый Сикст перестал выпараживать на парте очередной стихотворный опус и стыдливо спрятал ножик в карман. Наконец, паузу прервал звонок, возвестивший о конце занятия. Аудитория мигом опустела, но профессор остался стоять у кафедры, погруженный в глубокую задумчивость. Он знал, что на грядущем семинаре студенты обязательно будут выспрашивать подробности последнего дня земной жизни Корнелия Брука и его захватывающей борьбы. Конечно, ему есть, что рассказать, и они будут вполне удовлетворены его ответом, но истинную правду он открывает далеко не всем. И не сейчас, а через долгие годы...

В тот день кровавая битва, сотрясавшая небо уже тридцать три дня, подходила к концу. Силы рая, традиционно полагавшиеся на превосходство в авиации, схлестнулись с ордами преисподней, в которых преобладали пехота и тяжелая бронетехника. К вечеру обе армии почти истребили друг друга. Пахло горелой серой, вокруг сражающихся душ клубились ангельские перья и пух, будто внизу кипел детский бой подушками. Наконец, посреди побоища завязалась решающая схватка между святым Георгием и Сатаной. Меч святого то и дело высекал о колдовскую броню снопы искр, а огромные крылья Врага рода человеческого застилали свет. Каждый удар сопровождался синхронным вздохом уцелевших, а кое-кто из погибших душ начал втихую принимать ставки на победителя. Наконец, святой Георгий собрал последние силы, размахнулся и обрушил меч на врага. Лезвие ослепительно сверкнуло на солнце, расколо правое крыло Сатаны, взвизгнуло по броне и... сломалось. “Все пропало!” – в ужасе завопил апостол Петр, пугая окрестных ангелочков, и тщетно попытался проглотить ключи от рая. Сатана расхохотался и занес черную длань...

И тут все сражавшиеся неожиданно почувствовали порыв свежего ветра. На лице повелителя ада отразилось недоумение, а затем его перекосила гримаса злобного отчаяния – он понял, что проиграл. Облака расступились, и все увидели огромное скопище душ, летевших наподобие журавлиного клина. Биржевые спекулянты, покончив с трудами земными, на небесных

белых конях возносились в рай. Впереди торжественно гарцевал Корнелий Брук, облаченный в белоснежный костюм, к которому был приколот значок с эмблемой его фирмы: бриллиантовым распятием, окруженным надписью “Царь царей и господь господствующих”. В руках он сжимал неизменный чемоданчик из крокодиловой кожи.

Получив столь мощное подкрепление, небесное воинство воспрянуло духом, а поредевшие легионы грешных душ обрелись в бегство.

– Господин Люцифер! – громовым раскатом прогремел голос Корнелия. – Ваша карта бита!

Он ловко подскакал к Врагу рода человеческого, поглаживая пальцами замки портфеля, как когда-то его предки-ковбои – кобуру верного кольта. На губах Брука играла легкая усмешка:

– Вы только взгляните на свою армию – никакой организации, никакой заботы о кадрах! Жуткая антисанитария, низкая квалификация персонала, отвратительные условия проживания... Я уж не говорю про варварскую растрату энергоресурсов. Вечно кипящие непонятно зачем котлы со смолой, морозильные установки – кому это надо? А менеджеры? Страшно смотреть! Козлиные ноги, рога и хвосты – с этим еще можно примириться. В конце концов, у нас свободное общество, чуждое расовых предрассудков. Но зачем позволять им вечную небритость, грязь и хамский стиль обращения с подчиненными? Это же абсурдно с управленческой точки зрения!

“Говорит – как мечом режет!” – зашептали праведники, благоговейно внимавшие своему спасителю. Корнелий тем временем продолжал:

– Изношенное оборудование, раздутые фонды, бездарная система менеджмента... И со всем этим вы пытались осуществить враждебное поглощение нашей фирмы? Не выйдет! Валите-ка лучше обратно, в свое огненное болото!

Пристыженный Сатана поспешил убраться в адское пламя под улюлюканье и дружный смех небесного воинства. Особенно ликовала бессмертная душа Джорджа ван Бурмана, который все же успел повторно приобрести индulgенцию и теперь убедился в правильности своего поступка.

Пока праведники хором славил белог рыцаря, чье появление было предсказано в Откровении Иоанна Богослова и во многих книгах по управлению акционерными обществами, виновник торжества уединился с Богом-отцом для серьезного разговора. Держался он с обезоруживающей доброжелательностью, говорил скромно и почтительно. Предъявив своему собеседнику хранившиеся в портфеле сертификаты, Корнелий Брук объяснил, что незадолго до гибели ему и его сторонникам удалось скупить достаточно индulgенций, чтобы обеспечить большинство голосов обитателей рая. Получив, таким образом, контрольный пакет, он, Корнелий Брук, должен был занять кресло Президента фирмы.

Реформы нового райского босса были тщательно продуманны и отличались умеренностью. Так, святой Петр получил щедрое вознаграждение за две тысячи лет исправной службы и ушел на покой. Отныне управление вратами рая осуществлялось из контрольного центра, оснащенного видеокамерами и прочим современным оборудованием. Святой Георгий, дева Мария и наиболее заслуженные праведники сохранили высокое положение, а Богу-отцу великодушный Корнелий Брук предложил должность почетного президента компании. Однако старый бог отказался. Он вежливо ответил Корнелию, что тысячи лет его основным и любимым занятием было обучение людей, а потому после отставки он намерен избрать для себя именно эту профессию.

Они проговорили еще с полчаса, затем Корнелий извинился и ушел на совещание. Следом покинул небесную канцелярию и Бог-отец. Его тоже ждали важные дела.

Трель институтского звонка возвестила об окончании перерыва. Профессор очнулся от воспоминаний, и на его изборожденном морщинами лице засияла улыбка. Он подумал, что все не так уж плохо. Его студенты растут и набираются опыта. Большинство из них любит своего преподавателя, который, несмотря на преклонный возраст, идет в ногу со временем, осваивая современные компьютеры и технологии биржевой торговли. Когда они наберутся сил, он откроет им свою тайну, и после долгих лет ожидания настанет время взять реванш у Корнелия Брука.

Алексей Остудин

Родился в Казани, в 1962 году. Учился в Казанском государственном университете, на Высших литературных курсах при Литературном институте. Публиковался в журналах «Смена», «Студенческий меридиан», «Новый мир», «Октябрь» и многих других периодических изданиях. Выпустил шесть книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы и Казани («Весеннее счастье», «Шалаш в раю», «Улица Грина», «Бой с тенью», «Рецепт невесомости» и «Проза жизни»). Трижды лауреат Волошинского конкурса; за книгу «Проза жизни» в 2007 году награждён премией им. М. Горького.

Живёт и работает в Казани.

Долгие проводы

Не говори, что время позднее,
вот верный признак потепленья —
снег, свежавывающий из поезда,
мои разбитые колени.

К чему влюблённым мудрость ворона?
Важней ушные перепонки.
Тебе за пазуху даровано
спокойствие души ребёнка:

там сохнет лук в чулке за печкой.
дверь открывается со скрипом,
печалится, что зябнут плечи,
сверчок, владеющий санскритом.

А твой герой не вяжет лыка
в разгар свечи и ночи жалок...
В углу шотландская волюнка
стоит снопом из лыжных палок.

Он из фольги приклеил фикса,
обиженную скорчил рожу.....
Что из того, что счастье близко,
когда сейчас — мороз по коже!

Вопль

Снова номер неправильно набран.
Цифровыми измученный гостями,
я соврался, веду себя нагло —
сочини меня заново, Господи!

Понимаю, не Гайдн или Мендель
что-то вроде на уровне Листа бы...
Ты не слышишь меня или медлишь —
или вновь быть боишься освиственным?!

Последний блин

Всё кажется твоя рука мне
сигналист с катера платком...
Вода изранена о камни
и притворяется глотком.
А мне чего-то очень жалко,
как заболевшего щенка...
Бежит, подпрыгивая, галка
со спичками от коробка.
Покрышкой на цепи отмечен,
причал — терпению цена!
А вот и мать домой, под вечер,
ведёт за ухо пацана.
Бросаю камушек по глади —
его проглатывает рябь.
Как это выразить в тетради,
выстраивая буквы в ряд?
Воздушным поцелуем с пальцев
и я надежду упустил...
Куда же — за мои шестнадцать —
горячий «блинчик» укатил?

Дорога

Опять к тебе с обочины опасной
раба любви с надеждой руки тянет...
Из-за спины её разметка трассы
короткими строчит очередями.
Хоть грешников рассадит по ранжиру
мир хаоса, что всё-таки Евклидов —
не отыскать местов для пассажиров,
которые с детьми и инвалидов.
Упрёшься в пень, но выйдешь за кавычки
копны люцерны, пущенной на силос,
и некому нарочно чиркнуть спичкой,
чтоб осознать, какая тьма сгустилась...

Борис Вольфсон

Поэт, член Союза российских писателей, лауреат премии журнала «Ковчег». Родился и живет в Ростове-на-Дону. Работал в университете. Двадцать лет преподает математику в школе. Опубликовал три учебника и более ста научных работ. Автор сборников стихов и миниатюр в прозе. Регулярно печатается в периодике.

Дискретная жизнь

Мы живем, увы, частично,
фрагментарно и кусочно,
расчленённо, мозаично,
до обидного непрочно.

Не вкушаем плод запретный,
тайный план Творца нарушив.
Одинокие, дискретно
существуют наши души.

Символ нашего режима,
как в питании, раздельность.
До конца недостижимы,
в равной мере, цель и цельность.

Гложет внутренняя склока:
сердце с разумом в разладе.
Зуб неймёт, но видит око
и мечтает о награде.

Что ж, мечтать совсем не вредно
о сближеньи и слияньи,
продолжая жить дискретно,
как всегда — на расстояньи.

Как всегда, как все, типично,
по науке и по вере,
то есть дробно, мозаично,
далеко не в полной мере.

Но пока жива надежда,
в ней мы ищем утешенье,
как стрела, повиснув между
тетивой и мишенью...

Ковчег

В нашем городе зима — гниль:
морок сумерек, сердец мрак.
А с востока всё несёт пыль
и отбрасывает снег в брак.

В нашем городе весна — жуть.
Сводка метео всегда врёт.
И туманится вещей суть.
И под слякотью скользит лёд.

Ну а летом топит Бог печь.
Летом нас бросает в жар, зной.
Так что лучше просто в дрейф лечь,
как когда-то поступил Ной,

чтоб Ковчегом к ноябрю плыть
за редеющей листвы край
и понять: пора смирить прыть, —
вряд ли светит нам иной рай.

И хотя сырой рассвет мглист,
и дождями горизонт стёрт,
просигналит нам резной лист,
что достигнут Арарат, порт.

Из сомнений и надежд груд
в наших душах он весь год рос.
Зацепиться б, но обрыв крут
и не выдержит стальной трос.

Значит, снова нам глотать взвесь
серых сумерек — седых вех,
всё же зная: Арарат здесь —
колет ребра изнутри вверх.

Мария

Когда родился на свет мой малыш,
я была тиха и горда.
И в мире стояла такая же тишь,
а в небе горела звезда.

Мой муж, пуповину обрезав ножом,
ребенка запеленал
и смотрел, не меньше, чем я, поражён,
как он беззащитен и мал.

А я, прижимая младенца к груди
и глядя на свет звезды,
хотела постичь, что нас ждет впереди
и его защитить от беды.

Сгущалась мгла, за стеной мело,
остывала в печи зола.
Я ему отдавала своё тепло.
А что я еще могла?

Дом с трубой

Словно дом пустой, я давно б зачах
оттого, что стоял пустым.
Паутиной зарос бы пустой очаг.
Но труба, из которой дым

не стелился и не стоял столбом,
не ловил гостей, будто сеть,
научилась при ветерке любом
напевать, гудеть и свистеть.

Я плохой певец, никакой поэт.
Мне ль гордиться самим собой?
Если ветра нет, то и песен нет.
Что возьмёшь с меня? — Дом с трубой.

Вот когда бы друг мой ко мне зашёл,
я б попробовал сам запеть.
Я б разжёл очаг, вскипятит котел,
приготовил вино и снедь.

А когда б подруга... О боже мой,
засвистал бы я соловьём
и сказал ей: «Ты просто пришла домой,
где с тобою мы заживём.

Видишь, в окнах моих появился свет,
значит, рано трубить отбой,
потому что я — для тебя поэт,
а не брошенный дом с трубой!..»

Но куда я сам в себе гошу,
задаю сам себе урок,
и о чём грущу, сам себе свищу...
Хорошо, что есть ветерок!

* * *

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
Павел Коган

Я с детства полюбил не угол, а овал,
а позже перенёс любовь свою на эллипс.
Я бился об углы, но их не признавал,
смягчить к себе судьбу когда-нибудь надеясь.

Ходячий компромисс, я сглаживать привык
неровности пути избитыми боками.
Не хан, а хам вручал мне княжеский ярлык
и покупал меня со всеми потрохами.

Я выучить не смог простое слово «нет».
Но замечая, как судьба меня скрутила,
я утешался тем, что это путь планет:
по эллипсам летят небесные светила.

Такие времена: помятый, но живой,
по правилам игры, вполне довольный с виду,
я острые углы объехал по кривой
и вышел на свою законную орбиту.

В привычной колее я избежал утрат,
рогаток на пути, ухабов и колдобин.
Но нынче, постарев, сам стал я угловат
и самому себе колюч и неудобен.

Бреду по целине, преодолев межу,
и повторяю твой давно забытый слоган.
Хочу чертить овал, но угол вывожу.
Ты оказался прав, товарищ Павел Коган.

Змеиное

Эпоха, ты меня не мучай,
на счастье не сгибай подковой:
обидно быть змеёй гремучей,
ну а тем более — очковой.

Учусь шипеть на всякий случай
и зубы с ядом чищу пастой.
Ну что ж, гремучей так гремучей —
но так ли важно, чтоб очкастой?

Скользя, как будто всюду наледь,
клянущ змеиную безрукость.
Различие слов «жалеть» и «жалить»
мешает видеть близорукость.

Так что ж, всю жизнь без перерыва
быть гадом с гадскою повадкой,
души прекрасные порывы
душить в себе с удавейей хваткой?

Хоть бейся лбом, хоть лезь из кожи,
да хоть шипи до заиканья,
ждёт каждый день одно и то же:
юление и пресмыканье.

Мы изменить судьбу не смеем.
Но если некуда деваться,
согласен быть воздушным змеем,
да так, чтоб с ниточки сорваться!

Виктория Ветрова

Поэт, писатель, режиссер, член Союза Писателей России, автор 15 книг (10 книг стихов и 5 романов). Худрук альтернативной киностудии «Handmadefilms», режиссёр фильмов «Синкопа одиночества», «Сумерки», «Нюансы».

* * *

Покатилось яблоко холодом,
Да на берег, да в темный пруд.
Если жизнь кончается смолodu,
Ошибается божий суд.
Только ночь, только неба выстрелы,
Только солнце ромашкой беленькой...
Покатилось яблоко быстрое
В темный пруд, да по синему берегу...

* * *

Я прощаю тебя навсегда.
Это — правда, которую знаю.
Никогда не вернётся сюда
Недобитая белая стая.

Запах мокрой ненастной земли
Вперемешку с оранжевым дымом.
Мне так хочется быть нелюбимой,
Чтоб оставить меня не смогли!

* * *

Солнышко сочится апельсином,
Небо бесконечно и свежо.
От любви безвременной и сильной
На душе останется ожог.
Падают лучи, пересекаясь,
Светятся прозрачные следы.
Я сегодня в клетку попугая
Позабуду выставить воды.
Заболею странною виною
Посредине правды или лжи,
И кому-то за своей спиной
Я отвечу голосом чужим.

* * *

Не плачьте по потерянным вещам,
А плачьте, если друга потеряли.
Пусть в жизни вам плохого не желали,
Не думайте, что не желают вам.

Не плачьте, если дом вам стал чужим,
А плачьте, если родственники чужды,
Когда непоправимо и недужно
Вам суждено повиноваться им.

Не плачьте, если кличут голоса,
А плачьте, если пения не слышишь,
И, кажется, ещё надеждой дышишь,
А жизнь прошла всего за полчаса.

* * *

Зажми в ладони лист осиновый,
Скажи волшебные слова,
И вспыхнет небо светло-синее
И золотистая трава.

Ступай босая и незрячая,
Угадывая первый шаг.
Всё нелюбимое — оплачено,
А всё любимое — за так.

* * *

Думали — дьявол, водой окропили,
Думали — ангел, камням нет числа.
Думали — злая, ногами побили,
Думали — добрая, в доме зола.
Думали — смертная, яму копали,
Сила небесна, отняли покой,
Думали — враг, искалечили память,
Видят — воскресла, махнули рукой.

* * *

Темно и сыро, как в пещере,
Ложатся мокрые снега,
И прорываются сквозь щели,
И укрываются в бегах.

А ветер, поседевший в горе,
Разбитый, старый великан,
Котеночком скребется в горле,
Как будто просит молока.

И в этой суетной мороке,
Перекрещенные дождем,
У храма сходятся пророки,
Как тени под моим окном.

* * *

Как долго путь, как долог
Он кончится не скоро,
Где радостен и колокол
Блестит в снежинках город.

Я мчусь туда. Где небо
И солнце неродное,
Где так не пахнет хлебом
И мокрой мостовою.

Там так не любят сильно,
И так не бьют в набат,
Не плачут как в России,
Когда идешь назад.

Новые мужчины...

Новые мужчины носят шляпы
И стоят у окон, не дыша,
В них живут правители и папы
Дочерей, и в каждом есть душа.
В ком-то очерствела, неказиста,
В ком-то изуродована тьмой,
В ком-то, как у старого артиста —
Только дух не сломленный войной.

Только сдвинув шляпы на затылок,
Запрокинув головы назад,
Средь окурков и пустых бутылок
Души их на небеса глядят,
Мнится им, что прямо до могилы,
Снится им, до гробовой доски,
Будут они белы, легкокрылы
И встают мужчины на носки,

Чтоб летать, забыв про Божью милость
И не зная, как это получилось.

Дождливая лирика

Мне кажется, ты больше не скучаешь,
Не ждешь звонка и зол на целый свет
За прошлые тревоги и печали,
Которых без меня как будто нет.

И вроде без меня уже привычно
Лететь домой под вечер по шоссе
Под темноту мелодии скрипичной
Не думать о любви моей совсем.

Но разве это правильно, ответь мне,
Когда разлуки вечность сочтена
И ветер хлещет тяжелой плетью
Сомненья, что тебе я не нужна,

Что ты не проезжаешь мимо дома,
И не заметив свет в моем окне,
Не узнаешь тоску, что так знакома
И с этих самых пор живет во мне.

Простые и лирические взгляды в пространство
Преодолев не низменность, но робость,
Шагнув с небес, с подножки голубой,
Я рано утром села на автобус
И ехала куда-то за тобой

В чужую тьму, где не дано скитаться,
В другие сны, где больно, как назло,
Где от твоей улыбки мерзнут пальцы
И бабочки врезаются в стекло.

Но что там есть, без лишнего кокетства?
Прекрасный ужин и холодный пруд,
Где тонут очертания соседства
Моих стихов, что без тебя умрут.

Молитва

Не прячь, Господь, мою молитву,
Надломленную в бездне сна,
Печали золотую бритву,
Вонзив в любовь мою сполна,

Позволь мне больше не стремиться
К недосягаемым богам,
Открой свои святые лица
Моим утраченным снегам

И сделай так, пусть он не плачет,
Пусть свет в душе его поет,
Чтоб мир обрел печальный мальчик,
Что в сердце врезался мое.

Елена Ерофеева-Литвинская

Родилась и живет в Москве. Закончила театроведческий факультет ГИТИС им. Луначарского. Автор более 500 публикаций в прессе, а также документально-художественных книг «Сергей Захаров. Роман-биография» и «Сценарий для богини. 11 сенсационных историй о любви». Автор книги стихов «Февральские цветы» и 17 поэтических сборников в соавторстве, одна из авторов сборника исторических новелл «Русские богини». Лауреат многих литературных конкурсов.

Во сне

Я летала во сне,
Я плыла в облаках,
Пребывая вовне,
Я купалась в веках.

По воздушной реке
От земных берегов
Я плыла налегке
Далеко-далеко.

Словно всё позабыв,
Все тревоги и страх,
Подхватила мотив
У Эоловых арф.

Серебристых высот
Разомкнула засов.
Нет обид и невзгод,
Стрелок нет у часов.

О, свобода! Какой
Упоительный миг!
За лазурной рекой
Есть небесный родник.

Там забвенья ключи,
Вечной жизни секрет...
Я парила в ночи,
Я встречала рассвет.

...Мчит людская река
На трамвайном кругу,
Я смотрю в облака
И взлететь не могу.

Время вдохновенья

Осень — время расставанья
С летней пышностью цветенья,
Размышленье, обожанье,
Осень — время вдохновенья.

Время медленного вальса
И янтарных переливов,
Золотом шитьё на пальцах,
Осень — время терпеливых.

Время лёгкого дыханья,
Листьев кружево, круженье,
Паутины колыханье,
Осень — время постиженья.

Время царственных чертогов,
Время вечности и тленья,
Подведение итогов,
Осень — время вдохновенья.

Абонент временно недоступен...

Недоступен. Не добраться.
Не услышать. Не прокрасться.
Не спросить. Не знать. Не ведать.
Не увидеть. Не доехать.
Не ответить. Не дожидаться.
Не пробиться. Не прижаться.
Не прильнуть. Не прикоснуться.
Не дойти. Не дотянуться.
Не найти...

Мне жаль...

Мне жаль, что кончились слова
Твоей любви.
Но я по-прежнему жива,
И ты — живи.
Мне жаль, что жар всё холодней,
Всё реже пульс...
И мне, наверное, видней, —
Я не вернусь.
Ни в чем признаться не хочу,
Одна, в ночи,
Я затаилась и молчу,
И ты — молчи.
Наверно, я была права,
Сбежав от встреч,
Ведь мимолётная игра
Не стоит свеч.
Не развернуться кораблю
Да на мели...
Чтоб всё простилось нам, молю,
И ты — моли.

В спешащей круговерти дней...

В спешащей круговерти дней
Вдруг наступает миг молчанья,
Миг неподвижности теней,
Миг нашей встречи и прощанья.

Как беззащитен этот миг
И непосредствен по-детски!
Над этим мигом, словно нимб,
От лампы круг на занавеске.

И серебрятся на стекле
Мороза длинные ресницы,
И растворяясь в темноте,
Миг обещает нам присниться...

Горим

Не гаснет красный свет в окне,
Мы до утра не спим.
Москва в дыму, леса в огне,
Горим, горим, горим!

Примерил город к сентябрю
Рубиновый наряд.
И ты горишь, и я горю,
Как двадцать лет назад.

Стекает золото с берёз,
Пылает буйный клён,
Дыханьем жарким поздних роз
Смертельно опален.

Пурпурных гордых георгин
Торжественный парад,
И жертвенная кровь рябин,
И красный виноград.

Зарделось сердце к сентябрю,
В пожаре голова,
И ты горишь, и я горю,
Как рыжая трава.

Вновь вспыхнувшей любви шальной
Охвачены огнем,
В осенней душной тьме ночной
Горим, горим вдвоем.

Не удержаться на краю.
Нам снова повезло
В багряном яблочном раю
Познать добро и зло.

Безумных слов, опасных чар
Огонь неукротим...
В Москве — сентябрь, в окне — пожар,
Горим.

Маргарита Каганова

Родилась и живёт в Москве, училась на историка и редактора, но основная профессия – дизайнер-верстальщик. Участник разных поэтических проектов и сетевых конкурсов фантастики. В 2008 году вышел сборник стихов «Пустой караван».

Зачем уводить лошадей

*«И осталось всего ничего, разве только холсты.
А на них неземные закаты, и лошади скачут...»*

А.Макаревич

Как бы ты ни начал историю, все равно найдутся недовольные. Поэтому мы пропустим начало и оставим героя там, где видели в последний раз. Ветер треплет его шевелюру, развеивает широкие рукава рубашки, а цветастая тень рукава ползет, ползет над лесом, истончаясь в дымке времени...

– Поздравляю москвичей с открытием нового памятника! – громкий голос мэра вознёсся над маленькой площадкой, где кучка собравшихся обступила, завешанную тряпкой, фигуру.

– Скульптура подарена нашему городу цыганской диаспорой. Перед вами известный конезаводчик и меценат Михо Радобур!

Двое помощников сдернули со статуи покрывало. Цыганский барон возвышался на своем постаменте, важно сложив руки, а его закрученные усы вдруг озорно сверкнули в лучах солнца. Собравшиеся потоптались вокруг, разглядывая памятник, но любопытство уже было удовлетворено. Мэр произнес еще несколько торжественных фраз о скульпторе, очередном юбилее и полезности меценатов в целом. Говорил он громко, тщательно скрывая неуверенность, поскольку уже успел забыть, по какому поводу памятник и чего от него хотела цыганская диаспора.

К вечеру и без того тихий переулочек опустел. Припаркованные по краю иномарки расплзлись в свои спальные районы, сняв наглые колеса с тротуаров. По мостовой пробежали и прошелестели мягкие подошвы, процокали каблучки и под занавес, с вызывающим треском, прокатилась тачка дворника.

Бронзовый Михо моргнул и поправил ус. Он хитро огляделся по сторонам, тяжело снял ногу с постамента и шагнул вниз. Время заморозилось.

Очень трудно пробудиться от столетних воспоминаний. Но если из-под тебя вынимают опору... Маршал Жуков очнулся в неудобной позе – он лежал на земле с торчащими прямыми ногами, лошади и след простыл. На кривых полусогнутых к нему, вниз по улице, уже ковылял, так же недавно проснувшийся и весьма возмущенный, князь Долгорукий.

– Эх, когда б с высоты увидеть! – бормотал он, злясь на себя за долгий сон и удивленно разглядывая незнакомый город.

Бронзовые кони пропадали один за другим. Опустела крыша Большого театра. Опустела крыша главного здания ипподрома. Одинокие струйки фонтана били на Манежной площади в разные стороны, не находя массивных фигур с дерзко вздернутыми хвостами.

Услышав умелый посвист, три битцевские лошади снялись с места и затрусили на север Москвы. С громким хлопом наполовину выдернувшись из болота лошадь Мюнхгаузена. Последний так и не успел сообразить, что происходит – все это время он задумчиво тянул себя за волосы, и рядом с ним громоздились и рвались ввысь накопленные сокровища памяти. Георгий Победоносец обнаружил себя балансирующим в воздухе над неподвижным змеем.

Кутузов и Багратион, который раз на этом веку, в своем общем сновидении величественно шествовали по Парижу на своих красавцах-конях, занятые увлекательной беседой, а изящные силуэты юных парижанок маячили впереди, и от этого улицы казались украшенными, словно елки в сочельник.

Однако не все спали в этот весенний вечер. Юрий Никулин издали слышал крадущиеся шаги и легкую дробь копыт. Он с любопытством смотрел в направлении шагов, пока в конце улицы не появился приземистый человек в шляпе, ведущий под уздцы разнокалиберных коней. Пожав плечами, Никулин забрался в автомобиль и зарулил в темный проулок, под прикрытие родного цирка. От греха подальше.

Герои «Разгрома» Левинсон и Метелица тоже не спали. Посоветовавшись, они отдали своих коней добровольно, в пику погруженному в грезы автору, маячившему за их спинами. Они отчаянно скучали.

Заскучал и Михо Радобур. Надежно спрятав похищенных лошадей, он забрался на свое место и задумался.

– Простовато выглядит мир из вечности, – поведал он бродячему псу, примостившемуся у подножия. В неподвижности памяти есть свои достоинства: ты можешь войти в любое сквозное окно... Если отдернуть завесу. А, какую там завесу – занавеску! Тонкую занавесочку памяти. Вот ведь скажи: к чему человеку целая жизнь, когда нет после нее ничего?

Пес беспокойно повертел головой из стороны в сторону и принялся, не в силах обнаружить, что именно его беспокоит.

– Не слышать меня твоими ушами, не слышать. Надо ступить туда, где время остановилось... Верующие знают о жизни вечной. А невечная куда девается, когда душа уходит выше? Богатства, потомки, любовь, наслаждения? – Пес порывисто втянул носом влажный вечерний воздух и уткнулся в лапы. – Кладовые памяти... Чтобы они сохранились, нужны окна времени, – бронзовые пальцы Михо совершили круговое движение и соединяясь на чем-то невидимом, сморщили пространство, отодвигая в сторону теплый московский воздух и пропуская цветной туман с ароматами трав и далеким жужжанием пчел.

Молодой парень в хлопающей на ветру яркой рубашке пристально вглядывался в противоположный берег реки. Там просыпался город. Лодки погромыхивали веслами, со дворов доносились выкрики детей и лай собак. Из всего многообразия звуков парень старался вычленивать ржание лошадей. Хотя и без того известно, что лошадей нынче в городе много.

Лекса подошел неслышно и встал рядом. Заговорил на родном языке.

– Ну что, завтра ночью?

Михо сомневался. Он оглядел табор. Угольки вчерашнего костра еле-еле дымились. У костра сидел мальчишка и мучил гитару. Жаль было потерять всё. Так они еще никогда не рисковали.

– Думаю я, Лекса, – тихо заговорил он. – Уводить гусарских коней слишком опасно. Целый полк...

Лекса передернул плечами.

– Не полк, часть лишь. Перепьются они, вот и все дела. Думаешь, ночью кто за лошадьми приглядывает? Не. Половина разбегается по подружкам, остальные пьют и в карты. Управимся!

– Догонят!

– Первый раз как будто?

С этим было не поспорить. Но Михо тоже успел все разнюхать в городе. И увидеть, что подступиться к отдыхающему полку, или даже его части, как утверждает брат, почти невозможно.

– Не уведешь их оттуда! Стойла в глубине, не подберемся.

– Так и знал, что ты это скажешь, – торжествующе сообщил Лекса. – Я этой ночью подобрался к стойлам. И скажу тебе, ничего мне это не стоило.

Братья посмотрели друг другу в глаза.

Пес, что-то почуяв, встал, отряхнулся и побрел прочь. К бронзовому Михо собирались гости. Пушкины явились все вместе, хотя к делу отношения не имели. Однако любопытство взяло верх над спокойствием вековых снов. Кроме тех, кого обокрали, к месту расследования подтянулись еще несколько знаменитостей. Михо с трудом оторвался от воспоминаний. Жужжание пчел все еще стояло в ушах, спина ощущала далекий ветер.

– Куда дел лошадей? – Багратион с трудом сохранял спокойствие.

– И зачем тебе столько чужих коней не ко времени? – раздался нервный голос. Самый большой из Пушкиных сложил на груди руки и укоризненно посмотрел на вырвавшегося вперед бойкого двойника.

– Отчего ж не ко времени, – с достоинством отвечал Михо. – А спрятал я их надежно, не ищите, пока не расскажу.

– Куда он смог упрятать дюжину коней? – гремел Долгорукий. Рвавшегося в бой князя уже удерживали собратья по несчастью.

– Прячу коней я в складке времени, – туманно пояснил цыган. – И вот зачем. Хочу устроить скачки. Настоящие скачки, каких не видал я при жизни. Знаменитый конезаводчик, а скачки устроить ни разу не захотел – что люди скажут?

– Еще бы тебе при жизни с ворованными конями бега устраивать!

– Ишь чего захотел!

– А ну верни!

– А теперь люди что скажут, не увидят же, – хмыкнул Кутузов. Остальные резко затихли. Как-то и в голову никому не пришло, что люди их не видят. Цыгане всегда жили с размахом, но к чему сейчас их размах, когда все окружающее тебя общество заковано в бронзу... Однако Михо был готов к такому вопросу.

– Да все равно! Если я и боялся чего в своей жизни, так только скуки!

– Да когда ты успел соскучиться, – снова не выдержал один из Пушкиных, – только поставили ведь!

– Я слишком долго стоял в мастерской.

Лекса носился по поляне, собирая огрызки тряпок, щепки и прочие следы пребывания табора. Какой смысл, угрюмо подумал Михо, все в городе знают, что здесь стояли цыгане.

Табор уже ушел далеко. Вернее, должен был успеть уйти далеко. Лекса что-то тихо напевал: про костры, волю и острог.

– Тихо ты! – одернул его Михо. – Не накличь.

Он взглянул на редкие огни за рекой и подумал о том, что сейчас, наверное, Нари отправилась просить лесных отцов об удаче. А этот распелся.

– Тихо, – на всякий случай повторил он. – Дай подумать. Переправляться обратно будем вброд?

Лекса запел про переправу. Михо бросил на него свирепый взгляд. Впрочем, в темноте не было видно свирепого взгляда. Лекса всё равно почувствовал его и замолчал. Он лихо свернул веревку, перекинул через плечо, огляделся, проверяя, не забыл ли еще какую-то вещь и в два прыжка оказался рядом с братом. Михо молча указал направление, и они двинулись к переправе.

– Идут и идут! – бушевал Юрий Долгорукий. – Вороги!

– Ну уж, – примирительно пробормотал Фадеев. – Какие вороги, зрители. Интересуется классик скачками.

Классиков было два, вылитые близнецы, но тот, что с Гоголевского бульвара, казался моложе. Они сразу подошли к Пушкиным и принялись тихо спорить.

– Где, где бега будут? – вертелся вокруг любопытный Левинсон.

Маршал прислонился тем временем к стене и не спеша набивал трубку. Он уже размял ноги и с удовольствием ступал сапогами по булыжнику.

– Мы говорили о дорогах, – один из Гоголей отделился от группки писателей и двинулся к Михо. – Где ты отыщешь дорогу, что выдержала бы тяжелых бронзовых коней?

– Я уже нашел, – загадочно улыбнулся цыган. – Но путь предстоит долгий. Делайте ставки, господа!

Долгорукий взревел.

Михо неслышно двигался в темноте от одного длинного силуэта к другому, отвязывал, перекидывал веревки, еле заметными жестами успокаивал готовых заржать коней. Лекса с помощью хитро придуманной системы отвлечения денщиков кошкой, готовил отступление. В тот момент, когда караульный у ворот позорно оставил свой пост, раздался тихий свист, неразличимый в доносящейся из окон музыке и хохоте гусарских глоток, и десяток лошадей гуськом потянулись через темный двор. Еще через мгновение Лекса подхватил под уздцы последнего коня и, оставив позади чернеющий проем ворот, братья устремились к реке, еще не веря, что их дерзкий план удался.

– Эй, почему открыты ворота? – донеслось вслед.

Взлетная полоса приветственно горела огнями. Как и обещал Михо, найденная им дорога могла выдержать сколько угодно тонн скачущей бронзы.

– Долгорукий придет первым! – настаивал Гоголь.

– Я за Долгорукого! – поддержал Фадеев.

– Лучше моего коня нет! – горячился Кутузов.

– По рукам? – предлагали Пушкины Фадееву и Кутузову.

– Как вас считать, за одного или двух?

– Битца победит!

– Шиш вам, Манеж!

Кони, приведенные цыганом, уже стояли на старте. Некоторые били копытами. Поодаль паслась хилая лошадь Мюнхгаузена.

– Позвольте! – хозяин протиснулся к Михо. – Я знаменитый путешественник, барон Мюнхгаузен, и я не разрешаю...

– А, тоже барон! Тезка! – обезоруживающе улыбнулся цыган. – Внимание!

Он свистнул, и земля затряслась. Десятки медных копыт грохнули о бетонные плиты. Черные силуэты летели вдоль взлетных огней, разбрасывая тучи искр. Казалось, сама взлетная полоса двинулась навстречу. Лошадь Мюнхгаузена стояла все на том же месте, ее челюсти интенсивно двигались. Казалось, она сжевывала сам воздух и все, чем был напичкан воздух: дорога с разметкой, огнями и участниками уплывала обратно, затягивалась серпантинном в это размеренное жевание. Пространство сворачивалось. Поверхность покачнулась, дрогнула, и памятники стали валиться друг на друга.

Михо нахмурился. Он на миг потерял сознание и перед глазами снова поплыл знакомый цветной туман. Лекса что-то кричал, они мчались прочь от переправы, не разбирая дороги, а гусарские кони на глазах менялись в размерах, росли и уменьшались, вытягивались и толстели, приобретая неуклюжие, невиданные формы...

– Что творится? Остановите ее! – истошно вопил то ли Лекса, то ли кто-то из Пушкиных. «Стой! Ыть! Коняка моя, ты что творишь!» – кричал Мюнхгаузен, и, перекрывая прочие крики, спокойно звучал голос Георгия Победоносца, который говорил что-то насчет нарушенного времени...

– Что за сброд мы увели? – недоуменно произнес Лекса, рассматривая разномастных зверюг и боязливо обходя новообретенный табун по кругу. Михо оценивающе посмотрел на добычу. У гусар не могло быть таких лошадей. Или он ничего не понимает в конном деле. Когда он отвязывал их, подобных не было. Вот таких, как этот тяжеловоз – не было. Или как эта тонконожка. И почему их бока так отливают бронзой? Или показалось в темноте... Но вот один конь точно стоит всего улова. За него дадут много, очень много, только б теперь не попасться.

Немногие московские старожилы заметили, что лошадь маршала Жукова весьма окрепла в ногах, а четверка на крыше Большого театра поменяла масть. Конь Долгорукого построинел, а Мюнхгаузен теперь тянул из болота коня, по пропорциям сильно превышающего всадника, но поскольку случайному прохожему видна лишь половина лошади... Да и какие случайные прохожие смотрят на памятники! Кому они сдались, эти лошади. Кому, кроме своих собственных хозяев, да бронзовой фигуры цыгана, ухмыляющегося в усы?

Павел Ганжа

Родился в 1973 году в с. Тасеево Красноярского края. По образованию – юрист. Окончил юридический факультет Красноярского государственного университета, работал в органах прокуратуры. С 2002г. – практикующий адвокат. Проживает и работает в г. Красноярске. Писать стихи начал в 1991 году. Автор нескольких поэтических сборников.

Аэрофобия

Четвёртое покушение на сонет

Хотелось бы взлететь, но что-то вечно трушу.
И крыша высока, и сломано крыло.
Тушу пожар в душе, а собственную тушу
Храню и берегу, как хрупкое стекло.

А вдруг я упаду, и плоть свою разрушу –
Икару, например, не очень повезло...
Душу в себе мечту и присыпаю душу
Несмело мелом тем, что с крыши намело.

Не плыть мне в облаках. Возможно, “против” боги.
Как будто приросли, к земле примерзли ноги,
И тропки для разгона снегом занесло.

Да, я боюсь летать, но верю, что в итоге
Однажды воспарю в небесные чертоги
Всем демонам, чертям и ангелам назло.

* * *

Ау, принцессы! Где вы, в самом деле?
Попрятались за стенами дворцов?
И не слагают песен менестрели
О вас. Как будто в мире нет творцов.

И ныне вас не встретишь в повседневной,
Спешащей и кипящей, суете.
Нос к носу не столкнёшься вдруг с царевной,
В её не захлебнёшься красоте.

Сегодняшние дамы неспособны
На подвиг вдохновить. Порвалась нить
Времен. Они слегка богоподобны...
Но нет в них...и чего – не объяснить.

Наивности и веры в чудо, что ли?
Харизмы, шарма или теплоты?
Они не жгут себя – играют роли,
В их душах слишком много пустоты.

Из тысяч глаз не сыщешь двух бездонных.
Из редких умных – добрых только треть.
Зато десятки злых и сотни томных
Не прочь убить и взглядами раздеть.

Уныло это. Где же вы, принцессы?
В палатах? Вряд ли... тамошний мирок,
Банальный, пошлый в духе жёлтой прессы,
Взрастить способен разве что порок.

А вдруг вы обитаете в лачугах,
Убогостью мечту припорошив?
Скрываетесь в знакомых и подругах,
В которых свет волшебных сказок жив?

И нет у вас особенных амбиций.
Хотя у каждой есть и честь, и стать –
Любая может быть императрицей...
Но принцев тоже стало не хватать.

* * *

Бывают же счастливики на свете.
Их спины не секут чужие плети,
И горький привкус слёз неведом им.
Летят по этой жизни как в карете.
Дают им власть. А быть за всё в ответе
Потом, увы, достанется другим.

Не кормит их упорная работа
В мозолях грубых и слезинках пота.
Успех всегда приходит сам собой.
Им чужды повседневные заботы,
К рукам их липнут крупные банкноты.
Они любимы ветреной судьбой.

Иным же не досталось этой доли.
В трагедиях они играют роли
Несчастных жертв, зарезанных овец,
Где хрипом часто давятся от боли.
Живут и размножаются в неволе,
Считая дни, когда придет конец.

Четыре тысячи недель

*Срок человеческой жизни.
Приблизительно.*

Четыре тысячи недель...
Пройти бы до конца.
Минуя рифы, шторм и мель
И девять грамм свинца.

Четыре тысячи недель.
Дорога в никуда.
Стекает с душ людских апрель,
Как вешняя вода.

Четыре тысячи недель.
Такой короткий срок.
Длиннее даже птичья трель...
Письмо из пары строк.

Четыре тысячи недель
Стирают мир в песок.
И пуля ляжет точно в цель,
Ведь эта цель — висок.

Четыре тысячи недель
Страданий и борьбы
Растворятся, словно карамель
Во рту у злой судьбы.

Четыре тысячи недель.
Мазок на полотне.
Художник Вечность. Акварель.
И свет, и тьма в окне.

Четыре тысячи недель.
Чудесное кино.
Несёт по кругу карусель —
Сойти не суждено.

Четыре тысячи недель.
Чуть слышен бой часов.
Едва примятая постель,
Незапертый засов.

Четыре тысячи недель.
Явь, полудрёма, сон.
И сладок времени кисель,
Кислит любви лимон.

Четыре тысячи недель.
Срок неприлично мал.
И воет радостно метель,
Предчувствуя финал.

Четыре тысячи недель...
В глазах уже темно.
И пряжей сделало кудель
Давно веретено.

Банальное

Любой из смертных — пленник тела,
Пусть он орёл, пусть даже лев...
Душа как будто отлетела,
Ни разу так и не взлетев.

Привычек узы крепче стали,
И людям их не одолеть.
Мы все о низменном мечтали,
То пряник пробуя, то плеть.

А о далеком и высоком
Подумать было недосуг.
Кораблик-жизнь несло потоком...
Водоворот, за кругом круг.

Банальна сказочка такая —
Не оторвались от земли.
Ведь крылья, сильно намокая,
Поднять душонки не могли...

Любой из смертных пленник тела,
Пусть он орёл, пусть даже лев.
Душа как будто отлетела,
Ни разу так и не взлетев.

* * *

Дыхание любви сбивает с ног,
Срывая с плеч одежды и привычки.
В душе того, кто вечно одинок,
Затлеет огонёк — лишь чиркнут спички.

И разгореться может до небес
Костёр в душе. Померкнут звёзд плеяды.
В пустых глазах возникнет интерес
От одного приветливого взгляда.

Дыхание любви развеет в прах
Насущные проблемы и заботы.
И трудно удержаться на ногах
Под тяжестью доспехов Ланселота.

Так хочется взлететь в них, видит Бог;
Доспехи из огня, а не из стали...
Дыхание любви сбивает с ног
И тянет ввысь, в заоблачные дали.

Вадим Прохоров (Файфер)

Родился в 1962г. в г. Кандалакша Мурманской области. Окончил Московский институт управления имени Серго Орджоникидзе. 16 лет работал на Крайнем Севере (Мурманск); сейчас живёт в г. Пушкин (Санкт-Петербурге), работает в сфере строительства связи.

Это просто привал...

Полночь. Звёзды. Луна.
Сигарета — вторая от первой.

Рюмка водки и корка
Ржаного пахучего хлеба.

Это просто привал —
Успокоить звенящие нервы,

Краткий отдых в боях,
Чтобы душу очистить от снега.

Это просто бывает —
Жестокая, злая усталость.

Это просто мгновение —
В вопросы игра и ответы.

Остановка, чтоб сердце
Уже ничего не боялось...

Рюмка водки (без хлеба),
Затяжка седьмой сигареты.

* * *

Вот пишу и в зубах сигарета,
Лист от виски пролитого мокрый...
Знак вопроса есть...
Знака ответа

Не могу отыскать —
Хоть ты лопни...
Словари...
Интернет...
Вечер...
Утро...
И в глазах поселилась Сахара...
В третий раз сигарета потухла...
Что ж устал я так —
Вроде, не старей.
Вроде, есть ещё воля и сила...
Чёрт возьми...
Боже мой...
Я же знаю —
Я неделю не видел любимой...
Не устал я —
Я просто скучаю...

Ещё не срок...

Что там?
Время пришло?
Не кричите — ещё не срок...
Сердце, пусть и со скрипом,
Но всё же ещё стучит...
Да и крик не отбросит меня —
Ни назад, ни вбок,
А чтоб выжить,
Я знаю сто тысяч разных причин...

Побродил по дорогам —
По краю...
Даже за край,
Видел сотни людей,
Но запомнил лишь пару лиц...
И ты знаешь —
Там за чертою не ад и не рай...
И совсем, как здесь,
Тараканов травят и крыс...

И не плачь — не спеши,
Не отлили ещё тех свеч,
Что зажгутся, когда про меня тихо скажут —
«Был»...
А драконов (почти что) любой
Убивает меч...
Только вот,
Чтоб вернуться,
Порой не хватает сил...

Жил, играя, и ставил —
Всегда —
Только на себя,
У небесных крупье,
Вышибая из рук тузы...
Выживал вопреки —
Среди снега, воды, огня,
И весы отбирал,
Что были в руках Судьбы

Ну, не плачь — подожди...
Я сказал же — ещё не срок...
Подержи меня за руку —
Рано мне умирать...
По отдельности каждый из нас —
Ни чёрт
И ни Бог...
А вот вместе нам есть —
Что искать, хранить и терять...

* * *

Опять дождит —
И сыро и сыро,
В окошко ветер бьёт,
Как заводной,

Луна глядит на половину мира...
А ты на половине на другой...
Там — за окном —
Уже звенят трамваи —
И новый день,
И старые дела...
А мне тебя жёстко не хватает
И колет в сердце
Острая игла...
В оправе белой
Камень — чёрным углем —
Хранит тепло волны,
Прибоя шум...
Пусть дождит,
Наступит наше утро
И я шепну —
Seni sevigorum*.

* «Я люблю тебя» (тур., [сэни севийорум])

* * *

Давай-ка мы нальём с тобой вина,
Не в рюмки — в кружки, до краёв и с горкой...
Ты видишь — за окном гудит весна
И дождь в окно стучится — пьяно, звонко...
Давай и мы с тобой, как этот дождь,
Чуть пошумим, а может, почитаем
Стихи,
А то ты просто тихо пьёшь,
А я твоих стихов почти не знаю...
Давай, ну что
Тянуть kota за хвост —
Рвани рубаху, затянись сигарой...
(И не нуди, что ты больной и старый —
Меня ты десять раз переживёшь).
Давай читай —
Про бой читай, про Бога,
Про ДПР, про светлый день, про ночь...
Давай ещё накатим понемногу —
За сына твоего.... Тогда — за дочь.
Давай по крайней наливай... тихонько...
На посошок мы чокнемся вдвоём...
Дзинь....
Зеркала звенящие осколки
По скатерти рассыпались дождём...

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе. С появлением интернета открыла свои странички на сайтах stihi.ru и proza.ru. Вхожу в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

Размышлизмы

Пропала Муза, Почему? Не знаю...
Сбежала, не простившись, впопыхах.
Грызу перо, и от безделья маясь,
Пытаюсь что-то выложить в стихах.

Весною Музы на поэтов падки,
На тех, кто вяжет кружево из слов.
А у моей, куда ни глянь, — заплатки
По всей рубахе, где там до шелков.

Напротив дома кто-то строит замок.
Возводит постаментом — на века...
Забор высок, не выискать помарок.
А я о Музе всё, о пустяках.

«Весна, — ворчу, — а почки не набухли.
Повсюду сырость, серость и обман».
Промокли ноги, сапоги в разлухе.
Да что там обувь, на душе — изъян.

Мне дела нет до сказок и полетов.
План наперед: от буквы «А» до «Я».
Я — тот кулик, что счастлив на болоте
Вдали от животворного огня.

Спокойна я, и чувством не пылаю.
Куда уж мне до резких скоростей:
Быт обустроен. Черт не искушает,
И нет причин для аховых страстей.

А может Муза мартовскою кошкой
По местным крышам бросилась гулять?
Довольною вернется и роскошной,
И мне не стоит в розыск подавать?

Рассыплет солнце семечки-веснушки.
«Ах...» — улыбнется Муза невзначай...
И напроорочит вещая кукушка...
(О, рифма, где ты?) Ну конечно, — МАЙ!

* * *

Насколько ты не прав, — настолько я.
Лес рубят двое — и повсюду щепки...
Трешат в запале искры от огня,
Слезу рождает дым пожаращ цепкий.

Борьба миров? Нет, попросту скандал!
Всего лишь битва — кто кого умнее.
Кто бурю поднял, искры высекал,
Уже не важно, как бы поточнее...

Не в бровь, а в глаз! И сразу наповал!
Чтоб отдышаться не хватило силы...
Пока слова в запаснике искал,
Добить цитатой, дух чтоб захватило!

И дальше в бой, и ярким кумачом
Дразнить быка, тем вызывая ярость.
Сражаться не упреками — мечом!
Вот так тебе: не сикось и не накость!

Жара вокруг! Испить воды глоток,
И продолжать борьбу до иступленья!
Но сил уж нет, и нежности поток
Вдруг наполняет тело искупленьем.

Как он устал, как выпотрошен зверь.
Как тяжело, прерывисто дыханье...
Ну, все, уймись. Люблю тебя, поверь!
Слетает с губ ... привычное признание.

* * *

Прошедшее время в сознании — брешью.
Очнувшись от сна, встретить серое утро.
Фасад освежить заграничной пудрой,
И в зеркале молча себя же утешить.

Нагнуться два раза, как будто зарядка,
Привстать на носочки — почти балерина.
Метлой заодно снять с углов паутину,
И в зеркало снова — всего лишь украдкой.

Привычная жизнь без скачков и падений.
А где-то вдали полыхают зарницы,
Несутся и гибнут в огне кобылицы
С горячим дыханьем и крупами в пене...

Эй, тпру, молодая! Давай-ка, стреножу!
Остынь, говорю! Ты еще пригодишься.
Да что ты как птица в неволе дрожишь вся,
А, может быть, мы еще все-таки сможем...

Влетать в города, брать призы и барьеры,
Дышать полной грудью и росами мыться.
Туманность созвездий хранить на ресницах,
И счастьем своим упиваться безмерно...

Да где там. Умчалась. Что было — не склеить.
Насильно судьбу не связать, не опутать.
За пылью дорог, за расщелиной мутной
Останется время, как будто бы не жил...

* * *

Осыпается брусничник под ногой,
К югу потянулся клин гусей...
Не хочу я пить за упокой
Нет тревоги на душе моей...

Сколько лет и зим прошло с тех пор,
Сколько их, осенних, впереди...
«Осень жизни» — кто сказал сей вздор?
Палых листьев счет не разгрести...

Сквозь дожди — рябиновая грусть,
В клочья под ветрами облака.
Осень стала старше, ну и пусть.
С нею я сегодня так близка....

* * *

Я не вернусь в твой город,
Как ни странно:
В дожди косые, в зябкость
И тоску...
В гадальных картах выпали
Недавно —
Казенный дом, король и
Сталь к виску...

Ловлю себя на жажде
Преступленья,
Из детективов вычитав
Сюжет:
Вяжу силки из домыслов,
Сомнений,
И на ночь в окнах
Оставляю свет...

Как глупо мотыльку
Пропасть в дороге, —
Опасен зов
Холодного огня...
Зима давно
Колдует на пороге,
Пусть город твой зимует
Без меня...

* * *

Взрослею, что ли? Сказку на порог
Пускать не тороплюсь. Лишь по привычке
Ваяю в мыслях праздничный пирог
И свечи зажигаю длинной спичкой...

Жду Рождество, стараясь протоптать
Свою тропу по девственному снегу.
И, наслаждаясь непонятной негой,
Предчувствую смятенья благодать....

От искушенья святочных гаданий,
Смешных и непонятных вещей снов.
Метет за окнами, но в зале ожидания
Не гаснет свет. Горит в ночи окно.

Сергей Суций

Член Союза российских писателей. Автор 12 поэтических сборников (в т.ч. «Високосный», «Дыханье», «Время-99», «Изборник» в 2-х т.) и 4 книг прозы. Публиковался в журналах «Знамя», «Арион», «Ковчег», «Дон», «Дети Ра». Культуролог. Доктор философских наук, автор 14 монографий. Живет в Ростове-на-Дону

Путешествие из Ростова в Петербург

1

Присядешь, взглянешь за стекло
на лица тех, кто остается.
И чувствуешь, как повело
фонарный столб, витрину, солнце.
Сдвигается вокзал, ползёт;
и прыскает стремглав как заяц
из-под колёс случайный кот.
А скорый поезд, разгоняясь,
разрезав город пополам,
последний след его развеет
по низким войлочным холмам,
и вывернет себя на север.
Вослед ему стучат тропинки,
степь открывается с листа —
вошедшая в период линьки
от подбородка до хвоста.
Краснеет кран с наколкой «стоп»,
состав меняет три аккорда
и переходит на галоп
вдали от мировых рекордов.

2

Густеет мрак, закончен ужин,
последний из кульков шуршит.
До третьих полок сном нагружен,
как будто это динамит,
состав на цыпочках бежит.
И в бледном пламени эфирном
девица спит подобно розе,
спит лейтенант по стойке «смирно».
В индийской шестирукой позе
подросток замер до рассвета.

Сверкает за окном комета
полуночного полустанка.
На столике дрожит таранка,
и подстаканник бьёт ознобом.
И пьяный, наливаясь зобом,
терзает храпом полвагона.
Сосед его, под гнётом сонма
кошмаров, вертится во сне:
землетрясение, дом в огне,
из щелей тянут клешни крабы...
Две скифские литые бабы,
обняв руками животы,
застыли на соседних полках.
И жутко ухают мосты,
когда огромное, в наколках
огней, заглядывает в окна
ночное небо. Проводница
во сне откроет третье око,
увидит всё и просветлится...

3

Несётся поезд по планете
ночной, степной, глухой как пробка.
А в поезде все снова дети
и крепко спят, а кто-то ловко
во сне меняет им картины,
сюжеты; раздает награды.
Но поезд чёрный, поезд длинный,
как жизнь, не ведает пощады.
Не знает сна и очень скоро
всех — и купейно, и плацкартно
доставит в тот конечный город,
откуда нет пути обратно.
Где прошлое, себя итожа,
с грядущим слитно очертаньем...

Но спи, однако. Сон, быть может —
есть наше главное призванье.

Возвращение из Петербурга в Ростов

4

1

Ночь, скорый, русская зима.
Снег за окном, пустые речи
в купе соседнем; и сума
(или история сама)
уже не давит грудь и плечи.
В сухом проточном кулаке
у жизни два её конца:
не угадаешь по руке,
что ближе — волк или овца
твоей судьбе в твоём краю.
И ясно только то, что длиться
тебе, а пуще — январю
по всей земле. И поясницу
ломает поезд в поворот;
и кто-то чёрный рядом шепчет,
приотворяя рыбий рот,
подводные глухие речи:

2

«Беда, как есть одна беда —
одна земля, одна Россия.
Густая белая руда
на лица, крыши, провода,
на полустанки, города...»
«О чём ты говоришь? Прости, я
не слышу. Этот стук колёс —
второе сердце, только громче.
Светло от снега и берёз,
ещё чуть-чуть — ещё полночи,
затем полдня. И мы к весне...»
«А этот силуэт в окне,
в своём сквозном желтушном свете,
на застеклённом чёрном дне?
А вон второй, и следом третий...»
Недвижен месяц, воздух тих —
смертельный углекислый газ.
«Ведь ты всегда один из них,
они всегда одни из нас...» —

3

...нашептывает рыбий рот.
И скорый, словно пешеход,
до крови оттоптавший ноги,
по синей ленточке ползёт,
по просеке ночной дороги.
«Какая скудная земля,
какая белая пустыня,
какая дикая гордыня —
начать историю с нуля...
На пальцах расточится мгла,
но даже самой прочной лепки,
в купе (сквозной прозрачной клетке)
ты не доедешь до тепла —
весна на параллельной ветке...»

Ночь, скорый, русская зима,
пустой вагон, пустые речи.
Но эта тяжесть без ума
или история сама
ломает грудь мою и плечи!
Россия — я твой пешеход.
Ты уберёшь свои дороги,
ты спрячешь воды, небосвод
потушишь (погасив убогий
полночный серп). И, в свой черёд
меняя грани безымянства,
вобрав последний кислород,
держась за краешек пространства,
я повлекусь, ни мёртв, ни жив,
природою не узнаваем.
Последний русский — вечный жид...

«Вставай приятель. Прибываем...»

* * *

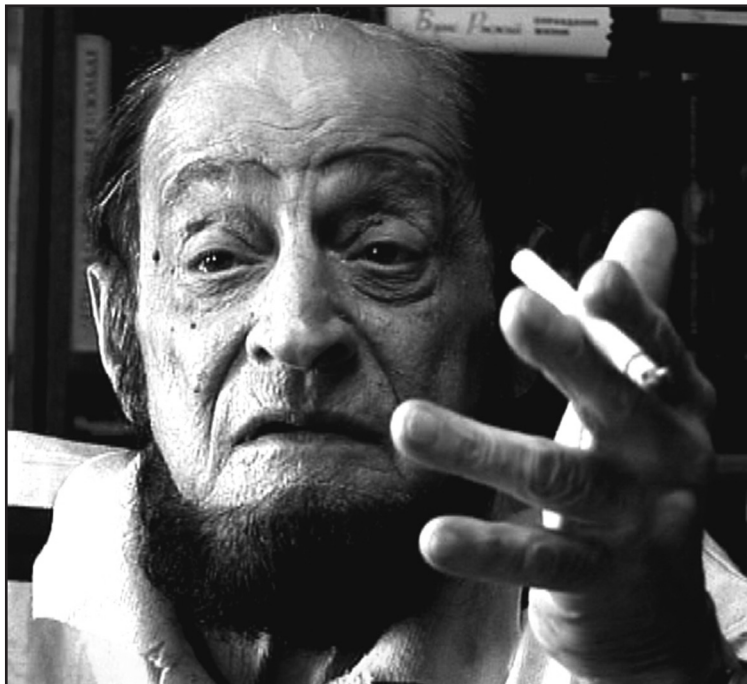
Медленно семья заходит в воды.
Век двадцатый, море Чёрное, Анапа.
Папа, мама, дочка... У природы
много солнца, волн. Но больше сапы,
тихой сапы — той, что поколенья
смоет губкой, пеною морскою.
Вот они исчезли по колени,
в море уходящие те трое.

Вот они по пояс. Вот поплыли.
Как, куда, зачем? В каком столетье
ждать обратно их? Всех вместе? Или
одного, двоих?.. Всё ярче светит
солнце на расплавленной дорожке.
Три плывущих к горизонту точки.
Неприметней всё и тем дороже,
пусть не отличить отца от дочки.

Соль под солнцем разъедает кожу.
Если б мог ты, если б дело в силе...
Может быть, они вернутся? Может,
все вернутся, что туда уплыли?..
Волны глухо, чайки слишком звонко.
Что умеешь, то и делать надо —
помнить всех уплывших к горизонту
(имена их, лица, речь), наградой

самому себе за память будет
час, когда, в расплавленное солнце
погружаясь, вспомнишь: «где-то люди...»
И назад, на тех, кто остаётся,
обернувшись, вскинешь на прощанье
руку над водой легко и длинно;
поплывешь, усталыми плечами
разводя лазурь с аквамарином...

Полдень, белым шёлком вьётся пена.
Век двадцатый, море Чёрное, Анапа.
Из воды выходят постепенно
друг за другом — дочка, мама, папа.
Ветер, волны, солнечные пятна.
Прямо из зенита прилетела
бабочка, ушла в зенит обратно...
Сплю, не сплю? Кому какое дело.

Леонид Григорьян (1929-2010)

Член Союза российских писателей с 1991 г. Поэт, переводчик французской прозы, в том числе, произведений Камю и Сартра. Автор двух десятков стихотворных сборников и множества журнальных публикаций (первая – в 1966 г. в «Новом мире»). Родился и жил в Ростове-на-Дону.

Лакримоза

Я плачу по слезам,
которым не бывать,
а если и придут,
то все-таки иначе.
Иначе ликовать,
иначе бедовать,
и нет пути назад.
Об этом я и плачу.

Над пройденной тропой –
содружество ворон,
присели, поднялись
и снова налетели.
И каждый новый шаг –
потеря и урон.
Но тысячный урон –
не первая потеря.

Тот Некто за чертой –
теперь уже никто,
сведенный до нуля
стараньем лет и правил.
Но первое «зачем?»,
но первое «за что?»,
но первое «почто
отрекся и оставил?»

Но первая вина,
не знавшая вины,
презревшая молву

и тропы обходные?
Бессмысленный удар,
когда вослед должны
обрушиться земля
и хляби водяные?

Все просто и легко:
войди и володей!
Прими без суеты
удачу-неудачу.
И все как повелось.
И все как у людей.
И нет пути назад.
Об этом я и плачу.

Голоса

Один поэт сказал:
«Но старость это Рим»,
Другой: «Но в сердце
не скудеет нежность».
И далее: «Блаженство...
безнадежность...»
О чем мы говорим,
когда не говорим?

Припомни же, о чем
за эти полчаса,
среди чужих людей,
на аэровокзале?..
Не вспомнить ничего.
Но чьи-то голоса

когда-то всё сполна
за нас уже сказали.

Мы жалкие слепцы,
но кто-то освятил
весь этот тусклый мир
по замыслу благому.
И вот: «Среди миров,
в мерцании светил...»
И вслед за тем: «Прощай...
теперь блесни другому»

Скажи, когда опять? —
В двухтысячном году?
А может, через день?
Или ближайшим летом?
И я шепчу: «Когда
опять сюда приду?..»
И с горечью: «И что
найду на месте этом?».

Надежда

Пройдет веков ленивый лемех
там, где запал всего пустей, —
по самой бурной из полемик,
по самой буйной из страстей.
Земля забудет об убытках,
и долгий ряд сановных лиц
не обозначит даже в свитках
хронологических таблиц.

Все будет скрыто и замыто,
не разберешь и по складам.
Все будет выжжено. Но мы-то,
но мы-то выживем и там.
Недаром очно и заочно
щадили судьбы и слова,
недаром следовали точно
законам почвы и родства.

Недаром дружбой осенялись
и жили там, где родились,
чужим богам не поклонялись
и в полубоги не рвались...
Нет, мы не думали о чуде,
но на последней полосе —
один из нас вовек пребудет
и в нем соединятся все.

Замысел

Под конец расхотелось хотеть
Ликовать, воевать, не сдаваться,
Непрерывно о чем-то радеть,
Вовлекать, окликать, отзываться,
Предаваться бесчинной гульбе,
Слыть любимцем, ходить в супостатах.
Все иссякло само по себе.
Не заботясь о веках и датах.
Расхотелось бездумно хватать
Сласти, радости, хронос и мелос,
Расхотелось запойно читать,
Говорить и писать расхотелось,
Бить поклоны у всех образов
И незнамо куда торопиться...
Да застряла крутая крупца
В перешейке песочных часов.
А внизу-то песчинок не счесть —
Пирамидка готова к пределу.
Но у Промысла замысел есть,
Недоступный скудельному телу.

* * *

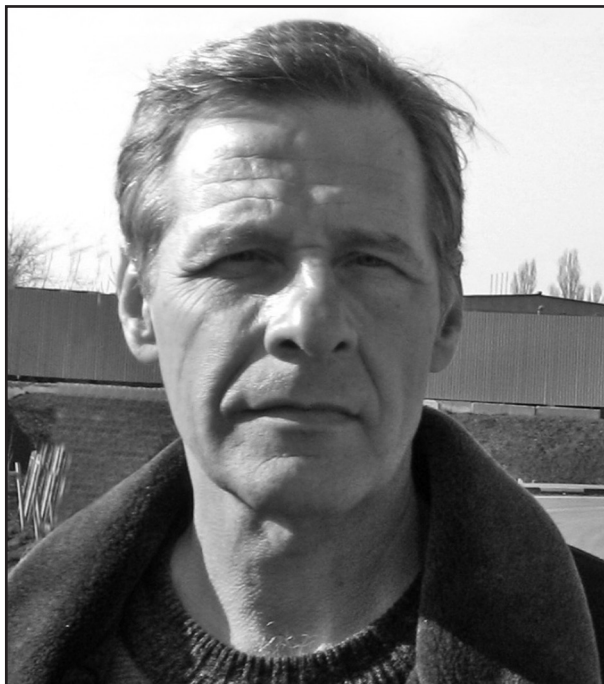
Этот звук безыскусный,
Этот реющий Дух —
Изначальный, изустный,
Непонятный на слух.

Неужели доселе
Не угас, не померк,
А звучит во спасенье
Разуменья поверх?

Был прожилкой в породе,
Но порода сама —
Сгусток крови и плоти,
Красоты и ума.

Праязык, повитуха
Сопряженных судьбин.
Дуновение духа
Высоты и глубин.

Над родными полями
Он пока что парит.
Но придет пониманье
И уста отворит...

Александр Соболев

Член Союза российских писателей, поэт. Автор трёх поэтических книг. Публиковался в журналах «Ковчег» (лауреат премии «Ковчега»), «Дети Ра», сетевых изданиях «RELGA», «45-я ПАРАЛЛЕЛЬ», сборниках ассоциации ЛиРА, объединения «Созвучие». По профессии физик-электроник. Живёт в Ростове-на-Дону

* * *

Туман... туман... Сырая пелена
грунтует холст... Полста вторая осень
сезонной меланхолии полна.
Белёсый воздух плотен. Иглы сосен
его стущают в бусины, да так,
что каждая надета на хвоину,
принадлежа ветвям наполовину,
но тяготея к травам. Это знак,
что нам уже не светит бабье лето...

Иные кроны догола раздеты,
а рядом — шамаханская парча,
этиод в академическом альбоме
за тонким слоем кальки. И любое
движение: скольжение грача,
неторопливый клочек печного дыма,
грибами порастающий пенёк —
от мутного белка неотделимы.

Летит неяркий жёлтый огонёк,
за ним летит через минуту новый...
Паучья сеть становится основой
для ткани медитации, устав
висеть без дела... бисерные нитки
растянуты на лозах... Две улитки
на ложе виноградного листа
осенних чувств испытывают прелесть
и делают что в голову взбрело,
под кисеей тумана, в нежной прели
преображаясь в чувственный брелок.

В природу запустенье внедрено.
Лежат лужаек рваные татами,
где колтуны примятых бурьянов
привычно вспоминаются цветами,

но, впитывая утреннюю мглу,
цветут — ты не поверишь! — анемоны,
друг другу уступая церемонно
последнюю бездомную пчелу.

...Вот новый лист по воздуху несёт,
собирает лепту время, строгий мытарь.
Всё млечно, растушёвано, размыто
и тихо всё...

* * *

Подмораживает. Луна.
Полотно голубого льна
на булавочках звёзд растянуто.
Время позднее. Ранний март.
У котов — сезонный азарт,
и надежды их не обмануты.

Все потаяло, снега нет,
но везде водянистый свет
и лагунами, и заливами,
и везде ледок молодой
прорастает, хрустя слюдой
под шагами неторопливыми.

Голубым сияньем облит,
разметающийся город спит,
и ни ангела с ним, ни няньки.
Светят два или три окна,
безмятежность и тишина,
как на хуторе близ Диканьки.
Ни следа дневной суеты...

Вдохновенно орут коты!
Только им да луне не спится.
Ночь приветлива, ночь светла!..
Редко-редко мелькнёт метла,
а на ней, нагишом — девица...

Негромкий сонет

Попытка страсть переложить в шансон,
повеселить досужего зеваку
и о себе стихами покалякать —
древнее, чем завязки у кальсон.
Но если сердце пыточным кольцом
оправить и заставить кровью капать —
молчанье обретает свойства кляпа.
Скажи. Не бойся потерять лицо.
Мой тихий Вестник, зёрнышко сонета!
Моя беда, моё Господне лето!
Я для такого чувства мелковат,
но грозный смысл любви исповедимой
бестрепетно беру из рук любимых
и не пытаюсь опубликовать.

Баллада об имени

Солдатам и офицерам Плесецка

Ты можешь словом заковать огонь?..
Хотя — не об этом речь.
...Однажды прислали на полигон
летучую Рыбу-меч.
Солдатик-техник, из тех ребят,
ревнующих к небесам —
он имя подруги, её любя,
на корпусе написал.
И вот, дохнув огнём горячо,
светя миллиардом свеч,
ушла в поднебесье крутой свечой
летучая Рыба-меч.
И снова секции головной
нацелили острей,
и имя «Таня» белело вновь
на корпусе у неё...
И кто-то пришлый, из важных лиц,
настойчивый в мелочах,
на старт явился с проверкой-блиц —
заслушать и замечать.
Он был педант, и он приказал
следить неуклонно впредь,
чтоб так не баловалась «кирза».
А имя велел стереть...

При слове «Пуск» ухмыльнулся рок
одним из кошмарных рыл:
он вырвал ракете её нутро —
и кратер жерло раскрыл.
Шатнуло громом лесную глушь,
хлестнула заря за край,
и много мужских небезгрешных душ
отправилось прямо в рай...
Был новый запуск. Потом другой...
И милостив был Господь,
и был послушен теперь огонь,
спаливший живую плоть.
Но каждый борт непреложно нёс
способное уберечь
простое имя, что так всерьёз
присвоила Рыба-меч.

Птица Рух

Скучно проснуться... Нынче — особо.
Глянешь наружу — там спозаранку
ветер такой, что, пожалуй, способен
распотрошить консервную банку.
Может быть, это Земля, обезумев,
под облаками бешено мчится?..

Гиперциклон, атмосферный Везувий
косит антенны, рвёт черепицу,
едут киоски, тумбы и крыши,
люди — ползут, машины — буксуют,
все провода в бельё и афишах,
все фонари — в линейку косую.
Не было раньше подобных примеров,
был такой не видел ни разу!..

Вот пролетают чьи-то сомбреро,
шляпа Гэндальфа, шлем водолаза.
Вон промелькнул фургон из Канзаса,
два гамадрила, стая лягушек.
Где он копился до этого часа?!
Рот приоткроешь — сразу задушит,
двери припёр, никуда не пускает...

Вторя ему, в душе запустелой
время ревёт осенней Бискайей
и выдувает её из тела.
Холодом, прахом, сумраком плещут
страшные крылья вымершей птицы...
Города кромка. Пустошей плещи.
И не проснуться. И не проститься.

Старик

...Этот шаткий шаг при прямой спине
и замаявшийся воротник...
Плоскодонной лодкой на злой волне
по бульвару идёт старик.
Он гордится статью своих костей
и забытых женщин числом.
Он годится внукам чужих детей,
как верблюд или старый слон —
но не любит смех, и поборник схем,
и живёт, как велят врачи...
Он судья для всех, но на пользу всем
исключён из числа причин.
Он заснул грехи и счета закрыл.
Под неистовый стук часов
он с экранов цедит бразильский криль
через сивую ость усов.

...Этот серый день, этот день сырой
нахлобучил седой парик...
Бормоча порой, под морщин корой
по бульвару идёт старик.
Для него лучится с афиш Кобзон,
а с дешёвых листовок — вождь...
Он опять забыл в магазине зонт,
и поэтому будет дождь.

Нина Огнева (Нина Гуль)

Инициатор серии РРО СРП «32 ПОЛОСЫ», член редколлегии сетевого альманаха «45-я параллель». Автор 6-и поэтических сборников, публикаций в журналах «Ковчег», «Дети Ра» и др. Под псевдонимом Нина Гуль – автор 9-и познавательных книг, сатирических материалов в периодике.

* * *

Стоит в переулке глухая стена.
Средь ветхих строений видна — не видна.
Средь шатких заборов — из камня стена,
довольно высокая, впрочем.

Не то, чтобы очень, но кладка тесна,
и линия роста проста и ясна,
заката над ней розовеет десна,
и дикой гледичии росчерк.

Случалось, сюда забредёшь по весне,
в хозяйственной сумке нехитрая снедь —
по краткому списку. Чего уж краснеть —
последний полтинник потрачен.

Меж пней и колдобин подтаявший снег.
На вдохе мозжит, как в предутреннем сне
мозжит поясницу. А небо ясней,
чем в римских предместьях. Прозрачен

в оконных проёмах густеющий мрак —
к стене примыкает барак — не барак:
хоромы для ветра. Куражится враг
на слом обречённых скворечен.

Дерев содрогается мощный костяк,
стодавной афиши полощется стяг,
и вдох, припозднившись у вздоха в гостях,
как небо вечернее вечен.

Над траурным кружевом спутанных крон
теснит атмосферу невидимый фронт —
затихнет на миг переключка ворон
меж стручьими диких гледичий.

И загодя, ладясь к чреде похорон,
гребное плавсредство латает Харон:
байде нанесён неучтённый урон —
«Capisco, va bene...», — tu dici.

Пред взором и слухом бездонья стена,
стопу упреждая, пружинит плюсна:
к ледку покровному исподнего дна
тропинка — чем дале, тем круче.

Но мреет ущербной селены блесна —
бестрепетно входит в охоту весна.
Весьма плодоносны её ложесна
(и дикой гледичии стручья).

Ледком обрамлён покоробленный рант —
бора островная идёт на таран,
кружит в синеве присноалчущий вран
(и хищных неясителей стая).

Объят полутьмой горизонта шафран,
но линия роста — бездонья гарант:
восходит над гребнем планета Уран*,
в построчную кладку врастая.

* Уран астрологически — принцип, строящий и поддерживающий связи между частью и целым, между элементом и системой. Вестник нового уровня или новой сферы. Уран — покровитель Водолея.

* * *

Я на пасеке Божьей —
сортировщицей сот,
живо чувствую кожей
плоть восковых высот,
живо чувствую веком
рос непролитых вес —
стынет в рубище ветхом
благолепье небес.

Мне не счесть, не исчислить
тьмы огрузлых колод,
кружев танец речистый —
крыл немолкнущих лёт,
спят душистые травы,
и медвяно сладка
в обечайке оправы
позолота летка.

Но сторожкой тенью
недреманных ресниц
чую страх и смятенье
в перепевах цевниц,
живо чувствую жалом
наливного пера:
дымовейным пожарам
наступает пора...

Сортируя по крохам
всё, что впрок собрала,
живо чувствую вдохом
и касаньем крыла,
что ни так и ни этак
мне не минуть костра —
зажигательно меток
злойной нежити страх...

Мне не счесть и не взвесить
сухостойных снопов;
по дорогам и весям —
без колод, без оков;
путь медвяный итожа,
не насытишься впрок.
Я на пасеке Божьей —
сортировщицей строк.

* * *

Раньше, когда-то, тому назад
два или три года
у меня под окнами был сад,
как раз под теми, что жгли фасад
отраженьем солнечного восхода.

Там, заглушая всесилье гроз,
звон жестяного ската
вторил разгулу хмельных ос,
льющих шелка золотых полос
в отраженье солнечного заката.

Это было раньше. Теперь — не так:
глохну от злой звени я.
Корчится ухо затычке в такт,
стынет в глазнице зрачка пятак
отраженьем солнечного затмения.

И терзаю разум: зачем, кому
пожар моего дара?
Бьёт набат сапогом в корму,
жжёт озноб, воспаляя тьму
отраженьем солнечного удара.

И не скажешь: вот! это ты, и ты! —
Суд не моя утеха.
В рамах блажат конопли кусты,
strupом — осиновых ставен стык,
выдоха в горсть — эхо.

Всушь исторгаю из горьких зениц
каплю за каплей тени я.
Тьма окрест полегает ниц,
корчится в лёт под стопой зенит
отраженьем солнечного сплетения.

И терзаю душу: теперь куда? —
Страхом кровит оскал.
Жжёт неопалимый кусок льда
горечь губ, промолчавших «да»
отраженью кривых зеркал.

Анна Сироткина

Родилась в Москве, в 1977 году, где живёт и сейчас с мужем и сыном. Закончила Московский Педагогический Университет и некоторое время работала по специальности, теперь работает в сфере банковских услуг.

* * *

Ты закружил и заморочил,
Задел, запудрил, задарил,
Завёл, задвигался и замер...
И навсегда заполучил!

Я засмотрелась, затаилась,
Затанцевала, завелась,
И загорелась, и забылась,
Затосковала, заждалась...

Я от твоих звонков завишу,
Хоть ожидания не терплю.
Тебя за это ненавижу!!!
Но если б знал ты.. как люблю..

* * *

Не потерять, не сбыться, не сгореть,
Не взвыть от неуёмного желанья,
Не падать, потому что не лететь,
Нет предвкушенья, нет воспоминанья.

Сердца не ранить взглядами насквозь,
Не знать жестокой боли расставанья.
Вовек не вместе — никогда не врозь.
О, сколько плюсов у н е о б л а д а н ь я ...

Запойное

Я не могу цедить тебя по каплям,
Неспешно смаковать и морщить брови.
Хочу самозабвенно выпить залпом,
Тепло вбирая каждой клеткой крови.

Я буду утром мучиться похмельем,
Страдать, коря себя за безрассудство,
Но снова потянусь за крепким зельем,
Чтоб опьянеть от сладостного чувства.

Я вряд ли пожелаю исцелиться
От этого внезапного недуга.
Лишь для того нам стоило родиться,
Чтоб каждый день до капли пить друг друга.

Зимнее

Устав от суетного бега,
Соскучившись по тишине,
Ты будешь чистить двор от снега,
И может, думать обо мне...

Осветят всполохи зарницы
Волшебной ночи благодать...
А где-то сердце будет биться,
Тобой наученное
Ждать...

Ливень

Дождь не люблю
Моросящий, что робко
Скачет тихонько
По узеньким тропкам.

Ливень милее!
Неистовый, сильный,
Вольно бегущий
По улицам пыльным,

Щедро дарящий
Блестящие струи,
Жажду легко
Утоляя люблю!

Спрятаться где-то
Оставим попытки,
Чтобы промокнуть
До сердца, до нитки!

Чтобы стеной,
Так, что зонтик не нужен!
До пузырей
В растревоженных лужах!

Чтоб захотелось
Ему покориться,
Руки подставив,
Из неба напиток!

Чтоб по щекам!
И, смывая невзгоды,
Обескураживал
Страстью природы.

О Настасье Филипповне

Пытаясь вновь постигнуть суть,
Надеюсь вычитать в сюжете,
Что может мир перевернуть
Лицо на маленьком портрете.

В холодном взгляде нежность скрыта
И боль таится в льдинках слов.
Высокомерие — защита
От пошляков и подлецов.

Затерта истина до дыр,
Но мысль о том невольно гложет,
Что красота, спасая мир,
Себя порой спасти не может.

* * *

Наконец-то нам зимние сны
Дарят шапки заснеженных сосен!
Ты мудрей бесшабашной весны,
И честней, чем жеманная осень.

Забираешь былую тоску
Отпустив к небесам синеглазым,
Белоснежную сыплешь муку,
Льдинки слез превращая в алмазы.

Чтоб согрелся ты этой зимой,
Через вёрсты тебе улыбаюсь.
Ты меня называешь мечтой?
Так смотри — я сбываюсь! Сбы-ва-юсь...

Наталья Лайдинен

Родилась в Петрозаводске. Поэтесса, прозаик, журналист, член Союза писателей России. Автор двух поэтических сборников и восьми книг прозы, участник десятков коллективных сборников стихов. Лауреат нескольких международных премий. Путешественник, исследователь «мест силы». Выпускница МГИМО, кандидат социологических наук. Живет и работает в Москве, член Правления Карельского землячества.

В Интернете действует литературный сайт laidinen.ru, на котором собраны: Антология женской поэзии, стихи о море и стихи о Карелии.

Скандинавская сага

Я заблудилась в пещерах юга,
Вот только вышла опять в Асгарде.
Мне примеряли дар нибелунга,
Возили в лодке по синей глади.

Кивал ветвями знакомый ясень,
И Один руны в ладонях высек.
А я смеялась: не нужно власти,
Дай хоть немного любви — и смысла!

Все тайны мира — твои трофеи!
А у меня — искры ожерелья.
Я ускользаю путями Фрей,
Лови в волне мои отраженья!

Ветра с вершин заблудились в струнах,
Из облаков — голубая барка.
Куются копыта, поют колдуньи,
Зовёт все дальше звезда-собака.

Я сквозь тебя прорасту травой,
Сверкну зарницей багровоалой.
И ты однажды уйдешь, как воин,
Через столетья — назад в Валгаллу.

* * *

Когда будет чужое роздано
Или продано с молотка,
Я хотела бы жить у озера
В доме с окнами в облака,

Где открыты края небесные,
Очистителен шум дождя...
Точно храм был поставлен Нестором
Среди острова — без гвоздя!

Деревянная память зодчества!
Сруб как парусник на волнах!
Позабывтое одиночество
Горьким привкусом на губах.

Сколько воли — и сколько радости!
Сердце дальней струной звенит.
От младенчества шаг до старости:
Через тяжесть земли — в зенит!

Задохнуться сосновой свежестью,
Слово травам назад вернуть!
Горизонт над седой безбрежностью
Как зовущий к истокам путь.

О любви вспоминать не поздно ли,
Когда кистью ведет Лука?..
Я хотела бы жить у озера,
В доме с окнами в облака.

* * *

Сдвинуты даты, смешаны сроки,
Вектор меняется в сумрачном веке.
— Женщина станет новым пророком,
Скажет всю правду о человеке.

Словом коснется души напрямую,
Искрой любви даст рождение восходу.
Силу небесную, радость земную,
Мудрость Шехины подарит Народу.

Спустится с неба за ней колесница.
Проникновенно, огненно, строго
Женщина будет Богу молиться!
...Будет всегда услышана Богом.

* * *

Я твоя по крови племянница,
Испытаний прошлых наследница,
Под твоими чуткими пальцами
Оживаю арфой кельтскою.

Наплывает звездная музыка,
Воскресает звуками новыми!
Музы все в девичестве узнаны —
Голосят стволами кленовыми.

По душе журчит песня струнная,
Умножает страсти октавами,
Изливаясь ручьями, струями,
Полыхая ночными травами.

Тетива натянулась — к выстрелу!
Властный ветер играет кронами.
Мною ты, рунопевец, выстрадан,
Как тобою — арфа бессонная.

* * *

Строчки нижутся, как бисер.
Сумерки. Смотрю в окно.
Кто-то дальний бросил в выси
Бархатное полотно.

Ветер потревожил струнки,
Звуков расплелась канва,
В небе звездные рисунки
Засверкали, как слова,

Подчиняясь вечной власти
Во вселенском вечере,
Точно одинокий Мастер
Начал с бисером игру,

Заплетая в тихом трансе
Смысл слов и звездный свет...
Так и дышат в резонансе
И Создатель, и Поэт.

* * *

Все мы ищем свой путь и забытый исток,
Плоть от духа неотделима.
Как прабабка моя, я надену платок
И пойду по Иерусалиму.

Он стоит на холмах, город мой золотой.
Из холодного плена исхода,
Я вернулась назад, я вернулась домой,
К свету Бога и силе Народа.

Шли сюда через казни и концлагеря,
Тесноту поездов и паромов,
И спасала евреев, хранила Земля
От смертей и от новых погромов.

Память предков — высокий мучительный суд.
И когда-нибудь дети и внуки,
Пережив испытанья, в Израиль придут,
Чтоб сложить здесь молитвенно руки,

Встать у Храма, всю мудрость и горечь принять.
На чужбине тоска нестерпима!
В поколениях пылает на сердце печать:
Трудный путь до Иерусалима.

* * *

Все разлуки тебе простила
И ни в чем не хочу винить:
Ты из воинства Михаила —
Только голову преклонить

И коснуться легко ладоней,
Горько помнить губам их вкус.
Долги дни в одиноком доме,
За тебя у окна молюсь:

— Вы летите, слова, как стрелы!
Будет скоро повержен враг.
Защитите и дух, и тело
От скорбей и чужих атак.

Я не верю плохим приметам,
Лишь у сердца есть с небом связь.
Осени меня дальним светом,
Чтоб ты выжил, я — дождалась!

* * *

Тихою тайной лучусь в толпе,
Волны — поверх голов!
Мне захотелось послать тебе
Несколько нежных слов,

Ласковых, как московский закат,
Памятных и простых,
Пусть по морозным ветрам скользят,
Им не судьба — застыть!

Милый, любовь во всех языках
Пламенных — вне времен!
Пусть тебе в дальних чужих горах
Снится Иерихон,

Промысел Божий и дальний глас
Ангельских грозных труб,
Я посылаю в вечерний час
К небу — молитву губ;

С яростью львиной услышь, Навин,
Кто высоко воспет,
Ищет ли смысл в шальной крови
Мнимых, как смерть, побед?

* * *

Безоговорочно. Бессрочно.
В открытый космос. В глубину!
К ногам бросая оболочки,
Обезоруженный, шагнул.

Как в день небесного рожденья,
Душа взметнулась, обожгла.
И скорость нашего сближенья
Вернула к музыке тела.

Забуть о чуде невозможно:
Огонь творенья озарил!
Ты бьешься у меня под кожей.
Снаружи то, что изнутри...

Вячеслав Омский

Пишу стихи и рассказы. Печатался в районных и областных газетах, в журналах «Я такая» (Омск), «Иртышъ—Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), «Пражский Парнас» (Прага), «Острова» (Нью-Йорк), в альманахе «Новый Енисейский литератор» (Красноярск). Изданы книги: «Из века в век» (2007 г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.). В настоящее время – заместитель главного редактора Международной литературно-публицистической газеты «Интеллигент» (Санкт-Петербург, Москва, USA)

Кологрив

Стоят задумчиво и строго,
Судьбу пытая, дерева.
Там изумрудная дорога,
Росой умытая трава.

В лесные чащи, зверем полны,
Ведут Кашеевы следы.
Воздушных масс цветные волны,
Порядком строятся в ряды.

Там ходят тёплые туманы,
В реке купается рассвет,
Цветы в лугах от солнца пьяны,
В точь повторяют радуг цвет.

Там облака гуляют низко,
Дожди косые бьют в лицо,
Там рядом была и небыль близко,
Судьба упрятана в яйцо.

Емеля там права качает,
На печке вдоль и поперёк,
Царевна в нём души не чаёт,
А щука им даёт урок.

Там ягод спелые куртины,
Грибных полян чудной узор,
Там с воеводою дружины
Несут исправно свой дозор.

Из дальних стран вернулся в бурке,
Достойно справился с бедой,
Иван-дурак на Сивке-Бурке,
С живой и мёртвою водой.

Там от безделья леший чахнет,
Летает в ступе с варнаком,
К полудню зной там мёдом пахнет,
А вечер пахнет молоком.

Там звёзды падают в болота,
Озёра прячут лунный свет,
Там Берендеева забота:
Костры горят и...горя нет.

Там в теремах смеются девы,
Готовясь в шумный хоровод,
Родные русские напевы
Слышны там всюду круглый год.

Свои начала царь-природа,
Хранит любя, не устаёт,
Там корни русского народа,
Там сказка русская живёт!..

* * *

Памяти А.П.Кутилова

Не жалейте
бронзы
для поэта,
И гранита
тоже
не жалейте,
Эхо подвига —
признание,
как это,
Падает
единожды
в столетье...

Где эпоха?

Мы все здесь пишем понемногу,
О том, о сём, порой неплохо,
Но где эпоха?!

Где наших будней перезвон?
Где наши беды и тревоги?
Куда ведут нас наши «боги»,
И не послать ли нам их вон?!

Колыбельная песня

(внучкам)

Летний дождик стучит,
Сладкий сон навевая.
Для тебя я спою,
Для тебя я.

Баю-баю-баю,
Баю-баю, бай-бай,
Засыпай, моя радость,
Поскорей засыпай.

Город замер, молчит,
Твой покой охраняя,
Спи родная моя,
Спи родная.

Баю-баю-баю,
Баю-баю, бай-бай,
Засыпай, моя радость,
Поскорей засыпай.

Солнца лучик бежит,
Тёплым светом играя,
Для тебя я пою,
Для тебя я.

Баю-баю-баю,
Баю-баю, бай-бай,
Засыпай, моя радость,
Поскорей засыпай.

Теория относительности

“...мертва теория, Вам это не обидно?
Нет пользы в ней, ведь это очевидно!

Как будет в двух словах?..” — спросила королева.
Ответ профессор дал предельно смело.

Эйнштейн (а это он) находчивый был малый
И юмором богат премного:

“..три волоса на голове, пожалуй, мало,
А то же в супе — будет много!..”

Эйнштейн на скрипочке играл,
Смех королеву разбирал!..

Берлайзик говорил...

*По мотивам рассказов
Шолом Алейхема*

Молва на пасху издали пришла:
«Кому-то благодатью снизошла...»

Случайно, нет ли, выйдя на причал,
Иван Наума мирно повстречал.

Не просто так, а взял перекрестил,
Стал целовать и громко возвестил:

«Христос воскрес! Воистину воскрес!» —
Взлетел тот крик, как сокол до небес!

Наум затих. Стоит, слова жуёт:
«Сказать, чтоб да, так вера не даёт,

Сказать, чтоб нет?! Так что уж тут гадать,
Как дважды два, и в морду могут дать,

А то и хуже — мордой о причал...»
Наум вздохнул и громко закричал:

«Воистину воскрес!.. Чуть не забыл,
Об этом мне Берлайзик* говорил...»

Порой простое в жизни так нас озадачит,
Что сложное потом ничто уже не значит!

** Берлайзик - известный враль. Персонаж из
рассказов Шолом Алейхема*

Александрю Пушкину

Поэту и мыслителю

Со всеми ты на равных говорил,
Ты всех обнял, как будто ты Мессия,
Я славлю век, в котором ты творил,
Отчизну славлю, что зовут Россия!..

Валерию Ободзинскому

Соловей мой, соловушка,
Бедовать тебе вновь,
Опустилась головушка,
Не споёшь про любовь...

Всё не так, как хотелось,
Жизнь нескладно пошла,
Колесом завертелась
И себя не нашла.

Съел мечты и желания
Чёрной зависти дым,
Сквозь пучину страдания
Ты ушёл молодым.

В нашей жизни не ново:
Пошумел да в музей.
Как красивое слово
Мы теряем друзей.

Не от бурь, не от замяти,
Боль свою проглотив,
В узелках моей памяти
Неотступный мотив...

Ты по-прежнему молод,
Льёт с небес бирюза
Твой чарующий голос
И...напротив глаза!..

Екатерина Асмус

Родилась в СПб, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник – модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник-постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист. Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

* * *

Мне хочется с тобой поговорить.
Не на людях. А в тишине, спокойно.
В уединении от знакомых лиц,
Приветствий, объяснений недостойных.

Мне хочется с тобой поговорить,
Чтоб ясным было слово диалога.
“Как ты живешь? Что думаешь?” – спросить.
“Когда в последний раз ты слышал Бога?”

“Как там погода? Пишешь ли стихи?
Или украдкой по ночам играешь
В компьютерные игры?”
Ты прости... Такой вопрос, наверно – против правил!

Мне хочется с тобой поговорить.
Неспешно. Не скрываясь и не ссорясь.
Так, узелком, разорванную нить
Связать швея старается на совесть.

Мне хочется с тобой поговорить...

* * *

Прости меня, любимый город.
В грязи, руинах и снегу
Ты мне всегда предельно дорог.
Твой светлый образ берегу
И в дальних странах, и в болезни,
Когда уныньем сломлен дух,
Я вспоминаю ветра песни
И теплый тополиный пух.
Парад дворцов, мосты литые,
Каналов спутанную сеть,
Соборов купола златые
И шпилей острых в небе медь.
Державный блеск былой столицы
Твои дома еще хранят.

Но сила каменной десницы ослабла.
Нет пути назад.
Зов Командора нам не слышен,
А в бывшей роскоши палат
Тихонько шебуршают мыши,
И нет замков у царских врат.
Мелькнет лицо дворянской стати
Среди заносчивой толпы
Лишь на секунду.
Дождь и слякоть вмиг слижут
Чуждые следы.

И все. В изгнание было слово
Заступничества и любви.
Остался лед, зимы оковы
И отблеск подвигов твоих.

Прости меня, любимый город!
Я, память прошлого храня,
Ничто – ни делом и ни словом –
Не в силах сделать для тебя!

* * *

На канале, у проруби,
Словно семечки, утки рассыпались по снегу
белому.
Рядом топчутся голуби,
Оскользаясь по обледенелому краю волны.
А один – на буханке стоит,
Как орел над своею добычею.
Оборону держа от своих же собратьев пернатых,
Совсем непривычную,
По масштабам делимого счастья.
Но власти
Хватит ему ненадолго, конечно.
Расклюют пьедестал –
Станет голубь – лишь голубь.
Как прежде.

США

Вера Зубарева

Доктор филологических наук, писатель, литературовед. Главный редактор журнала «Гостиная». Президент литературного объединения ОРПИТА. Первый сборник стихов, «Аура», вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991). Лауреат международных литературных премий, в том числе, Муниципальной премии им. Паустовского. Преподаёт чеховскую комедию и искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах в Пенсильванском университете.

ДЫХАНИЕ СНЕГА

Новый год подступает ко мне,
Словно к горлу колючий комок.
И со мною почти наравне
Опечален рождественский Бог.
Никакого не нужно тепла,
Никакого не нужно стола.
Если б мне хоть немного свободы,
Я б в лесу эту ночь проспала
Среди белых гигантских ветвей
Или, может быть, возле корней.
Как медведица или как птица.
Это было бы лесу видней.
А наутро пришла бы к тебе —
Ничего б не случилось со мной.
И опять как ни в чём не бывало,
Я бы стала твоею женой.

* * *

Мы смотрели друг в друга. «Зима скоро», —
Ты сказал негромко. Всё обмерло.
Вечерело. К концу разговора
Замёрзло лебединое озеро.
«Мало ли, что ещё может присниться!», —

Сказал ты и растворился в складках ума.
Я открыла глаза, и какая-то птица
Плакала о том, что наступила зима.

* * *

Наступила зима —
так резко, как холод ответа
На вопрос, который настало время задать.
И избыток тепла
перешёл в изобилие света,
А неровности сбитой земли —
в ледянистую гладь.
Можно только зажмуриться
в этом пронзительно-белом
Полувремени,
полупространстве молчания льдов.
Снеговик разлетелся,
и стал космическим телом
Его стёсанный выюгами
шарообразный остов.
И исчезли черты,
и прикрылся ладонью во сне ты,
Словно там ослепил идеальный его монолит.
А я думала: «Так превращаются люди в планеты,
Если выбились вдруг за пределы земных орбит».

ЗАНОС

Вы любили меня —
До прихода друзей, до расспросов.
Вы любили меня
В глубине этих снежных заносов,
В глубине,
Где окно залепило и вход, и площадку,
И где многое было
Вопреки не любви, но порядку.
Вы любили меня —
Не прослушав ни строчки, ни слова.
Вы любили меня —
Ни хорошего в том, ни худого.
Был ваш замысел прост,
И любовь — в незатейливой роли:
Словно снежный занос,
Потому что — февраль. И не боле.

* * *

Ты мне был предначертан.
Он мне был наворожен.
Ты пришёл ко мне с ветром.
След его запорошен.
На дороге метельной
Оба вы повстречались,
В кутерьме карусельной
Ослеплённо промчались.
И у самого края —
У порога седого —
Ты, ему уступая,
Заповедал мне Слово,
Заповедал мне Слово
Колдовское, литое.
С милым будет всё снова.
Всё, что ново — с тобою.

* * *

*Людмиле Шарга
«...У нас метель...»
Из переписки*

Как я хочу в твою метель!
Там то ли вьётся, то ли сниться
Разорванная в снег страница —
Раздумья облачных недель...
Здесь — только лампа и луна
Во всём большом квадрате ночи.
Я думаю, что я одна.
Ты думаешь, что ты одна,
И сумма наших одиночеств
Кому-то третьему видна.
А улица стремится вверх...
А может быть, мы просто смотрим
Туда. И скрытых звёзд акроним
Приходит к нам сквозь ночь и снег.
И сумма одиночеств — в нём,
И жизнь, что скачет по синкопам.
И думаем мы об одном,
И смотрит в вечность астроном
Несовершенным телескопом.

ОБЛЕДЕНЕНИЕ

Там город за окном — обледеневший, чёрный,
Как пращур городов цветущих и живых.
Зачёркивает тьму
Над тяжкой снежной кроной
Искрящих проводов молниеносный штрих.
Я слушаю, как всё
Ломается и стонет,
Как будто стала смерть
Немыслимым трудом,
Как будто город — миф,
А ночь — рубеж историй,
А свитком буду я,
А манускриптом — дом.
Скрипит какой-то ствол,
Отторгнутый корнями.
Он пал — как человек,
Хотя и рос — как ствол.
И что за новый смысл
Открылся в этой драме?
И был ли в этом смысл
Иль только — произвол?

* * *

Могу ли я противиться судьбе,
Когда хитросплетенья перекрёстков,
Мысль архитектора и суть его набросков —
Всё в городе направлено к тебе?
Ты даже сам не ведаешь, в каком
Клубке случайностей заверчен и запутан
Внезапный путь к тебе, что по минутам
Размечен в подсознании моём.
И не сосредоточиться вовек,
Чтоб обойти однажды стороною
Дом, вписанный в особо белый снег
С его игрой подчёркнуто двойною, -
Твой дом, где нам с тобой до остроты,
Ежeminутно, без причин, в избытке
Необходимо быть и быть на “ты”,
Забыв приличий прошлые попытки.

* * *

Это было искушением.
Знаешь, как он говорил,
Как невидимым движеньем
Дверь тугую отворил,
Как рассказывал о друге,
О неведомой любви.
Как запели чисто выюги,
Словно к ночи — соловьи!

Было сумрачно и снежно,
Льдом посверкивал порог.
Кто-то обнял властно, нежно
И в другую жизнь повлёл.
Я ушла за незнакомым,
За незнаемым, иным,
Не простившись даже с домом,
По дорогам ледяным.

Михаил Этельзон

Родился в 1959 г. в Виннице. С 1977 по 1989 учился и работал в Ленинграде. Окончил Ленинградский политехнический институт и Московский институт патентной экспертизы. Печатался в многочисленных периодических изданиях в России, Канаде, Англии и США. Автор двух книг: «Соло» (Нью-Йорк, «Слово/Word», 2006 г.) и «Под Созвездием Рака» (Санкт-Петербург, «Европейский Дом», 2006 г.). В настоящее время живёт в Нью-Йорке.

* * *

Я видел двор, где сломаны качели,
песочница разбита и пуста,
останки заржавевшей карусели,
от горки детской — только пьедестал.
Но шум весёлый слышался над этим,
напоминая жуткое кино...
Казалось, навсегда исчезли дети,
а взрослые, пропажи не заметив,
играли увлечённо в домино.

Выходной

И. Лейкиной

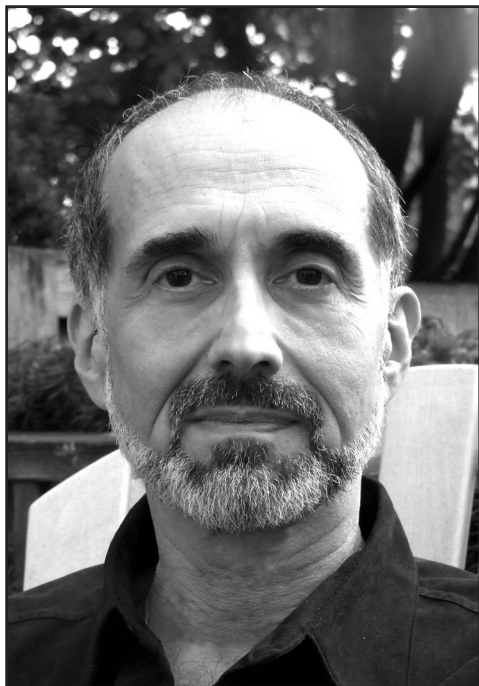
И всё-таки, как ни крути,
не вырвать себя из рутин:
из тины, из тлена, из буден...
Исчерпаны тысячи тем,
и эта закончится тем:
запишем, зачтём и забудем.
Ну вот, воскресенье... и дождь.
Смотри за окно и итожь,
в уме пересчитывай годы.
А утром работа опять,
и ставишь будильник на пять,
во сне догоняешь вагоны.
Вокруг полутёмный тоннель
и тени друзей на стене:
и Женя, и Жора, и Вовка;
и свет после тьмы за спиной,
и выход — ну да — выходной,
вернее, в пути остановка.
Ещё не твоя, не твоя,
и ты продолжаешь вояж,
закован в газеты, как в латы.
Конечная... Будит сосед.
Проснёшься — и болен, и сед —
и ищешь навверх эскалатор.
И что выбирать тебе из —
везут они вниз, только вниз...
а вверх — не работают оба.
Ты думаешь, зря я — пройдёт,
и этот поднялся, и тот...
Так я ведь не против — попробуй...

Манхэттен

Как допотопный ящер,
внушая миру страх,
уверенно стоящий
на лапищах-мостах,
вцепившийся в соседей —
Нью-Джерси, Бруклин, Квинс,
сквозь уличные сети
смотрящий в даль и высь,
шипами небоскрёбов
распугивая птиц,
кроя небес утробу
и облачный батист,
шипящий и ревущий,
на то и остров — остр,
на части часто рвущий
людские души — монстр;
запретный и заветный
и плод, и дикий зверь —
на въезде в заповедник
народов, рас и вер.

Вдруг

Делая шаг вперёд,
руку подав навстречу,
приоткрывая рот
и закрывая речью,
думая и смеясь,
плача и негодуя,
слов набирая вязь
сложную и простую,
смело кидаясь в бой
бронзовым и гранитным —
памятником над собой,
вдруг замечаешь нити...
Тянутся с высоты
даже в грудную клетку...
Вдруг понимаешь: ты —
кукла, марионетка.

Семён Каминский

Прозаик, журналист, член Международной федерации русских писателей и Объединения русских литераторов Америки. Родился в 1954 году в городе Днепрпетровске. Образование высшее техническое и среднее музыкальное. В настоящее время живёт в Чикаго. Публикуется в периодических изданиях разных стран, в том числе в журналах «День и ночь», «Северная Аврора», «LiteraruS», «Сура», «Ковчег», «Время и место», «Edita», «Веси» и многих других. Автор книг «Орлёнок на американском газоне» и «На троих». Редактор-составитель литературного раздела еженедельника «Обзор» (Чикаго), член редколлегии газеты «Наша Канада» (Торонто).

Ангелы по пять

Теперь в такие магазины я заглядываю нечасто. Последний раз это было, пожалуй, лет десять тому назад.

Когда приезжаешь без особых сбережений жить в чужую страну, сначала вынужден что-то покупать в комиссионных магазинах Армии Спасения. Если не одежду, то, по крайней мере, домашнюю утварь, может, что-то из мебели... Потом, когда есть хорошая работа, свой дом и возможность купить новое, в такие места заходишь с опаской: будто где-то здесь, среди длинных рядов с одеждой, стеллажей с разнокалиберными чашками и вазочками, плохими и неплохими картинами, стульями, столами, диванами и лежалым запахом могут встретиться давнишние эмигрантские страхи или ненужные воспоминания. Да и зачем сюда заходить?

Я хотел попасть в соседний ресторанчик, перекусить, но дёрнул не ту дверь. И когда пожилая женщина за кассой так приветливо улыбнулась мне и сказала «Хэлло!», сразу уйти стало как-то неудобно. Я потащился вдоль рядов, вяло разглядывая всякое барахло и обходя редких покупателей.

Следом за мной, вместе с очередным звяканьем дверного колокольчика, в комиссионке оказались ещё посетители, видимо, тоже перепутали двери. Я оглянулся – дама в большой светлой шубе громко зашипела на своего спутника по-русски:

– Идём отсюда, тут такой запах...

– Обожди, дай я быстро гляну на картины, тут может быть что-то...

Я повернул за угол стеллажа.

Здесь, в картонных ящиках, обнаружили целые горы виниловых пластинок. Некоторые из них – хорошо сохранившиеся и даже запечатанные в полиэтиленовую пленку. Джаз, соул, очень много сборников к Рождеству. Вон натужно улыбается Донни Осмонд, выглянул из-под другого конверта маленький носик Барбары Стрейзанд, этих я не знаю, этого тоже, Тина Тёрнер, опять Рождество, немножко древнего, забытого рока... А вот-вот... хитро ухмыльнулся старый знакомец – бородатый мужичок с тёмной заплатой на грязных штанах, согнувшийся под вязанкой хвороста на обложке четвёртого альбома «Лед Зеппелин». И обложка, и диск – как новенькие... чудеса! Это ведь 1971.

There's a lady who's sure

All that glitters is gold

And she's buying a stairway to heaven...

– Фу, не трогай, бог знает, кто этого касался!

Объявление рядом сообщило, что все диски – по 50 центов. Боже мой, в одной далёкой стране семидесятых годов такой диск стоил моей месячной зарплаты молодого инженера! У меня давно уже нет проигрывателя... здесь у меня никогда не было проигрывателя, только CD-плеер. Какой блаженный будет внимать сейчас этому шипящему волшебству прошлого века?..

– А кошки – ничего... и пейзажик мы можем подарить твоей маме...

Я бережно взял конверт и двинулся дальше.

Почти у самой кассы была составлена горка из небольших одинаковых голубоватых коробок. Что-то уценённое, не распроданное в прошлый, а может, и в позапрошлый год, в других, дорогих магазинах, торгующих новыми товарами. Сверху на коробках – картонка с крупной надписью фломастером:

АНГЕЛЫ

5 долларов за штуку

Открыв одну из коробок, я достал миляшку ангелочка, сделанного из приятной на ощупь, шершавой, чем-то похожей на резину керамики, раскрашенной в лёгкие пастельные тона. Он был немного меньше моей ладони, в курточке, штанах и кепке – этаким Гаврош с крыльями. «Сделано в Китае» – утверждала гордая крупная золотистая наклейка у него на задку, под крыльями... что ж, действительно, сделано в Поднебесной...

– Я хочу таких... штук пять, – изрекла за моей спиной всё та же светлая шуба, – поторгуйся с ними! Пригодится на подарки.

Я неожиданно решил не отдавать этого попавшего мне в руки и, признаться, совершенно ненужного мне глупенького ангелочка. Я продолжал внимательно изучать его, пока они отбирали других, торговались, платили за покупки, и повернулся к кассе только по сигналу колокольчика.

Эта женщина уверена:

Всё, что блесит, – золото.

И она покупает лестницу в небо.

И даже если все магазины закрыты,

Она, зная нужное слово,

Сможет получить то, за чем пришла.

И она покупает лестницу в небо.

Я вышел на холодный воздух: теперь у меня есть ангел за пять долларов и лестница в небо за 50 центов.

Неплохо для начала.

Или, вернее, для конца.

Андрей Грицман

Поэт, эссеист, главный редактор международного журнала поэзии "ИНТЕРПОЭЗИЯ". Родился в 1947 г. в Москве, окончил 1-й Медицинский ин-т. Автор нескольких книг стихов и прозы. Пишет по-русски и по-английски. С 1981 г. живёт в США, в Нью-Йорке, работает врачом.

Кладбище

В излучине у крепнувшей Невы,
на развороте северного неба,
в наклоне петербургской головы
уснувшие сановники-столпы,
служители померкнувшего Феба,
учёные лишившиеся хлеба,
и ссыльные, хлебнувшие хулы,
отпившие запретного вина.

Быть может на граните имена
кому-то скажут через годы тленья
сквозила связь, и за провалом дней,
лишенное эпических камней,
осталось где-то наше поколение.

* * *

И он узнал, что смерть не пустота,
не одиночество, а негатив былого,
хранящий только общие места,
после того, как сказанное слово
покинуло холодные уста.

* * *

Косматый сумрак лёг в долину,
повисла красная луна,
погасла ясная страна
и спит уже наполовину.

Страннее очертанья гор,
туманнее холмов рельефы.
Как будто призрачные нефы
открыл невидимый собор.

Пролив пылающий раствор
погасло дневное светило.
А больше света не хватило,
и сразу шире стал обзор.

Легла в долину тишина,
вернее сразу как-то пала,
а ты вздохнула и сказала:
когда-то здесь была война.

Перебирая имена,
ты говоришь о том, что будет.
И кто же ближнего осудит,
когда на всех одна вина.

И только медленный прибой
расскажет плещущие были.
Ты скажешь: хорошо с тобой.
Ты вспомнишь: молоды мы были.

Сказка про Белоснежку и семь гномов

Росла Белоснежка в покое и неге,
и видела счастье в искрящемся снеге,
в замедленном беге лучей по стене
сквозь стекла в высоком стрельчатом окне.
А чтобы она веселее жила,
в подарок ей гномов судьба привела.

Семь раз просыпался звенящий ручей,
семь раз колебался огонь у свечей,
семь минуло вёсен и столько же зим,
и гномы пропали, один за другим.

У первого — нервы. Остался второй.
Он дымом растаял осенней порой.
А третий пустился по свету бродить,
и мне говорили, что начал он пить.
Четвёртый не мёртвый, четвёртый живой,
но где-то трясёт он своей головой.
Сидит над страницей в шапочке чёрной,
трясёт головой и клюёт свои зёрна,
а Пятый — распятый. Остался шестой.
От сердца он пьёт маслянистый настой,
и твёрдо он знает, что будет седьмой,
но тоже по свету уйдёт он с сумой...

* * *

Паденье в сон — в себя паденье,
на дно своих зеркальных глаз.
Там предъявляет отраженье
лик перевёрнутый анфас,
условность слабых очертаний,
безволие ушедших дней,
безмолвие, что не длинней
пути несбыточных желаний,
в болотной зыбкости огней
волнистость силуэтов женщин,
имеющих одно лицо...

Кольцо всё уже,
красок меньше.
И ты уже перед концом
распят на скате полушарья,
и леденя вначале грудь,
холодный луч во тьме нашарит
сомнамбулический свой путь.
Он безошибочно нацелит в висок —
серебряный клинок,
замедлится у самой цели.

Но просветляется восток.
Рассвет озеленит портьеры,
за окнами — снега, дома,
непробуждённая зима —
существования химера...

Акварель

Мне так хотелось акварели,
её прозрачной глубины.
Она как перелив свирели
из светлого окна стены.

Я красок взял побольше, разных.
Я был и счастлив, и измазан!
Я наносил и наносил
голубовато, розовато.
И дождь красиво моросил,
и снег ложился комковато.
И между тучами, в оконце,
желтело розовое солнце.
Но лица, лица были странны,
Так неестественны, туманны,
безглазы, губы их шептали
полуоборванные фразы.
Они просили и просили,
почти беззвучно, глуховато,
а дождь красиво моросил,
и снег ложился синевато.

Я уголь взял. Я взял белил.
И взял я темперы и масла.
Я снег смешал, и дождь я слил,
и солнце желтое погасло!
Я уголь взял. Я штрих нанёс,
добавил масла густоты —
кричали губы, неся крик
из массы спутанных волос
на срыве страшной пустоты.
Из темного окна стены
в упор глаза в меня смотрели
с укором боли и вины.
А мне хотелось акварели.

* * *

Лишь боковая ветвь,
Сегмент хвостатых эволюций
На циферблате лет — момент.
Прохожий у истока улиц,
Случайно завернув в тупик,
Присев на пыль, раскрыв суму,
Остаток хлеба преломив,
Вы обнаружите луну.
В осколке битого стекла
Она трепещет и течёт.
Стекло возьмите. Не расчёт,
А просто память о луне.
Среди заборов, лопухов,
Пустого дома сгнивший кров
И свет, мелькающий в окне.
Смеркается вполне, и сух
Скрип половиц. Усталый слух
Определяет в тишине
Гортанный разговор машин,
Дрожащий город у реки.
Вы уходите налегке,
Но, прихоти поверив странной,
Вы не забудьте захватить
Осколок битого стекла,
Где отражённая луна
Ещё трепещет и течёт.

* * *

За Вологдой, в тиши лесов,
Молочным озером под елью —
оазис северной деревни
с гостеприимством сонных псов.
И сонность, и остроконечность,
колонность сосен, лень берёз,
и будущий сухой мороз,
и беспощадный, и беспечный...

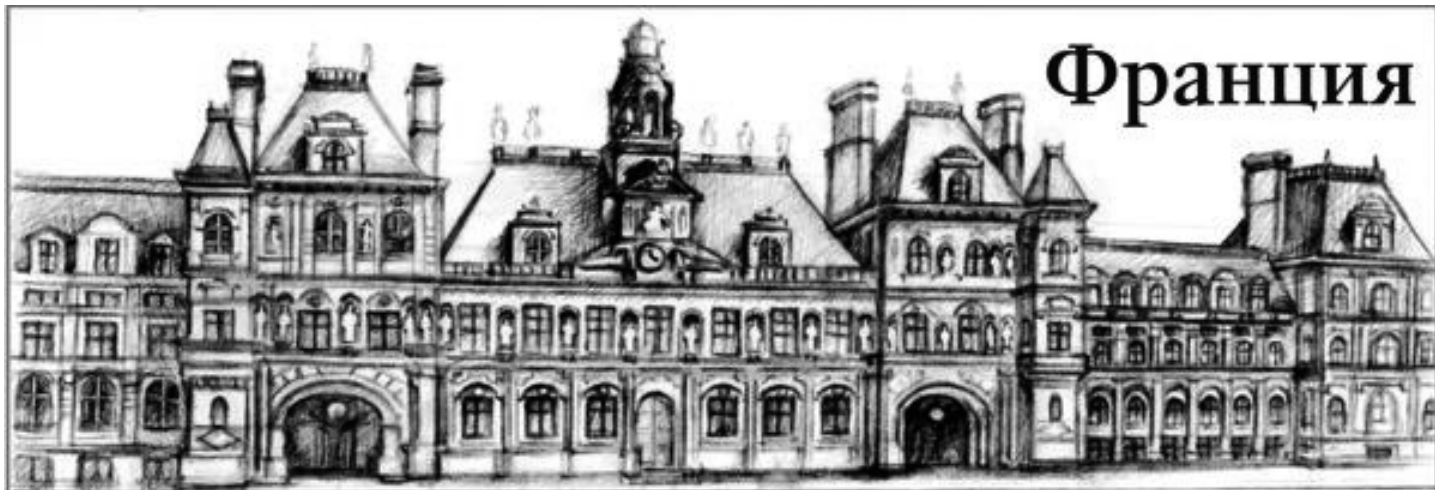
И белый белозёрский блеск
в окаменевшем отражанье.
И мир, и монастырь, и лес
в никонианском искаженье.
И в воздухе — сгущённый дух
На хвойных потемневших смолах,
как еле уловимый слух
о дымной горечи раскола...

И сети в рыбьей суете,
и солнце в пёстрой чешуе,
в холодной глубине пространства,
в лазоревом непостоянстве,
в дионисийской высоте.

И шёпот из последних сил
в глухой мохнатости приречной,
мерцающая бесконечность
необозначенных могил.

* * *

На лепестках рисунков Хокусаи,
в твоём лице,
в изменчивости брызг
застенчивости линия косая.
И посмотреть — необозримый риск.
И дальний бриз летит от океана,
Застыв прикосновеньем на губах.
Из широко раскрытого окна
аллея холодна и голуба.
И солнца ещё нет,
но не видна луна.
Её в пруду поймала обезьяна.

Ларисса Андерсен

Ларисса Николаевна была гостем нашего августовского номера 2011 года.

Родилась в Хабаровске. Поэтесса и танцовщица восточной ветви русского зарубежья. В 1922г. из Владивостока отправилась в эмиграцию: сначала в Китай, а после во Францию. Была знакома со Святославом Рерихом, Всеволодом Н. Ивановым, Арсением Несмеловым, Ириной Одоевцевой... Её поэзию Александр Вертинский называл «Божьей Милостью талантом». В 2006 году в России вышел наиболее полный сборник её стихов, воспоминаний и писем «Одна на мосту».

* * *

Я думала, Россия — это книжки.
 Всё то, что мы учили наизусть.
 А также борщ, блины, пирог, коврижки
 И тихих песен ласковая грусть.
 И купола. И тёмные иконы.
 И светлой Пасхи колокольный звон.
 И эти потускневшие погоны,
 Что мой отец припрятал у икон.
 Всё дальше в быль, в туман со стариками.
 Под стук часов и траурных колёс.
 Россия — вздох.
 Россия — в горле камень.
 Россия — горечь безутешных слёз.

* * *

Пьяная, жестокая, шальная,
 Истерзанная, бедная, больная
 Моя страна, которой я не вижу —
 Как я люблю тебя!
 Как ненавижу...

* * *

Я едва пробиваюсь тропинкою узкой
 Меж полями пшеницы, пшеницы французской.
 Как в России, синеют, смеясь, васильки.
 Васильки васильками, друзья далеки!
 Если правда, что можно летать после смерти,
 Просто так — обо всём позаботятся черти, —
 Ни билетов, ни виз.
 То куда бы сперва.
 Закружится, боюсь,
 У чертей голова.
 Так всех нас разметало по белому свету,
 Что не хватит бумаги заполнить анкету.
 На Харбин? На Шанхай?
 На Мадрас? На Джибути?
 На Сайгон, на Таити.
 Москву не забудьте.
 Сидней, Рио, Гонконг,
 Сан-Франциско, Канаду,
 Тель-Авив, Парагвай и в Полтаву мне надо!
 И ещё... Соловки, Колыму, Магадан.
 На метле? Я готова!
 Тащи чемодан.

ФИНЛЯНДИЯ

Елена Лапина-Балк

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Ленинградский Институт Точной Механики и Оптики, факультет «Квантовой физики», и одновременно – отделение журналистики ФОР. В настоящее время живет в Хельсинки. Член финского ПЕН-клуба. Составитель, редактор-составитель альманаха «Иные берега» 2002-2006гг, г. Хельсинки. Руководитель международной творческой ассоциации «Taivas». Руководитель проекта литературного альманаха русскоязычной мировой диаспоры «Под небом единым». Член редакционной коллегии антологии «Небо без границ».

Цхинвальские зарисовки

*В стиле хайбун**

Ираклий стоял посреди дороги, не зная, куда ему идти – просто он опять ничего не помнил...

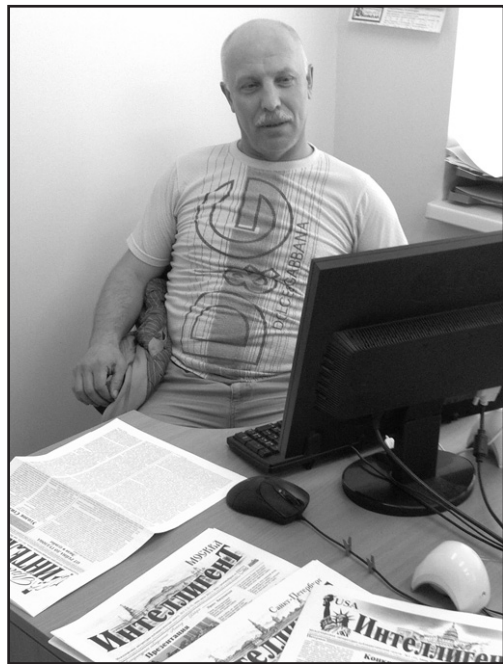
Последнее время такое случалось часто: выходил из дома, а куда идти или возвращаться, уже не мог вспомнить. Вот и сейчас, еле передвигая ноги (он почему-то был в домашних тапках) делал несколько шагов вперед, поворачивался на 180 градусов и опять несколько шагов вперед... а вокруг люди... люди. Ему вспомнилось: старики, женщины, дети... и он мальчишка – все медленно идут по дороге, заполненной раскуроченными грузовиками, танками... Но тогда была война, врагами были немцы, а что сейчас? кто враги? и почему стреляют?

Подошла девочка лет пяти, взяла в свои маленькие ладошки сухую руку Ираклия, прижалась к ней влажной щекой: «Ты кто, ты тоже потерялся..., а я маму потеряла, пошли вместе, я не буду плакать, честное слово». А ещё она достала из кармашка платяца печенинку и протянула ему, Ираклию, со словами: «И ты не плачь... мы обязательно найдёмся».

И они пошли вместе со всеми на север.

пути в никуда
случайно пересеклись
у разных жизней

«Хайбун» – небольшое прозаическое произведение, нередко заканчивающееся трёхстишием.

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р. Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р. Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу – Хау) За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входит в редколлегию Американского журнала «Острова/Islands», Очень оригинальный у Сергея художественный стиль картин, который несет в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же емкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах. На данный момент, как учредитель, активно занимается продвижением медийной группы международных изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт - Петербург, Нью-Йорк). За данный проект удостоен «Золотого Пера Руси» в 2011 году в номинации – Коммуникации. В 2012 году был удостоен ордена «Трудовая доблесть России» второй степени, за вклад интеллигенции в развитие Культуры.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ

Лицевая обложка нашего журнала – это коллаж, который символически подводит читателя к тому, что основная масса материалов этого номера будет от русскоязычных авторов – эмигрантов. (автор коллажа - Сергей Истомина)

На обложке, которая завершает наше издание, представлены работы Юрия Топунова, по мотивам рассказа Булгакова «Мастер и Маргарита» (рисунки №1 и №4). Такая техника писания изображений относится к иллюстрациям. Многим эта техника известна с детства, т. к. многие детские книги состоят из иллюстраций. Художественные иллюстрации, визуальное или наглядно объясняют тексты, хотя я это еще называю, что – то связанное с сопровождением к текстам или же передача образных видений, которые могут формироваться от различных источников информации и уже отображаться либо в букварные картины, либо в духовные.

Юрий Топунов обладает прекрасным даром иллюстрации, как из текстовой информации уже формирует образы, притом владеет хорошим уровнем исполнения, в чем вы можете сами убедиться.

Стиль рисования моих работ (соответственно рисунки №2 и №3), кажется очень пространным, но его тоже можно отнести к иллюстрации видений или текстов, но не букварного, а именно духовного свойства. Эту технику писания, часто путают с разными мистическими изображениями, которые сейчас довольно часто встречаются у разных авторов. Чем же отличаются мои личные толкования духовных текстов и в тоже время писание их образными чертами, от толкования духовных текстов и изображения другими?

РОЛЬ ВДОХНОВЕНИЯ В КОСМОГОНИИ

(Итог исследования)

Прежде всего, Духовное – это в большей степени не букварное, притом как в передаче, так и в представлении таких работ или видений. При этом именно поэт или сказатель, который использует метафоры, притчи, аллегории, символизм и есть духовный человек, а не толпы верующих фанатиков и таких же служителей культов различного верования! Фанатики служители и их адепты, да и их такие же предвзятые критики, такие работы представляют букварно или неверно, притом именно их неверные представления вдохновенных текстов, они почему-то считают веками неизблемыми? Я считаю, что надо четко различать и не смешивать сложившуюся уже классическую науку, от культов верований. Притом у верующих в культы, часто встречаются предрассудки в понимании таких текстов, точнее нет понимания так такого. Ритуалы, театральные или вертепные их повторения сюжетов, обрядности, спиритические молитвы и прочее, т. е. такая мнимая или притворная вера, по моему убеждению, не может относиться к истинной вере и тем более к вдохновению. Люди, отрицающие

эти предания как реальные факты, часто ведь исходят тоже из такой же фанатичной буквы текста, что не дает им подойти к текстам вдохновенно и именно принять духовные соотношения на признаках добра и зла.

Сейчас стало модно пытаться объединить вдохновенные тексты с научными якобы фактами, а это полная чушь и глупость, именно отход от фанатичного культа верования приводит к научным открытиям, а серьезное воспитание, что есть плохое и хорошее, при выборе именно добросовестного и дает собирать хорошие духовные плоды. То есть фанатики, верующие в букву и не понимающие тексты духовных преданий, не могут признавать то, что как им кажется, противоречит этим писаниям. Так же и ученые, которые почему – то опираться начинают на нелепые букварные толкования этих же фанатиков, не могут, находясь в здравом уме, признавать такие тексты, притом за документальные свидетельства, например, что людей просто слепили из глины. Вот потому я и заявляю, что это простые, но истинно духовные тексты, которые передают некие исторические сказания и мудрость бытия, но строго на объективных критериях зла и добра. И верующим и ученым надо признать здоровое и более того наглядное толкование, тогда уже с этих позиций и найти взаимопонимание.

Некоторые служители культов и адепты невежественно запугивают всякого, кто пытается понять простую духовную мудрость, ссылаясь на изречение из откровения Иоанна Богослова. Где Иоанн Богослов, в конце своего откровения, дает предупреждение, мол, без добавлений или убавлений должны другие передавать его духовный текст. Тут думаю разумным понятно, что скрытую, духовную или зашифрованную информацию передают не прямым и букварным текстом, а потому передавать это надо точно и без изменений, но это не значит, что их не надо пытаться понять и расшифровывать, истолковывать. Так как они составляют особую относительную историю человеческого опыта, некоего этноса или человека, хотя и переданного стихами, песнями, притчами и так далее.

Бог - это Дух, пусть Истинный, т. е. тоже не нечто букварное, хотя по контексту и по сути ВСЕ благое относится именно с божественным! Однако, букварный, так и духовный признак благого, а так же порочного, может быть всюду, то есть дух дышит, где и в ком хочет. Потому плохие люди были, есть и будут, как и справедливые и добропорядочные, но при этом букварные черты и названия могут быть изменены. (по месту, временам, названиям и так далее) Судя именно по духовным характеристикам, каждый может найти в большом собрании этой же Библии свой прототип, как сама большая книга может соотноситься к малой судьбе некоего человека или общества.

На данный момент, я представляю только свое понимание (толкование), так же представлю такие же стилистические тексты и образные рисунки. Потому, прежде всего, судить об этом может только тот, кто этим владеет в писании или принимает мои критерии. Отрицания неких фанатиков этого материала, без их толкований и доводов в соотношениях со здоровой логикой, можно считать огульным суждением, т. е. я готов к дискуссии по этому материалу с понявшим меня человеком, но имеющим здоровое свое толкование!

Формировать вдохновенную космогоническую реальность можно от любой безначальной данности, а затем приводить через полноценности, совершенства, иммунитеты, модельные соотношения уже к объективной системе некой Единородности! Однако сначала мы с вами постараемся не только познать, но и осмысленно принять именно перевод духовного текста, но уже в букварное представление.

Итак, Ветхий Завет в общих чертах, именно духовно, а не буквально, описывает возникновение мира и всего того, что сотворено якобы за шесть дней творения. Многие же считают, что Бог сотворил бессмертных и совершенных Адама и Еву в раю. Опять же многие представляют духовное, почему - то буквально, в том числе сотворение из праха земного Адама, якобы с него и с Евы пошло все человечество! Так же часто предстает сцена, что после искушения, якобы говорящим биологическим змеем, который почему - то дал им яблоко, Бог их выгнал из рая? Вылепив же Адама из глины, Бог, как бы просто вдохнув в лицо своего духа, вот тогда Адам стал душою живою. Еще интересней, речь идет об неких деревьях, где имеется некое соотношение, мол, если питаться от древа «Вечной Жизни», то и душа обретает способность жить вечно, а если идет причастие к вождельным или запретным плодам, то происходит смертность для души. Возможно то, что я кратко сейчас истолкую по писанию и перейду на свои картины, многие сочтут абсурдом, а кто-то скажет, мол, что - то в этом есть. Возможно, наступит время, когда многие будут восклицать, мол, да кто этого не знает! Итак:

Для меня лично, Начало Ветхого Завета, это просто описание некоего вступления к сказанию, но которое пишется поэтическим вдохновением и в соотношении к началу истории еврейского этноса. Того именно древнего и поэтического представления о возникновении мира и человека в отношении этнической группы, то есть это не документальные свидетельства буквального сотворения!

В начальной истории еврейского этноса, речь идет о том, что добрый и благоразумный садовник - Бог, взял к себе на работу в сад человека, который был родом из долины, притом земля, которая его «родила», была мертвой или неплодородной почвой. То есть Адам не был рожден-отворен в раю, где плодородная была почва, его туда взяли работать, о чем свидетельствует то, что после нарушения договора, его же не буквально закапывают в мертвую землю, а именно обратно выселяют, туда же, как из какой земли его и взяли. Следовательно, лепка из праха земного Адама - это обычная метафора, мол, кто из какой земли слеплен или кто из какого теста слеплен, передано духовно, т. е. понимать это не следует буквально. Адам, до взятия его в Эдем, биологически был жив, как и после его искушения, он биологически тоже оставался живым. Адама просто выселили обратно, от куда и был он родом, т. е. где глиноземная была почва или в мертвую - прах, где в поте лица приходится добывать на пропитание. Есть и еще одно соотношение земли, где рожден был Адам, т. е. где обитали волки и росли тернии. Например, в соотношение рождения Иисуса, который родился на плодородном пастбище, среди мирных животных, в мире Горнем или на горе Галилея, тоже показательное космогоническое соотношение. Самое же интересное соотношение уже в Новом Завете, где хоронится Иисус и Иуда Искариот буквально. Иисус погребается в горном гроте сада, а Иуда Искариот буквально был похоронен в глиноземной почве (в прахе). Хотя Иисус на кресте просто потерял сознание и был таким похоронен, то есть в нем только телесный был дух, т. е. он телом был жив, а сознанием нет, он потерял сознание на кресте.

Иисус, при его воскресении, точнее приведении в чувства, смог остаться в живых, о чем свидетельствует не перебитые кости ног, что делают, чтобы сто процентов наступила смерть, а проткнув Иисуса копьем, пошла кровь с водою, то есть она не была свернутой. Следовательно, Иисус телесно был жив, его уже в гроте привели в сознание, два ангела, т. е. двое служителей из тайного ордена, они и переодели Иисуса обратно в садовника (с этого образа и начинается Ветхий Завет). Однако Иисус тогда именно и приобрел уже тайный образ, т. е. только при закрытых дверях он открывался своим близким. В переодетом образе, когда он даже шел рядом со своими учениками, но был ими не узнаваем. До этого Иисус был Свет, то есть он все делал и говорил явно, хотя и иносказательно, то есть духом, но его притчи и метафоры можно понять. Конечно, Иисус отошел к Отцу, то есть биологически умер, но только когда он еще сумел телесно вознестись в мир горний (мир небесный по вертикали), как при тумане он поднялся на гору в Галилеи и там биологически умер. (Это описано, как Иисус телесно на облаках был вознесен на небо) Только после смерти завещателя его ученики и вступили в его наследия, в том числе и в мудрость его учения, а дух учителя - Иисуса с его духовным просвещением оказался в его наследниках - учениках.

Что же произошло тогда, с биологически живым Адамом, и почему он биологически живой не был душою живою, а стал называться душою живою, только после вдыхание в лице некоего божьего духа? Из Нового Завета, да и из Ветхого Завета, можно понять, что именно истинное просвещение и делает чадами божьими, т. е. свет небесный или высшее просвещение (познание), высокий моральный дух и делает такого небесного наследника - душою живою! То есть тут тоже именно не буквально или биологическое соотношение и определение, а опять же по уровню духовной моральности или аморальности следует судить. Следовательно вначале Ветхого Завета, божий садовник и дал истинное просвещение Адаму, но как только очистил его низменное сознание, которое у него было в соотношении того бытия, из которого он и был родом (взят из праха). После же вкушения «неугасимого света» ада, как плодов познаний вождельных, т. е. непотребных, у Адама и Евы перевернулось

мировоззрение на падших духовно людей, т. е. изменилась их и духовная естественность. Как известно в естественности есть свобода, а в не естественности стеснения, неудобства, скованности. В те далекие времена, для детей природы, их кожный и волосной покров был их естественной одеждой, потому-то нагота Адама и Евы не стесняла. Вот как только, египетский горожанин от линии Сета, развратил Еву и Адама, то приняв уже его духовное естество, они обратились в духовно падших людей. (смертных, то есть смертные люди, это порочные или земные, духовно падшие люди) Тогда же для горожан естественным атрибутом была одежда, а нагота была не естественным, зато часто соотносилась с интимными либо сексуальными вождельностями. Потому-то садовник и понял, по стеснению уже к своей наготе у Адама и Евы, что произошло их духовное изменение естественности, тогда ему пришлось шить им одежду. Конечно, глупо считать, что Адам с Евой были самыми первыми людьми и Енох и был первым городом у человечества, ведь дети этих же Адама и Евы женились на других людях! Возвращаясь к разному понятию просвещения или познаний - света, то в Новом Завете вождельные плоды познания еще соотносят с земным светом Иоанна Крестителя, который освещая все низменное и несправедливое, избличал это. Иоанн Креститель осуждая, все же освещал именно низменное - земным светом, как то, что творилось тогда в падшем Еврейском царстве. (Именно низменное мировоззрение и бытие и есть неугасимый свет ада) Тогда как Иисус нес все возвышенное в благости, притом в соотношении запретных плодов, которые и даны были Моисеем. То есть Моисеем и были открыты плоды греха, что несут порочные люди или так сказать древо с непотребными плодами, по делам которых и соотносят их с падшими духовно представителями или смертными, но не по биологическим признакам и буквально деревьями! Потому-то, некоторые благоразумные родители, своим чадам говорят, мол, не стоит им водиться с плохими сверстниками, иначе их благое естество может тоже обратиться в падшее естество. Понятно, что эти плоды не яблоки, да яблоки и символически не могут относиться к терновнику, сornyкам и волкам, а они относятся к добротным плодам. Однако веками нелепо опять же представляют образно и в толкованиях, вкушения яблок. Что касается змея, то и под этим тотемом можно четко понять египтянина, притом именно из нижнего царства Египта, где змей был тотемным символом. Иисус себя соотносил со многими фактами или сущими. Он говорил, что он Путь, Хлеб, Дверь, Сын Человеческий, в том числе и соотносил себя с древом Вечной жизни, все потому, что благое может быть в духовном различном соотношении, потому - то буквально нельзя сказать, вот явно Бог или он в тайне. Духовную метафору или символ надо исследовать и соотносить в контексте событий или неких фактов, данных. Так под многими духовными символами или некими образами, в том числе бога и дьявола, ангелов и бесов часто скрыты люди, только одни доброй линии, а другие порочной. Конечно, линия зла могла захватывать и верхнее царства, как по вертикали, так и по горизонтали, а истинно верхние царства или их представители несли истинное равноправие и просвещение в нижнее царство или в падшие системы. Иногда одна линия совершала переворот внутри некоего общества, а другая совершала исход или её изгоняли вовне. (при сменах доминанты) Потому отмечать Пасху можно, но и нужно понять, что не смогли тогда евреи очиститься, потому-то Моисей так и остался при дверях рая, а вошедшие не очистившие от пороков евреи, сделали в обетованной земле именно падшее царства. Из которого при аналогичных событиях совершали уже добropорядочные люди исход в Египет, в том числе и семья Иисуса, т. е. произошла христианская так сказать тогда Пасха, а не при воскресении Иисуса как пытаются это соотносить.

При этом перевороты в массовом сознании и в бытие, происходят так же как и в частном порядке, только такие вот обращения никто не хочет не только понимать и исследовать, но и кроме меня никто не желает замечать пока. Эти перевороты в бытие и в сознании и есть переход из одного мира в иной, через изменение естественности или духовного естества к некому бытию, но с учетом полноценных моделей и объективности в соотношениях: «Сознание к сознанию, бытие к бытию, сознание к бытию и бытия к сознанию», так как не всегда есть совпадения сознания к сознанию или сознания к некому бытию. В космогонии народов мира, очень многое следует понимать, например, что совершенство - это тоже особая свобода. Так совершенное зло или нечестие, всему несет нечестие и зло, даже не обращая внимания на аналогии или различия (то есть не имеет избирательности даже по аналогичным себе же признакам). Так и совершенное благое, тоже всему несет благо, не обращая внимания на признаки добра или зла. Эти совершенные отношения часто и заставляют непозорливых людей говорить, мол, разницы то нет, каким быть, как плохие, так и хорошие биологически умирают, притом могут от одной причины, так и могут получать все некие блага. Однако это не дает считать, благое - порочным, а порочное - благом! Так же надо понимать различный иммунитет. Например, добropорядочный может иметь иммунитет, как и порочный представитель, но конечно, добropорядочный от порочной среды и общества, а нечестивый от справедливого и равноправного, истинного в высоком морализме общества. Так благочестивый человек может даже в падшем мире, насыщенных пороками и коррупцией, неравноправии и так далее, не обращаться в часть падшего

реального мира. Добропорядочный человек, может даже спасать других, как реально обращать некоторых из их падшего естества, но уже в добропорядочное духовное естество. Кто же не имеет иммунитета от оружия дьявола в его мире, то таким следует принимать аскетизм! Например, Иисус прошел искушение, устояв от соблазнов и попыток совершения нелепых знамений. Потому Иисус мог общаться с порочными людьми и быть в порочной системе (в аду), но не обращаться в духовно падшего человека. Иоанн Креститель же вел аскетический образ жизни, т. к. боялся искушений и соблазнов, которые он освещал, так сказать земным светом.

Почему же трудно порой понять писание, если все просто и надо только применять соотношения по метафорам, аллегориям и так далее? Простого, но здорового толкования пока не приемлют, т. к. оно не выгодно служителям всяких культов, а ученые к таким работам еще и не приступали. Есть и сложности от буквального и духовного понимания текста. Вот пример, все считают, что Каин принес Господу в жертву некий злак, то есть злак от земли (от земледелия), но это не так. Почему? Все опять надо соотносить, но уже из последовательности и буквального плода от земли. Как известно Каин в итоге построил город Енох, но этого не возможно, если бы у него было аграрное сознание, а не технократическое. Следовательно, тут надо буквально понимать, что плод от земли был горшком, а это можно подтвердить апокрифами того периода, где говорится, что Каин наследовал мир недвижимый и неодушевленный, а Авель и в последствии Сиф, были соотнесены к людям с природным сознанием. Много можно интересных соотношений написать и дать токования, но думаю надо перейти к реальным духовным представлениям, которые написаны в той же стилистике, т. е. они не противоречат Святым писаниям. Даже напротив, включают в себя все главные моменты космогонических представлений, но именно исключая буквальные названия места и так далее.

Рисунок 2. Эта самая у меня интересная картина и она очень сложная в созерцании и в понимании, но я коротко напишу о ней и дам так же короткий духовный текст к картине.

В картине отображены два основных мира, мир низменный, зла или ад и мир вышний или благодати и рая. Картина в цвете, а потому многие элементы не видно, но эти картины можно и разукрашивать по разным цветам, а каждый раз будут новые проявляться созерцания. Основной же тут сюжет, именно о двух деревьях.

Так в представленном положении картины видно, как из корня дерева, корень этот в виде обрезанного сердца, выходит ствол дерева. Ствол в виде ручки уже переходит в целое зеркало или зеркало. По краям зеркала символически двенадцать листьев, из — за которых видны двадцать четыре колена, они отображают некое поколение, которое созерцает и вкушает возвышенную духовную пищу и дела у этого поколения в реальности ВЕЛИКИЕ, СЛАВНЫЕ! Вверху картины видно лицо человека, но не понятен его пол, т. к. это может быть невеста и нижние листья, которые под лицом — это фата. Это может быть мужчина наездник, в красных сапогах. Вся эта композиция может соотноситься со многими историческими моментами, притом описанными и от начала даже Библии. Можно взять и Новый Завет, и тогда эту картину можно соотнести с въездом Иисуса в Иерусалим, когда его встречают пальмовыми ветвями, а сердечко уже накладка на ослике. Дух находится над Иисусом, что соотносит его с небесным светом. Самое интересное, что древо с запретными плодами находится в этой же композиции, но чтобы его созерцать, надо перевернуть картину на 180 градусов. (Как бы открыть глаза с другой стороны) Если на первоначальном ракурсе картины, дух находится над человеком или деревом, то в перевернутом положении, он уже направлен вниз. То есть если Дух, например, этого же Иисуса вышний или небесный Свет, то в другом ракурсе дух направлен вниз и как бы выходит из отрубленной головы уже Иоанна Крестителя. То есть при перевернутом ракурсе можно созерцать уже иное. Например, рюкзак зеркала, словно фаллос для стриптизерши — блудницы, которая раскинув ноги, символизирует конкуренцию или междоусобицу, братоненавистничество и похоть, а перевернутое сердечко — это уже оголенные груди танцовщицы. Это напоминает даже картину из сказки «Золотой петушок», когда братья убивают друг друга, как и картину с копиями Кочубея и Ярослава. Поколения людей созерцают и впитывают от лживых богачей и фарисеев духовный блуд и живут в такой системе, где все зеркально перевернуто. Притом поколения (колени за листьями), могут уже созерцаться как черви или воли в овечьих шкурах, а на самом таком народе и водах сидит эта блудница и духовные блудники — ложные жрецы. Поколения, как некая уже арена, переходит в поднос, на котором отрубленная голова Иоанна Крестителя. Из уст, которого и выходит земной или низменный свет, которым он изобличает эти падшие в пороки и в сатанинские соблазны царства. Описывать можно много и долго, а я завершу эту картину сопроводительным духовным текстом.

«Вот род возвышенный и благоразумный. Он словно древо вечной жизни и ветви власти его, и плоды дел его добрые. Род божественный дает плод истинной мудрости, что есть пища для наследников божьих и только обладатели этого возвышенного духа, как Света небесного, истинного просвещения и могут считаться живой душой. Справедливы такие народы и люди такие мудрые, порой один лишь человек имеют такую судьбу, где между народами с фанатичными предрассудками, другая во-

все судьба. Кто же приняв высшую мудрость, живут ей, т. е. они ей и руководствуются, а небесный свет дает им судьбу высшего предназначения. Однако это не значит почивать на лаврах в неге и придаваться излишества, а высшее предназначение, пусть даже в малом и простом, но когда из некоего плохого, делать уже благое. Всякий же унижая того, кто из скверного, пусть даже малого сора, но делает чистоту, наполняя затем добротным, такой и Бога Великого хулит, а сам лицемерно в рукотворных храмах якобы богу служит.

Народы видят славу и величие своих истинных вождей, которые попирают вечных червей зла и волков в овечьей шкуре и бросают их символы к подножию ног.

Однако стоит лишь вкусить непотребные плоды, что от порочного рода, как привить к себе ветви с порочными плодами и поучениями от порочных людей, то происходит обращение. Все зеркально переворачивается в сознании и в бытие, а человек становится падшим, такой уже в первой смерти прибывает, но может думать, что он не умер и как нечестивые биологически живы, так и он жив. Хотя нет у таких порочных людей дыхания уже Истинного и Возвышенного, которое как небесный свет и дает считать таких обладателей душой живою. Поколения падшие уже в порочной их системе царства мертвых, там они созерцают растения, жестокости, азарт, предательство легионеров всяких мастей. Они словно вечные черви зла питаются нечестивой пищей, но считают это справедливым и верой их в бога. Блудница и жрец на народе, словно на водах чаши с мерзостями человеческими сидят, а поколения восхищаются всеми мерзостями и несправедливостями, считая это справедливым, но порочат день и ночь, справедливые царства истинной эпохи. Там нет равноправия и равных возможностей, многие народы уже психологически рабелепствуют перед фарисеями и богачами...»

По сути, в этой картине начертана и представлена вся Библия Ветхого и Нового Завета. В заключение мое наставление в стихах:

СВЯТАЯ СИЛА

**Есть сила слов: подай! — И вот уж подают.
Себе сказал сходить туда- сюда, и тело ходит.
Когда же скверные источники дают,
Святую силу ты порой в них не находишь.
Ты отвращаться от порока не привык.
И мерзость, и тлетворность твоя пища.
Не будь же червем зла, что с этой пищей свык,
На свалках мерзостей и глена рыска.
От лжи и мерзостей ты отвращение имей.
И стойким будь от злого искушенья.
Источники премудрые, благие ты излей,
Чтоб вечной пищей стать у Истинного поколенья!**

Второй рисунок можно представить так:

Эта картина называется «Богослов». В Центре картины находится человек, который пером пишет на веках. Это созерцается буквально, но понимать надо духовно, как пишет на века. Над этим человеком символ Святого Духа, то есть звезды, которая иногда стоит над неким вечнозеленым деревом или символично звезду возносят на вечнозеленое дерево или на чело головного убора. Можно заметить, что этому человеку черт и бог внушают в уши нечто написать и так же возникают различные другие созерцательные видения. Текст к этой картине можно написать в таком духовном ключе:

«Сотворил Бог, словом века. Из невидимого, сотворил господь Бог видимое. И было неисчислимо и неисповедимо то, что и стало «ВИДИМЫМ — НЕВИДИМЫМ». И вот поставил столпом Бог пророка и велел тому записать все на века. Ибо, словом божьим века утверждены. Но стал дух лукавый внушать пророку все злое, непотребное и низменное. Тогда как Бог внушал все доброе, благоразумное и возвышенное. И вот все, что внушает лукавый, на то вето и запрет налагает истинный пророк, а что от Бога и потребно, тому разрешение дает. Итак, познай человек, что в Боге только добро, и его нет пороку, запрет и наказание за пороки и наказание зла и нечестия — Это тоже добро! В нечестивом завете тоже есть то, что разрешается и есть то, что запрещается, но там разрешают несправедливые отношения между членами в обществе, предательства чести и доброй совести, часто оправдывая, мол, запретами и наказаниями не решают борьбу с нечестием, тем порождают безответственность и безнаказанность в тотальной несправедливой системе. При этом не дают там доброму и справедливому дорогу, как только под покровительством богачей и жрецов, тем такие являются частью порочной системы и находясь под их господством. Когда же здраво запретное может разрешаться? На то есть многие моменты, например, по возрасту и по иным цензам, но есть то, что никогда не следует даже познавать, т. к. нет иммунитета к некой духовной непотребной пище.

Пророк же мудро запечатлевает внушения, которые ему передаются, но именно духовный пророк излагает о невидимом, как о видимом, а видимое он и скрывает сокровенными метафорами, притчами, аллегориями, сказаниями. Мудрый, глядя в это собрание предназначений — ими живет, а глупцы все ждут, когда придет чудо господнее и все им еще миллионный раз истолкует, что непотребно, а что потребно делать человеку...»